

Король Fantasy

ГРЕГ КИЗ

МЕРТВЫЙ ПРИНЦ

Грегори Киз
Мертвый принц
Серия «Королевство
Костей и Терний», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160151

Мертвый принц: Эксмо, Домино; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23278-9

Оригинал: J. GregoryKeyes, "The Charnel Prince"

Перевод:

Ирина А. Оганесова

Владимир А. Гольдич

Аннотация

Страшные времена настали – многие верят даже, что грядет конец света. Несколько недель назад луна окрасилась кровью и протрубил рог, который слышали во всех уголках континента. Легендарный Терновый Король пробудился в лесной чаще, чудовища и колючие лозы следуют за ним по пятам. Почти вся королевская семья убита, зловещие жертвоприношения совершаются в лесах... И самое страшное – нарушен закон смерти: тот, кто умер, должен оставаться мертвым.

Содержание

Пролог	4
Часть I	24
Глава 1	25
Глава 2	40
Глава 3	60
Глава 4	85
Глава 5	100
Глава 6	109
Глава 7	125
Глава 8	138
Глава 9	160
Глава 10	175
Часть II	183
Глава 1	184
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Грегори Киз

Мертвый принц

Посвящается Элизабет Вега

Пролог

Had laybyd hw loygwn eyl

Nhag Heybeywr, ayg nhoygwr niwoyd

Лес разговаривает на многих языках.

Слушай внимательно, но никогда не отвечай.

*Пословица племени Ньюд ни Вад, которую часто
повторяют детям в качестве предупреждения*

– Я слышу шум, – прошептал Мартин, натянув поводья своего серого в яблоках коня. – Какой-то неестественный звук...

Пронзительно-голубые глаза монаха, казалось, пытались пробуравить толстые стволы дубов и скалистые холмы Королевского леса. По тому, как он расправил плечи под кроваво-красной рясой, Эхок видел, что все его мышцы напряжены.

– Еще бы! – весело отозвался сэр Онье. – Этот лес чешет языком, точно обезумевшая от любви красотка.

Однако, несмотря на легкомысленность тона, когда сэр

Онье повернулся к Эхоку, взгляд черных глаз старого рыцаря был серьезен. Лицо его – треугольное, с мягкими чертами и лучиками морщинок, прорезавшимися к пятидесяти годам в уголках его смешливых глаз, – неизменно вызывало у Эхока удивление, поскольку не слишком-то подходило человеку, заслужившему репутацию свирепого воина.

– А ты что скажешь, приятель? – спросил Онье.

– Как я мог заметить, – начал Эхок, – от ушей брата Мартина не укроется и вздох змеи за холмом. Мой же слух не отличается такой остротой, и, если верить ему, сейчас в лесу очень тихо. Но должен сказать, сэр, что как раз это-то и странно. Даже птицы умолкли.

– Во имя яиц святого Рустера, – фыркнул Онье, – о чем ты? Какая-то пичуга так голосит, что я не слышу собственного голоса!

– Да, сэр, – ответил Эхок. – Но это этечакичук, а они...

– Говори на королевском языке, парень, или на алманнийском! – рявкнул угрюмый мужчина, одетый в такую же рясу, что и Мартин. – Нечего трещать на своем варварском наречии.

Его звали Гаврел, и он был одним из пяти монахов, путешествующих с отрядом. Лицо его было сморщенным и потемневшим, будто его вырезали из яблока и оставили сохнуть. Эхоку он не слишком нравился.

– Сами следите за своим языком, брат Гаврел, – добродушно пожурил монаха сэр Онье. – Это ведь я разговариваю

с нашим юным проводником, а не вы.

Гаврел мрачно сощурился, но счел за лучшее не препираться с рыцарем.

– Так что ты там говорил про птиц, Эхок? – спросил сэр Онье.

– Кажется, вы называете их черными дятлами. Они вообще ничего не боятся.

– Понятно. – Онье нахмурился. – Тогда давайте помолчим, пусть брат Мартин хорошенько прислушается.

Эхок послушно умолк и тоже напряг слух. Однако лес и впрямь был как никогда молчалив, и эта тишина пугала, сжимая сердце ледяной рукой страха. Это было так странно...

Но ведь и времена стояли странные. Не прошло и двух недель с той ночи, когда лунный серп окрасился багрянцем, что было воистину зловещим предзнаменованием, и ветер принес пение диковинного рога. И рог этот слышали не только в деревне Эхока, но и повсюду. Старые предсказательницы принялись твердить о скором конце света, и все привычнее становились слухи о страшных чудовищах, которые бродят по Королевскому лесу, убивая всех на своем пути.

А потом с запада пришли эти люди, рыцарь церкви в роскошных доспехах и пять воинов-монахов ордена Святого Мамреса. Они появились в деревне четыре дня назад и попросили дать им местного проводника. Старейшины выбрали Эхока, и неспроста. Хотя ему только-только исполнилось

семнадцать, Эхок был превосходным охотником и следопытом, в этих делах среди односельчан ему не было равных. Их деревня стояла у подножия Заячьих гор, и путешественники редко забирались в такую глушь. Поэтому Эхок с радостью согласился стать проводником для пришлых монахов – когда еще выпадет возможность разузнать, что творится в далеких землях.

И надежды его оправдались. Сэр Онье де Лойнгвель с удовольствием повествовал о своих приключениях. Где он только не бывал! Монахи же все больше помалкивали и немного пугали Эхока – все, кроме Гаврела, который тоже его пугал, но редко помалкивал, и Мартина. Последний был человеком добрым – на свой грубоватый манер. Он не любил распространяться о себе, но, когда из него все же удавалось вытянуть несколько скупых фраз о его жизни и обучении, это всегда было интересно.

Однако один вопрос Эхока так и остался без ответа: что ищут эти люди? Порой ему казалось, что они и сами этого не знают.

Сэр Онье снял шлем и засунул под мышку. Заблудившийся луч солнца заиграл на стальном нагруднике, когда рыцарь наклонился, чтобы успокаивающе похлопать по шее лошадь. Затем он вновь серьезно посмотрел на Мартина.

– Ну как, брат? Что нашептали тебе святые?

– Думаю, святые тут ни при чем, – ответил монах. – Я слышу шорох, много людей идет по траве, но они пыхтят,

как собаки. И издают необычные звуки. – Он повернулся к Эхоку. – Кто живет в этих краях?

Юноша задумался.

– В холмах есть деревни племени Дат аг Пэй. Самая ближняя – Агдон, по ту сторону этой долины.

– Это воинственное племя? – спросил Мартин.

– Да нет вообще-то. Тамошние жители – земледельцы и охотники, как и мои односельчане.

– А звуки приближаются? – спросил сэр Онье.

– Нет, – ответил Мартин.

– Хорошо. В таком случае заедем в деревню и расспросим местных жителей.

– Да, смотреть тут не на что, – заметил сэр Онье, когда они добрались до Агдона.

Времени на дорогу ушло немного, вдвое меньше, чем промежутков, который отмеряет колокол.

На взгляд Эхока, Агдон не слишком отличался от его родной деревни – несколько деревянных домиков, сгрудившихся вокруг площади, да длинное, поднятое на столбах здание, где жил староста.

Единственное различие заключалось в том, что в его родной деревне кипела жизнь: люди спешили по своим делам, в дорожной пыли копошились куры, ворочались свиньи. Агдон же оказался пустым, как обещание сеффри.

– А где все? – спросил сэр Онье. – Эй! Есть тут кто-нибудь?

Ответом ему была гнетущая тишина.

– Взгляните сюда, – позвал Мартин. – Они пытались построить укрепления.

Эхок увидел частокол из свежесрубленных молодых деревьев, рядом лежали еще колья, которые почему-то так и не пошли в дело.

– Держите ухо востро, ребята, – тихо проговорил сэр Онье. – Давайте посмотрим, что случилось с жителями деревни.

Но они ничего не нашли. Ни тел, ни следов драки. Эхок наткнулся на медный чайник с обожженным дном. Его оставили на костре без присмотра, и вода выкипела.

– Такое впечатление, будто они все разом взяли и ушли, – сказал он Мартину.

– Угу, – проворчал монах. – И очень спешили, раз ничего не прихватили с собой.

– Они чего-то испугались, – добавил Эхок. – Венки из омелы на дверях – это чтобы отвлечь зло.

– Да и этот недостроенный частокол к тому же... – проговорил сэр Онье. – Прайфек был прав. Здесь творится что-то неладное. Сначала сефри ушли из леса, а теперь и селяне. – Он покачал головой. – По коням! Мы едем дальше. Боюсь, наша миссия стала еще более спешной.

Они покинули Агдон, галопом пересекли плоскогорье, оставив позади могучие железные дубы, и въехали в заросли орешника, амбровых деревьев и витаэков.

Все та же пугающая тишина царила вокруг, и лошади явно нервничали. Брат Мартин едва заметно хмурился.

– Давай сюда, приятель, – обернувшись, позвал Эхока сэр Онье.

Юноша послушно прищпорил свою кобылку мышастой масти и догнал рыцаря.

– Что, сэр Онье?

– Хочешь дослушать историю до конца?

– Да, сэр, конечно!

– Итак, мы остановились на том, как я плыл на борту корабля?

– Да, сэр. На «Печальной вести».

– Точно. Мы только что прорвали блокаду у Рейскеля и разметали в щепки то, что оставалось от флота жакиенских пиратов. Наш корабль был сильно потрепан в боях, как, впрочем, и многие другие суда, так что в Рейскеле собралась целая очередь на ремонт. Погода стояла прекрасная, и мы решили, что сумеем добраться до Копенвиса, где в сухих доках обычно стоит поменьше кораблей. – Он покачал головой. – Но удача отвернулась от нас, и туда мы не попали. Начался шторм, и только благодаря заступничеству святого Лира мы оказались возле никому не известного маленького островка, где-то неподалеку от островов Печали. Мы доплыли до берега на лодке и принесли благодарственные молитвы и подношения святому Лиру и святому Вриенту, а затем отправили разведчиков на поиски местных жителей.

– Вы нашли кого-нибудь?

– В некотором смысле. Половина пиратского флота разбилась лагерь на подветренной стороне острова.

– О, значит, вы попали в беду!

– Да уж. Нашему кораблю крепко досталось, и уплыть мы не могли. Спрятать его не представлялось возможным. Нас довольно скоро обнаружили.

– И что вы сделали?

– Я отправился в лагерь пиратов и вызвал их главаря на дуэль чести.

– Неужели он принял вызов?

– Ему пришлось. Пиратские капитаны не могут позволить себе выглядеть слабаками в глазах приспешников, иначе за ними никто не пойдет. Если бы он отказался, на следующий день ему бы пришлось драться с десятью претендентами на звание вожака шайки. А я раз и навсегда освободил его от этих забот, прикончив негодяя.

– И что было потом?

– Я бросил вызов его первому помощнику. А затем следующему по старшинству, и так далее.

– И всех убили? – ухмыльнувшись, спросил Эхок.

– Нет. Пока я с ними сражался, мои люди захватили один из их кораблей и уплыли.

– Без вас?

– Да. Я им приказал.

– И что дальше?

– Когда пираты обнаружили, что случилось, они, разумеется, взяли меня в плен, и дуэли прекратились. Но я сумел их убедить в том, что церковь заплатит за меня выкуп, и потому они вполне прилично со мной обращались.

– А церковь заплатила?

– Может, и заплатила бы – только я не стал это выяснять. При первой же возможности я сбежал.

– Расскажите! – взмолился Эхок. Рыцарь кивнул:

– Всему свое время, дружок. Теперь твоя очередь. Ты здесь вырос. Старейшины твоей деревни наверняка толкуют про греффинов, мантикор и прочих диковинных чудовищ, объявившихся вдруг повсюду после тысячелетнего отсутствия. Что ты сам об этом думаешь, Эхок? Ты им веришь?

Прежде чем ответить, Эхок взвесил каждое слово.

– Я встречал необычные следы, а порой до меня долетали странные запахи. Мой кузен Оуэл видел зверя, похожего на льва, но с головой орла и чешуей по всему телу. Оуэл никогда не врет, к тому же он не робкого десятка и не из тех, кому чудится всякая небывальщина.

– Значит, ты веришь в эти истории?

– Угу.

– А откуда пришли чудовища?

– Говорят, они спали... ну, как медведи спят всю зиму в берлоге, а цикады – семнадцать лет под землей, прежде чем вылезти на поверхность.

– А как ты думаешь, почему они сейчас проснулись?

Эхок снова помедлил, подбирая слова.

– Смелее, парень, – мягко подбодрил его рыцарь. – Я знаю, ваши старейшины не очень-то распространяются об этом, должно быть, опасаются, что их назовут еретиками. Если ты тоже боишься этого, можешь быть со мной откровенен. Нас окружают таинственные деяния святых, и без наставлений церкви людей иногда посещают странные мысли. Но ты здесь живешь и знаешь то, чего не знаю я. Всякие там истории, старинные баллады...

– Да уж, – с несчастным видом подтвердил Эхок и покорился на Гаврела, спрашивая себя, не обладает ли и тот более тонким слухом, чем обычный человек.

Сэр Онье заметил его взгляд.

– Этой экспедицией руковожу я, – сказал он все так же тихо. – Даю слово рыцаря, что тебе ничто не грозит. Итак, что говорят старухи в деревнях? Отчего в лесных дебрях стала шнырять нечисть?

– Они говорят, это все Эттороум, Король Лишайников, – нехотя ответил Эхок. – Он проснулся, когда взошла кровавая луна. Это было предсказано в старых пророчествах. А жуткие твари – его слуги.

– Расскажи мне про Короля Лишайников.

– Ну... это всего лишь старые сказки, сэр Онье.

– Все равно Расскажи. Прошу тебя.

– Говорят, с виду он похож на человека, но сотворен из того, что растет в лесу. А еще у него рога, как у лося. – Эхок

открыто взглянул рыцарю в глаза. — И будто бы он жил здесь еще до святых, вообще до чего бы то ни было, когда весь мир был одним бескрайним лесом.

Сэр Онье кивнул, как если бы рассказ Эхока подтвердил то, что ему и так было известно.

— А отчего он пробудился? — спросил рыцарь. — И что будет делать? Что об этом говорится в пророчествах?

— Этот лес принадлежит ему, — ответил Эхок. — И только ему самому известно, что он станет делать. Но, говорят, когда Эттороум проснется, лес обратится против тех, кто причинял ему вред. — Он отвернулся и посмотрел в сторону. — Вот почему ушли сеффри. Они боятся, что он нас всех убьет.

— А ты боишься?

— Не знаю. Только...

Он замолчал, не зная, как выразить свою догадку.

— Продолжай.

— У меня был дядя. Он вдруг заболел. С виду он казался вполне здоровым — ни болячек, ни открытых ран, ни даже лихорадки, — но шли месяцы, а он все слабел и слабел, глаза у него стали тусклыми, кожа побледнела. Он умирал очень медленно, и только в самом конце мы поняли, что он от нас уходит. Почувствовали запах смерти.

— Прими мои соболезнования.

Эхок пожал плечами.

— Лес... Мне кажется, он умирает точно так же.

— С чего ты взял?

– Я чувствую запах.

– Понятно.

Несколько минут, пока рыцарь обдумывал услышанное, они ехали молча.

– А этот Король Лишайников, – наконец произнес сэр Онье, – ты когда-нибудь слышал, чтобы его называли Терновым королем?

– Его так называют усттиши, сэр Онье.

Сэр Онье вздохнул и, казалось, вдруг разом постарел.

– Так я и думал.

– Значит, вот кого вы ищете в лесу, сэр? Тернового короля?

– Да.

– Тогда...

Но Эхока неожиданно перебил Мартин:

– Сэр Онье?

Между сосредоточенно сдвинутых бровей монаха пролегла глубокая складка.

– Да, брат?

– Я снова их слышу.

– Где?

– Повсюду. Теперь со всех сторон. Они приближаются.

– Что это, Мартин? С чем нам предстоит иметь дело? С прислужниками Тернового короля?

– Не могу сказать, сэр Онье. Знаю только, что мы окружены.

– Эхок?

– Нет, сэр. Я ничего не слышу.

Впрочем, вскоре шум услышали все. Лес вокруг них наполнился шорохами и шелестом, деревья словно бы ожили и теснее обступили маленький отряд. Лошади, даже Эйрис, боевой конь сэра Онье, испуганно заржали.

– Приготовьтесь, парни, – прошептал сэр Онье.

И только тогда Эхок заметил врагов – почти неразличимые тени в густых кронах. Они ворчали и рычали, как дикие звери, мяукали и каркали, но это были люди, некоторые во все без одежды, другие – в необработанных шкурах.

Сэр Онье прищпорил коня, знаком приказав остальным последовать его примеру, и вскинул тяжелое ясеневое копье. Впереди на тропе их поджидали несколько человек.

Сердце отчаянно заколотилось у Эхока в груди, когда они подъехали ближе. Их оказалось семеро, мужчин и женщин, с ног до головы исцарапанных и покрытых синяками. Они стояли, в чем мать родила – все, кроме одного. На его плечи, словно плащ, была наброшена львиная шкура, а голову украшали развесистые олени рога.

– Эттороум! – выдохнул Эхок.

От страха он не чувствовал ног, сжавших коленями бока лошади.

– Нет, – сказал Мартин. – Это человек. А рога приделаны к шапке.

Эхок пытался совладать с туманящим разум ужасом. Он

видел, что Мартин прав. Но это ровно ничего не значило. Эттороум – колдун. Он может принять любое обличье.

– Ты уверен? – спросил сэр Онье у Мартина. Должно быть, рыцарь испытывал те же сомнения, что и Эхок.

– Он пахнет, как человек, – ответил монах.

– Они повсюду, – пробормотал Гаврел, который вертел головой из стороны в сторону, вглядываясь в лесную чащобу.

Три других монаха натянули тетивы луков и рассредоточились, чтобы защитить отряд со всех сторон.

Мартин поравнялся с Эхоком и тихо проговорил:

– Держись возле меня.

– Эхок, дружище, – обратился к юноше сэр Онье, – а это не могут быть жители деревни?

Эхок вгляделся в лица людей, стоявших за спиной предводителя в рогатом головном уборе. Волосы у них у всех были грязные и спутанные, а глаза – мутные, как у мертвецки пьяных или зачарованных.

– Может быть, – проговорил он, – но они в таком виде, что поручиться я не могу.

Сэр Онье кивнул и остановил своего скакуна в десяти ярдах от странных людей. Неожиданно наступила такая тишина, что Эхок услышал, как ветер колышет верхушки деревьев.

– Я сэр Онье де Лойнгвель, – выкрикнул рыцарь зычным голосом, – посланник церкви, выполняющий ее святую волю. С кем имею честь?

Рогатый ухмыльнулся и поднял руки. Всадники увидели, что он сжимает в кулаках извивающихся змей.

– Посмотрите в глаза этим людям, – мрачно сказал Гаврел, обнажая меч. – Они безумны.

– Остановитесь, – приказал сэр Онье и, оперевшись рукой о луку седла, наклонился вперед. – Умно, – громко произнес он, обращаясь к рогачу. – Другой на твоём месте назвался бы или произнес какое-нибудь ничего не значащее приветствие. Но не ты – ты слишком умен для этого, рогоносец. Взамен ты потрясаешь перед моим носом змеями. Очень изобретательно, должен заметить. Блестяще. Я с нетерпением жду следующего остроумного выступления.

Обладатель оленьих рогов лишь моргнул в ответ, словно слова сэра Онье были не более чем каплями дождя.

– Вы не в себе, верно? – спросил рыцарь.

На сей раз его собеседник запрокинул голову к небесам, раскрыл рот и завыл.

И тут запели тетивы сразу трех луков. Обернувшись на звук, Эхок увидел, как три монаха одновременно выстрелили в сторону леса. Обнаженные и полуобнаженные существа, до сей поры смирно сидевшие на деревьях, неожиданно перешли в наступление. Вот одно из них упало, сраженное стрелой в шею. Это оказалась женщина. Должно быть, когда-то она была миловидной. Умирая, она билась на земле, точно раненый олень.

– Прикрой меня, брат Гаврел, – попросил сэр Онье и на-

правил свое копьё на тех, кто перекрыл отряду путь.

Как и их соплеменники на деревьях, стоявшие на тропе были безоружны, и сэр Онье не сомневался, что вид рыцаря в доспехах их отпугнет. Однако он ошибался. Одна из женщин вдруг бросилась вперед, прямо на его копьё. Сила удара была столь страшна, что наконечник проткнул ее насквозь и вышел из спины. И все же безумная упрямо вцепилась в древко, как будто надеялась, подтянувшись по нему, добраться до своего убийцы.

Сэр Онье выругался и обнажил меч. Он зарубил одного мужчину, бросившегося на него, затем другого, но из леса появлялись все новые и новые обезумевшие враги. Три монаха продолжали выпускать стрелы с быстротой, казавшейся Эхоку невыносимой, и всякий раз попадали в цель. Вскоре по сторонам тропы образовались курганы мертвых тел.

Мартин, Гаврел и сэр Онье, орудовавшие мечами, поменились местами с лучниками, прикрыв их, чтобы тем удобнее было стрелять. Эхок оказался в самом центре круга. Опомнившись, он запоздало вскинул собственный лук и наложил на тетиву стрелу, но вокруг царил такой хаос, что он растерялся и не сразу смог найти себе мишень.

Врагов было не счесть, но все они были безоружны.

А потом кто-то из полуголых людей, похоже, вспомнил, как надо бросать камни. Первый булыжник отскочил от шлема сэра Онье, не причинив никакого вреда, но вскоре на всадников обрушился целый град снарядов. Безумцы между

тем тоненько заскулили – то ли пытались петь без слов, то ли оплакивали павших. Поскуливание то стихало, то набирало силу, точно крик козодоя.

Брошенный кем-то камень угодил в лоб брату Алваэру, монах покачнулся, из раны хлынула кровь. Слепленный, он поднял руку, чтобы протереть глаза, и какой-то полуголый здоровяк воспользовался этим мгновением, чтобы силой стащить его с коня, увлекая в штормовое море неистовых лиц.

Разумеется, Эхок никогда не видел моря, но представлял его себе по живописным рассказам сэра Онье – как озеро с бушующими волнами. Алваэр был похож на тонущего. Он вырвался было на поверхность, но его снова увлекло вниз. Монах вынырнул еще раз, довольно далеко и весь в крови. Эхоку показалось, что он лишился глаза.

Потом он в последний раз пробился к поверхности – и исчез навсегда.

Тем временем остальные монахи и сэр Онье продолжали рубить врагов, но горы тел вокруг них выросли настолько, что лошади уже не могли двинуться. Следующим погиб Гаврел – его затерли в толпе и разорвали на части.

– Они нас одолеют! – крикнул сэр Онье. – Нужно прорываться.

Он пришпорил Эйрису и стал продвигаться вперед, его меч подымался и опускался, обрубая тянущиеся к нему руки. Лошадка Эхока дико ржала и вертелась на месте. Неожи-

данно к юноше подскочил один из дикарей и вцепился ему в ногу грязными острыми ногтями. Закричав от боли, Эхок выронил лук и схватился за кинжал. Он ударил и больше почувствовал, чем увидел, как лезвие вошло в чужую плоть. Однако его противник, не обращая внимания на рану, подпрыгнул и, схватив за руку, принялся с пугающей силой стаскивать юношу с лошади.

В следующее мгновение рядом оказался Мартин, и голова врага покатилась по земле. Эхок с каким-то отстраненным любопытством проводил ее взглядом.

Оглянувшись, он увидел, как упал сэр Онье – три человека повисли на его руке с мечом, а двое других тянули рыцаря, стаскивая с коня. С губ сэра Онье сорвался страдальческий крик. Монахи отчаянно пытались прорваться к нему, двигаясь невероятно стремительно и атакуя, казалось, во всех направлениях одновременно. Они не успели.

Камень ударил Эхока в плечо; еще несколько попали в Мартина, причем один из них ударил ему в голову. Монах покачнулся, но сумел удержаться в седле.

– Следуй за мной, – приказал он Эхоку, – и не отставай.

Мартин быстро развернул лошадь и помчался прочь от тропы и своих товарищей. Совершенно растерявшись, Эхок и не подумал послушаться. Меч Мартина двигался столь молниеносно, что глаз не успевал за ним уследить. Монах выбрал направление, где нападавших было меньше всего, и стал прорубать дорогу туда, где за полем боя протекал ши-

рокий ручей.

Они влетели в воду, их кони погрузились по грудь и поплыли. Противоположный берег был довольно пологим, и, выбравшись на сушу, кони смогли одолеть подъем.

Оглянувшись, Эхок увидел, что часть врагов последовала за ними.

Мартин схватил Эхока за плечо.

– Прайфек должен узнать о том, что здесь произошло. Ты меня понял? Прайфек Хесперио, в Эслене. Я знаю, что прошу многого, но поклянись, что ты это сделаешь.

– Эслен? Но я не могу... Он слишком далеко, и я не знаю дороги.

– Ты должен. Должен, Эхок. Считай, что это последняя просьба умирающего.

Несколько преследователей уже с плеском вошли в воду и неуклюже поплыли к их берегу.

– Пожалуйста, поедem вместе! – взмолился Эхок. – Одному мне ни за что не добраться в столицу!

– Я тебя догоню, если смогу. Но я должен задержать их здесь, а ты скачи во весь дух. Вот... – Монах снял с пояса кошелек и сунул Эхоку в руку: – Здесь деньги, хотя и не слишком много. Трать их разумно. Еще внутри лежит письмо с печатью. Оно поможет тебе получить аудиенцию у прайфека. Расскажи ему о том, что мы здесь встретили. И не подведи нас. Теперь – пошел!!!

И Мартин повернулся к безумцам, которые выбирались

на берег. Он разрубил череп одного, точно дыню, встал поудобнее и приготовился встретить следующего врага.

– Уходи! – крикнул Мартин, не оглядываясь. – Иначе получится, что мы все погибли зря.

В голове Эхока словно что-то щелкнуло, и он пришпорил свою лошадку. Он скакал до тех пор, пока она не начала спотыкаться от усталости. Но даже и тогда он не остановился и продолжал подгонять несчастное животное. От безудержных рыданий у него ныло в груди. А потом на небе появились звезды.

Эхок двигался на запад, потому что знал – где-то там находится Эслен.

Часть I

Дни Мрака

2223 год Эверона, месяц новмен

Последний день отавмена – это день святого Темноса.

Первые шесть дней новмена – это, в свою очередь, дни святой Дан, святого Андера, святого Шейда, святой Мефитис, святого Гавриэля и святого Халакина. Вместе они составляют Дни Мрака, когда Мир Живых встречается с Миром Мертвых.

Из «Альманаха Огниа Мантео»

*Он долгий год по ней скорбел,
И дух восстал из тьмы морской:
«Чего ты хочешь от меня,
Что вечный сон тревожишь мой?»
«Один лишь только поцелуй,
Мой свет, прошу я твой
И перестану навсегда
Тревожить твой покой».
«В моем дыханье – лед морской
И соль, любовь моя,
Коснись моих холодных губ —
Не проживешь и дня...»*

Отрывок из «Утонувшей возлюбленной», народной

*Проклятье обречет его на жизнь, и разрушение
восстанет к жизни.*

Перевод из «Тафлес Тацеис», или «Книги шепотов»

Глава 1

Ночь

Нейл МекВрен скакал рядом со своей королевой по темной улице города мертвых. Дробь лошадиных копыт заглушал стук града, разбивающегося о свинцовую мостовую. Ветер бушевал, словно разъяренный дракон, он свивался в туманные кольца и хлестал мокрым хвостом, будто плетью. Духи умерших беспокойно зашевелились, и в груди Нейла, глубоко под полированным доспехом, под покрытой мурашками кожей и грудной клеткой свила себе гнездо тревога.

Причиной тому были вовсе не ветер и ледяной дождь. Нейл родился на острове Скерн, где мороз, море и тучи – все едино, где лед и боль – это жизнь. Мертвых он тоже не опасался.

Он боялся живых, которые, вооружившись кинжалами и дротиками, могли спрятаться под покровом непогоды. Убить королеву не составит никакого труда – укол крошечной, не длиннее мизинца, иголки в сердце или камень, попавший в

висок. Как он может ее защитить? Как сохранить то единственное, что у него осталось?

Он взглянул на королеву – она куталась в шерстяной плащ, лицо скрывал глубоко надвинутый капюшон. Такой же точно плащ был накинут на его доспехи и шлем. Он рассчитывал, что так их можно будет принять за двух пилигримов, пришедших навестить своих предков. Если бы те, кто желал смерти королевы, были песчинками, то из них набралась бы отмель, способная остановить боевой корабль.

Королева и ее верный страж миновали каменные мосты, перекинутые через каналы с черной водой, в которой мимолетно отразился свет их фонарей, украсив поверхность призрачной желтой паутиной. Дома мертвых выстроились между каналами, их остроконечные крыши защищали обитателей от непогоды. Тут и там на дорожках трепетали пятна света – похоже, не только королева, невзирая на ненастье, решила этой ночью навестить своих почивших близких. Разумеется, с мертвыми можно говорить в любое время, но в последнюю ночь отавмена – ночь святого Темноса – они могут ответить.

На вершине холма, в Эслене живых весь вечер шло гулянье, и, пока не начался дождь, на улицах было полно танцующих в костюмах скелетов и мрачных священников, распеваящих сорок гимнов Темноса. Попрошайки в масках, изображавших черепа, ходили по домам и кланчили пирожки, на площадях горели костры, и самый большой – на просторном,

предназначенном для сборищ открытом месте, называемом Рощей Свечей. Сейчас же горожане разошлись по домам и тавернам, где праздник продолжался, а процессия, чей путь по традиции заканчивался в Тенистом Эслене, не дошла до реки, остановленная разбушевавшейся непогодой. Маленькие фонарики, вырезанные из яблок и реп, погасли, так что, судя по всему, настоящего торжества сегодня не получится.

Нейл держал руку на рукояти своего меча, Ворона, и постоянно оглядывался по сторонам. Его не интересовал свет фонарей, гораздо больше его занимали тени. Если кто-нибудь решит напасть на королеву, он скорее притаится в темноте, чем станет ходить с фонарем.

Они миновали третий и четвертый канал, и дома стали выше и больше. Вскоре королева и ее спутник оказались в последнем круге, окаймленном гранитными и железными пиками, где статуи святой Дан и святого Андера охраняли дворцы из мрамора и алебаstra. Здесь к ним приблизился свет фонаря.

– Не откидывайте капюшон, миледи, – предупредил Нейл королеву.

– Это всего лишь один из сказоменов, что охраняют склепы, – ответила она.

– Возможно, но не обязательно, – возразил Нейл.

Он пришпорил Урагана и на несколько шагов опередил королеву.

– Кто здесь? – окликнул он.

Фонарь поднялся чуть повыше, и его свет выхватил из мрака худое лицо немолодого мужчины. Нейл немного успокоился, поскольку знал этого человека – его звали сэр Лен, он был одним из сказоменов, посвятивших свою жизнь мертвым.

Разумеется, иногда внешность бывает обманчивой. Нейл узнал эту истину на собственном горьком опыте, и потому теперь не спешил отбросить опасения.

– Я должен спросить вас о том же, – ответил старый рыцарь на вопрос Нейла.

Нейл подъехал поближе.

– Королева, – сказал он старику.

– Мне нужно увидеть ее лицо, – проговорил сэр Лен. – Сегодня ночью из всех ночей все должно быть как надлежит.

– Все будет как надлежит, – слышался голос королевы, которая подняла фонарь и откинула капюшон плаща.

В тусклом свете было видно ее лицо, прекрасное и одновременно жесткое, точно льдинки, падающие с неба.

– Я вас знаю, леди, – сказал сэр Лен. – Вы можете проехать. Но... – Казалось, его слова унес налетевший порыв ветра.

– Не задавайте вопросов ее величеству, – сухо предупредил Нейл.

Глаза старого рыцаря вонзились в Нейла.

– Я знал твою королеву, когда она делала первые шаги, – проговорил он. – Когда тебя не было не только на свете, но

даже и в замыслах.

– Сэр Нейл – мой рыцарь, – вмешалась королева. – И защитник.

– Ясно. В таком случае он должен увести вас отсюда. Вам не следует приходить в это место, когда говорят мертвые. Ничего хорошего не получится. Я здесь очень давно, и знаю.

Прежде чем ответить, королева задержала на старике тяжелый, пристальный взгляд.

– Вы дали мне совет с самыми добрыми намерениями, – мягко сказала она, – но я им не воспользуюсь. Прошу вас, не нужно мне мешать.

Сэр Лен преклонил колено.

– Я не стану вам мешать, моя королева.

– Я больше не королева, – сказала она едва слышно. – Мой муж мертв. В Эслене нет королевы.

– Пока вы живы, миледи, у нас есть королева, – ответил рыцарь. – Если не по закону, то по правде.

Она едва заметно кивнула и, не говоря больше ни слова, в сопровождении Нейла вошла в королевскую усыпальницу.

Миновав кованые ворота большого дома из красного мрамора, они привязали возле них лошадей, а потом королева повернула в замке железный ключ, и холод с дождем остались снаружи. Переступив порог, Нейл очутился в маленьком зале с алтарем. В глубину склепа вел длинный коридор. Кто-то успел зажечь высокие светильники, однако по углам, словно паутина, клубились тени.

– Что мне следует делать, миледи? – спросил Нейл.

– Стой на страже, – ответила королева. – И только. Она опустила на колени около алтаря и зажгла свечи.

– Отцы и матери дома Отважных, – нараспев произнесла она, – вас зовет ваша приемная дочь, которая склоняет голову пред теми, кто старше и мудрее. Умоляю вас, окажите мне честь в эту ночь из всех ночей.

Она зажгла небольшую благовонную палочку, и в нос Нейлу ударил терпкий запах – смесь аромата сосны и амбрового дерева.

Где-то в глубине дома слышался шорох и зазвучал колокольчик.

Мюриель встала с колен и сняла теплый плащ, оставшись в платье из черной сафнийской парчи. Ее волосы цвета воронова крыла сливались с чернотой ткани, и бледное лицо, казалось, парило в темноте. У Нейла перехватило дыхание. Королева была ослепительно прекрасна, и годы оказались не властны над ее красотой, но не оттого сжалось сердце Нейла – на одно короткое мгновение она напомнила ему другую женщину.

Он отвернулся и стал вглядываться в черные тени. Королева двинулась вперед по коридору.

– Если позволите, ваше величество, – быстро проговорил Нейл, – я пойду перед вами.

Она заколебалась.

– Вы мой слуга, и родные моего мужа будут считать вас

такovým. Вы должны идти за мной.

– Миледи, если впереди засада...

– Мне придется рискнуть, – ответила королева.

Они двинулись по коридору, украшенному панелями с барельефами, где были изображены подвиги представителей дома Отважных. Королева шла медленно, опустив голову, и ее шаги наполняли коридор звонким эхом, четко различимым даже сквозь стук града по черепичной крыше.

Коридор вывел их в большой зал со сводчатым потолком, и Нейл увидел длинный накрытый стол, на котором стояли тридцать хрустальных бокалов с красным, точно кровь, вином. Королева прошла вдоль стульев, нашла нужный и села. Взгляд ее был прикован к напитку.

Снаружи стонал ветер.

Медленно текли минуты, а потом раздался удар колокола, затем другой. Всего двенадцать. И когда пробило полночь, королева выпила вино.

Нейл почувствовал мимолетное движение воздуха, легкий холодок. Комнату наполнил приглушенный шум.

Затем королева заговорила, и ее голос звучал глубже и грубее, чем обычно. У Нейла волосы на затылке зашевелились.

– Мюриель, – сказала она. – Моя королева.

А затем, словно отвечая самой себе, произнесла уже собственным голосом:

– Эррен, моя подруга.

– Твоя слуга, – поправил более глубокий голос. – Как ты?
Я подвела тебя?

– Я жива, – ответила Мюриель. – Твоя жертва не была напрасной.

– Но твои дочери здесь, в царстве праха.

Сердце Нейла учащенно забилося: он запоздало заметил, что, не отдавая себе в том отчета, сделал несколько шагов и теперь оказался стоящим около одного из стульев, глядя в бокал с вином.

– Все?

– Нет. Но Фастия здесь. И милая Элсени. Они в саванах, Мюриель. Я подвела их – и тебя.

– Нас предали, – ответила Мюриель. – Ты сделала все, что могла, отдала все, что имела. Я не могу тебя винить. Но я должна знать, что с Энни.

– Энни... – Голос стих. – Мы забываем, Мюриель. Мертвые забывают. Это похоже на тучу или туман, который с каждым днем поглощает нас все больше и больше. Энни...

– Моя младшая дочь. Энни. Я отправила ее в монастырь Святой Цер, но не получила оттуда никаких известий. Я должна знать, нашли ли ее там убийцы.

– Твой муж мертв, – ответила Эррен. – Он спит не здесь, но говорит с нами издалека. Его голос очень слаб и полон грусти. Он одинок. Он очень тебя любил.

– Уильям? Ты можешь с ним разговаривать?

– Он слишком далеко и не в силах найти сюда дорогу. Тро-

пы окутаны мраком. Весь мир окутан мраком, а ветер набирает мощь.

– Но Энни... ты не слышишь ее шепота?

– Я ее вспомнила, – проговорила Эррен. – Огненные волосы. Вечные проказы. Твоя любимица.

– Она жива, Эррен? Я должна знать.

Воцарилось молчание, и Нейл обнаружил, что держит в руках бокал с вином. Ответ Эррен донесся до него словно издалека.

– Думаю, она жива. Здесь так холодно, Мюриель...

Они говорили о чем-то еще, но Нейл их не слышал, он поднес напиток к губам и сделал глоток. Поставил бокал на стол и проглотил горькое вино. Он не сводил глаз с остатков напитка, поверхность которого успокоилась и превратилась в красное зеркало. Он увидел в нем себя – волевой подбородок, доставшийся ему от отца, свои черты... Только голубые глаза казались черными провалами, а пшеничные волосы приобрели красный оттенок, словно он смотрел на портрет, написанный кровью.

Затем кто-то появился у него за спиной, и на плечо ему легла рука.

– Не оборачивайся, – прошептал женский голос.

– Фастия?

Теперь он увидел в алом зеркале ее лицо вместо своего и ощутил запах лаванды.

– Так меня звали, верно? – сказала Фастия. – А тебя я

любила.

Он хотел повернуться, но рука сильнее сжала его плечо.

– Не делай этого, – остановила его принцесса. – Не смотри на меня.

Нейл поболтал вино в бокале, однако образ Фастии остался неизменным. Она мимолетно улыбнулась, но в ее глазах стыла печаль.

– Я бы хотел... – начал он и не смог закончить.

– Да, – проговорила она. – Я тоже. Но ты ведь понимаешь, это было невозможно. Мы вели себя глупо.

– И я позволил вам умереть.

– Про это я ничего не знаю. Помню только, что ты обнимал меня, ласково, словно ребенка. Я была счастлива. А больше ничего. Скоро я забуду и это. Но мне достаточно моих воспоминаний. Почти...

Холодные пальцы нежно коснулись его шеи.

– Я должна знать, любил ли ты меня, – прошептала она.

– Я никого так не любил, как вас, – сказал Нейл. – И никого больше не люблю.

– Полюбишь, – мягко проговорила она. – Ты должен. Только не забывай меня, потому что очень скоро я забуду себя.

– Никогда, – прошептал он, смутно чувствуя, как по щекам катятся слезы.

Одна из них упала в бокал с вином, и Фастия вздрогнула.

– Она холодная, – сказала она. – У тебя холодные слезы,

сэр Нейл.

– Простите, – проговорил он. – Простите меня за все, миледи. Я не могу спать...

– Тише, любимый. Помолчи, позволь мне рассказать тебе кое-что, пока я еще помню. Это про Энни.

– Королева спрашивает про Энни.

– Я знаю. Она разговаривает с Эррен. Но послушай внимательно то, что мне сказали. Энни очень важна. Гораздо важнее моей матери, и брата, и всех остальных. Она не должна умереть, иначе все пропало.

– Все?

– Эпоха Эверон на исходе, – молвила Фастия. – Древнее зло и новые проклятия приближают ее конец. Ты знал, что моя мать нарушила закон смерти?

– Закон смерти?

– Он нарушен, – подтвердила Фастия.

– Я не понимаю.

– Я тоже, но об этом шепчутся мертвые в костяных поках. Мир пришел в движение и неудержимо катится в бездну. Все ныне живущие балансируют на пороге ночи, и если они его минуют, никто не придет им на смену. Не будет детей, не будет нового поколения. А кто-то стоит, смотрит, как они уходят в небытие, и смеется. Я не знаю, мужчина это или женщина, но остановить их почти невозможно. Есть лишь крошечная возможность все исправить, но без Энни даже она исчезнет.

– Без вас мне все равно. Пусть мир погибнет, мне нет до него дела.

Рука снова опустилась ему на плечо, холодные пальцы погладили шею.

– Таков твой долг, – сказала Фастия. – Подумай о нерожденных поколениях, представь себе, что это наши дети, дети, которых нам не суждено было родить. Думай о них как о плоде нашей любви. Живи ради них, как ты стал бы жить ради меня.

– Фастия...

Нейл повернулся, не в силах выносить эту муку, но за спиной у него никого не было, и рука больше не касалась его плеча, осталось лишь легкое покалывание.

Королева продолжала смотреть в свой бокал с вином и тихонько шептать.

– Мне не хватает тебя, Эррен, – сказала она. – Ты была моей правой рукой, моей сестрой и другом. Меня окружают враги, и мне не хватает мужества с этим справиться.

– Сила твоего духа не имеет предела, – ответила Эррен. – Ты сделаешь то, что должна.

– Но то, что ты мне показала... Кровь. Как я смогу такое совершить?

– В финале ты прольешь моря крови, – предрекла Эррен. – Но это необходимо. Ты должна.

– Я не могу. Они никогда этого не допустят.

– Когда придет время, они не смогут тебе помешать. А

теперь тише, Мюриель, пожелай мне успокоения, ибо мое время истекает.

– Останься. Ты мне нужна, особенно сейчас.

– В таком случае я подвела тебя дважды. Я должна идти.

И королева, которая в последние месяцы казалась выкованной из стали, опустила голову на руки и заплакала. Нейл стоял рядом с ней, и сердце его разрывалось от прикосновения Фастии, а разум лихорадочно обдумывал ее слова.

В эти минуты ему так не хватало жестокой простоты битв, где поражение означает смерть, а не страшные муки.

Звуки бури, доносившиеся снаружи, стали громче – мертвые снова отошли ко сну.

Миновала бессонная ночь, первые лучи солнца прогнали непогоду, и королева и ее рыцарь покинули Тенистый Эслен и направились в Эслен живых. С моря дул холодный, чистый ветер, голые ветви дубов, росших вдоль дороги, покрывала тонкая ледяная корка.

За весь остаток ночи королева не проронила ни слова, но теперь, когда вдаль показались городские ворота, она повернулась к Нейлу.

– Сэр Нейл, у меня есть для вас поручение.

– Я готов служить вам, ваше величество. Королева кивнула.

– Вы должны найти Энни. Вы должны найти единственную оставшуюся у меня дочь.

Нейл сжал в руках поводья.

– Это единственное, чего я не могу сделать, ваше величество.

– Я вам приказываю.

– Мой долг – охранять ваше величество. Когда король посвятил меня в рыцари, я дал клятву оставаться рядом с вами и защищать вас от опасностей. Я не смогу этого делать, если мне придется отправиться в дальний путь.

– Король умер, – напомнила ему Мюриель, и в ее голосе зазвенела сталь. – Теперь я отдаю вам приказы. Вы сделаете это для меня, сэр Нейл.

– Ваше величество, пожалуйста, не просите меня об этом. Если с вами что-нибудь случится...

– Я доверяю только вам, – перебила его Мюриель. – Неужели вы думаете, что я хочу расстаться с вами? С единственным человеком, который не предаст меня? Но вы должны поехать. Я знаю точно: те, кто виновен в смерти двух моих дочерей, теперь ищут Энни. Она осталась жива, потому что я ее отослала, и никому при дворе не известно, где она. Если я открою тайну ее местонахождения кому-то кроме вас, я подвергну ее опасности. С вами же наш секрет в надежных руках.

– Если вы уверены, что она находится в надежном месте, не следует ли ее там и оставить?

– Я боюсь за нее. Эррен настаивала, что опасность очень велика.

– Вам тоже угрожает серьезная опасность. Тот, кто нанял

убийц, отнявших жизни вашего мужа и дочерей, собирался расправиться и с вами. Не сомневаюсь, что злоумышленники не успокоятся, пока не добьются своего.

– Я тоже в этом не сомневаюсь. Но я не собираюсь с вами спорить, сэр Нейл. Вы получили приказ, и вам следует подготовиться к дальней дороге. Вы отправитесь в путь завтра. Выберите людей, которые будут меня охранять в ваше отсутствие, – в данном вопросе вашему мнению я доверяю больше, чем своему. Но вам придется путешествовать в одиночестве.

Нейл склонил голову.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Мне очень жаль, что все так сложилось, сэр Нейл, – уже мягче проговорила королева. – Мне действительно очень жаль. Я знаю, как сильно в вас чувство долга и какому испытанию оно подверглось в Кал Азроте. Но вы должны сделать для меня то, о чем я вас прошу. Пожалуйста.

– Ваше величество, я умолял бы вас переменить свое решение целый день, если бы видел, что у меня есть надежда – но ее нет.

– Вы все прекрасно понимаете. Нейл кивнул.

– Я выполню ваш приказ, ваше величество. К завтрашнему утру я буду готов тронуться в путь.

Глава 2

3'Эспино

Энни из дома Отважных, младшая дочь императора Кротении, герцогиня Ровийская, стояла на коленях около бочки и стирала одежду красными, в ссадинах руками. Плечи и колени у нее отчаянно болели, а солнце безжалостно било по голове и спине, точно золотой молот.

Всего в нескольких ярдах от нее в прохладной тени виноградника играли дети, а две дамы в шелковых нарядах сидели, потягивая вино. Платье Энни – старенький балахон из простой ткани – не было стирано уже много дней. Она вздохнула, вытерла лоб и проверила, не выбились ли из-под косынки пряди рыжих волос. Бросив унылый взгляд на женщин, она вернулась к своему занятию.

Энни заставила себя не думать о своих руках, она уже давно прибегала к этой уловке, и у нее неплохо получалось. Она представила, что вернулась домой и скачет на Резвой вдоль берега реки, ест жареных перепелок или форель в зеленом соусе, а на десерт – печеные яблоки со взбитыми сливками.

Ее руки продолжали тереть грязную одежду.

Она как раз представляла себе прохладную ванну, когда кто-то больно ущипнул ее пониже пояса. Резко обернувшись, Энни увидела мальчишку года на четыре или пять младше ее – наверное, лет тринадцати, – ухмылявшегося так,

словно услышал самую веселую шутку в мире.

Энни швырнула платье, которое стирала, на доску и набросилась на подростка.

– Ты, мерзкое маленькое чудовище! – выкрикнула она. – Такое впечатление, что тебя никто никогда не воспитывал!

Обе женщины повернулись к ней, а их лица одновременно приняли суровое выражение.

– Он меня ущипнул, – объяснила Энни и, чтобы удостовериться в том, что они правильно все поняли, показала: – Вот сюда.

Одна из женщин – голубоглазая, черноволосая каснара по имени да Филиалофия – прищурилась.

– Ты кто такая? – холодно спросила она. – Кто такая, во имя всех лордов и леди небес и земли, чтобы разговаривать с моим сыном таким тоном?

– И где ты только берешь служанок? – мрачно поинтересовалась ее подруга, каснара дат Оспеллина.

– Но он... он... – пробормотала Энни.

– Немедленно замолчи, маленький кусок чужеземных отбросов, или я прикажу садовнику Корхио тебя выпороть. Уж можешь не сомневаться, он не просто тебя ущипнет «вот сюда». Не забывай, кому ты служишь и в чьем доме находишься.

– Настоящая леди постаралась бы научить свое отродье хорошим манерам, – выпалила Энни.

– А что известно тебе про хорошие манеры? – скрестив на

груди руки, спросила да Филиалофия. – Каким манерам ты обучалась в том борделе или свинарнике, где тебя бросила мать? Видимо, отнюдь не помалкивать или знать свое место.

Она гордо вздернула подбородок.

– Убирайся. Немедленно.

Энни поднялась с колен и протянула руку.

– Хорошо, – согласилась она и посмотрела в глаза своей обидчице.

Да Филиалофия расхохоталась.

– Неужели ты думаешь, я стану тебе платить за то, что ты нанесла оскорбление моему дому? Пошла вон, мерзавка. Понятия не имею, почему мой муж тебя нанял.

Но тут на ее лице появилась мимолетная улыбка, не предвещавшая ничего хорошего.

– Ну, возможно, на то были свои причины. Наверное, ты сумела развлечь его каким-нибудь варварским способом. Ведь так?

Энни потеряла дар речи и несколько долгих мгновений раздумывала, вlepить ли обидчице пощечину – она знала, что за это ее обязательно выпорют, – или просто уйти.

Она не сделала ни того ни другого. Она вспомнила то, что узнала за последнюю неделю своей работы в триве.

– О нет, со мной ему развлекаться некогда, – проворковала она. – Он слишком занят с каснаркой дат Оспеллиной.

А потом она ушла, улыбаясь сердитому шепоту, зазвучавшему у нее за спиной.

Огромные поместья раскинулись в северной части з'Эспино, и большая их часть выходила на лазурные берега моря Лири. Пройдя в ворота дома, Энни пару мгновений стояла в тени каштанов и смотрела на белые барашки волн. К северу лежал остров Лири, там правила семья ее матери. К северо-западу находилась Кротения, где был императором ее отец и где ее возлюбленный Родерик уже, наверное, потерял надежду на встречу.

Лишь жалкая полоска воды отделяла ее от положения, причитающегося ей по праву, и всего, что она любила, но, чтобы пересечь эту воду, требовались деньги – много денег. Она была принцессой, но не имела ни гроша за душой. И никому не могла открыть свое настоящее имя, потому что за ней по пятам гналась смертельная опасность. Превратившись из принцессы в простую прачку, Энни надеялась ее избежать.

– Ты.

Неподалеку остановился всадник и принялся ее разглядывать. По квадратной шапке и желтой куртке Энни узнала в нем одного из айдило, в чьи обязанности входило следить за порядком на улицах.

– Да, каснар?

– Вали отсюда. Не задерживайся, – отрывисто приказал он.

– Я только что закончила работать у каснары да Филиалофии.

– Раз закончила – проходи.

– Мне только хотелось немножко посмотреть на море.

– Смотри на него с рыбного рынка, – рявкнул он. – Проводить тебя туда?

– Нет, – ответила Энни. – Я уже уйду.

Она медленно шла по улице, огороженной каменной стеной с битым стеклом по верхнему краю – чтобы сложнее было забраться во двор, и спрашивала себя: неужели во владениях ее отца так же ужасно обращаются со слугами. Нет, конечно, этого просто не может быть.

Улица вывела ее на Пиато дачи Медиссо, огромную площадь из красного кирпича, по одну сторону которой высился трехэтажный дворец меддиссо и его семьи. Он был не таким великолепным, как дворец ее отца в Эслене, но все равно производил внушительное впечатление: длинная колоннада, сады на террасах... На другой стороне пиато стоял городской храм, изящное и очень древнее на вид строение из отполированного темно-коричневого дерева.

Сама площадь поражала воображение многоцветием и кипучей жизнью. Парни в красных шапочках продавали с деревянных тележек жареную баранину и рыбу, горячие мидии, фиги в сахаре и каштаны. Бледноглазые сеффри, кутаясь в плащи, чтобы защититься от солнца, торговали под цветными навесами яркими лентами и безделушками, чулками, священными реликвиями и любовными зельями. Труппа бродячих актеров расчистила себе место и показывала пред-

ставление, включающее сражения на мечах, короля с драконьим хвостом и святых Мамреса, Брайта и Лоя. Женщина с маленьким барабаном и двое мужчин с дудочками играли быструю мелодию.

В самом центре пиато стояла сурово глядящая статуя – святой Нетуно сражался с двумя морскими змеями, которые оплели его тело, из глоток рептилий вырывались две мощные струи воды, падавшие в мраморный бассейн. Группа богато одетых молодых людей толпилась около фонтана, они поигрывали эфесами своих шпаг и свистели вслед девушкам в ярких платьях.

Энни нашла Остру сидящей около своих ведра и щетки на краю площади, почти у самых ступеней храма.

Остра увидела ее и улыбнулась.

– Уже закончила?

Остре исполнилось пятнадцать, на год меньше, чем Энни; как и Энни, она была в полинявшем платье и шарфе, прикрывающем волосы. Большинство вителлианцев были смуглыми, с черными волосами, и девушки чересчур выделялись среди них и без того, чтобы демонстрировать всем свои золотые и медные локоны. К счастью, женщины в Вителлио прикрывали голову на людях.

– В некотором смысле, – ответила Энни.

– Понятно. Опять?

Энни вздохнула и села рядом.

– Я пытаюсь, правда. Но это так трудно. Мне казалось, что

монастырь подготовил меня ко всему, но...

– Тебе не следует этим заниматься, – сказала Остра. – Позволь, я буду работать, а ты оставайся дома.

– Если я не буду работать, уйдет гораздо больше времени на то, чтобы скопить денег на дорогу домой. А люди, которые за нами охотятся, смогут нас найти.

– Может, стоит рискнуть и попытаться счастья на дороге.

– Казио и з'Акатто говорят, что за дорогами следят. Уже даже охраняющие их стражи предлагают за меня награду.

– Дикость какая-то, – с сомнением проговорила Остра. – Люди, которые пытались убить тебя в монастыре, были ханзейскими рыцарями. Какое они имеют отношение к стражникам на вителлианских дорогах?

– Я не знаю, и Казио тоже не знает.

– Если так, разве они не следят и за кораблями?

– Следят, но Казио обещает найти капитана, который не станет задавать вопросы – если мы сможем заплатить серебром. – Она вздохнула. – Но у нас нет таких денег, а ведь нам еще нужно есть. И что еще хуже, мне сегодня ничего не заплатили. И что я буду делать завтра?

Остра погладила ее по плечу.

– Мне заплатили. Мы зайдем на рыбный рынок и в карензо и купим чего-нибудь на ужин.

Рыбный рынок находился на краю Перто Нево, куда корабли с высокими мачтами сгружали лес и железо и где брали на борт бочки с вином и оливковым маслом, а также пше-

ницу и шелк. У южных пристаней сгруппировались небольшие лодки, поскольку в вителлианских водах водилось множество креветок, мидий, сардин и сотни видов рыб, о которых Энни никогда не слышала. Сам рынок представлял собой лабиринт из ящиков и бочек, наполненных поблескивающими дарами моря. Энни с тоской смотрела на креветок и черных крабов, что еще трепыхались в бочках с морской водой, и на горы скользкой макрели и тунца. Девушки не могли позволить себе такие изысканные дары моря, и им пришлось пройти дальше, в глубь рынка, где лежали присыпанные солью сардины и кучи хека, уже начинающего пахнуть.

Хек стоил всего два минсера за штуку, и девушки, морщась, остановились около прилавка, чтобы выбрать пару рыбин себе на ужин.

– З'Акатто сказал, что нужно смотреть на глаза. Если они с пленкой или косят, рыба плохая.

– Значит, тут все плохие, – заметила Энни.

– Других мы не можем себе позволить, – ответила Остра. – Здесь должна быть хотя бы парочка приличных. Нам надо только поискать.

– А как насчет соленой трески?

– Ее нужно вымачивать целый день. Не знаю, как ты, а я хочу есть уже сейчас.

У них за спиной раздался веселый женский голос.

– Нет, милые, не покупайте тут ничего. А то неделю животами промаетесь.

Энни узнала женщину, заговорившую с ними, – она часто видела ее на их улице, хотя и никогда не разговаривала с ней. Га вызывающе одевалась и слишком ярко красила лицо. Как-то раз Энни слышала, как з' Акатто сказал, что «не может позволить себе эту», так что девушка догадывалась, чем занимается незнакомка.

– Спасибо, – поблагодарила ее Энни, – но мы найдем тут хорошую рыбу.

Женщина с сомнением посмотрела на прилавок. У нее было решительное худое лицо и глаза цвета черного янтаря. Волосы были убраны под сетку с яркими искусственными самоцветами, а зеленое платье, хоть и помнило лучшие времена, выглядело значительно лучше, чем наряд Энни.

– Вы живете на улице Шести Нимф. Я вас видела со старым пьяницей и симпатичным юношей, у него еще есть шпага.

– Да, – ответила Энни.

– Я ваша соседка. Меня зовут Редиана.

– Я Фейна, а это Лесса, – солгала Энни.

– Ну, девочки, идите за мной. – Женщина понизила голос. – Здесь вы не найдете ничего съедобного.

Энни колебалась.

– Я вас не укушу, – пообещала Редиана. – Идемте.

Знаком показав, чтобы они следовали за ней, она подвела их к прилавку, где продавали камбалу. Некоторые рыбыны еще бились.

– Мы не можем себе этого позволить, – сказала Энни.

– А сколько у вас есть?

Остра протянула монетку в десять минсеров. Редиана кивнула.

– Парвио!

Мужчина, стоявший за прилавком, разделывал рыбу для двух хорошо одетых женщин. У него не хватало одного глаза, однако он не позаботился о том, чтобы прикрыть шрам. На вид ему было около шестидесяти, но на голых руках выступали, словно у борца, сильные мускулы.

– Редиана, ми кара! – вскричал он. – Что для тебя?

– Продай моим подружкам рыбу.

Она взяла из рук Остры монетку и отдала Парвио; тот посмотрел на нее, нахмурился, а затем улыбнулся Энни и Остре.

– Берите любую, какая вам понравится, дорогие.

– Мелто брацци, каснар, – поблагодарила его Остра и, выбрав камбалу, положила в корзинку.

Подмигнув, Парвио протянул ей монетку в пять минсеров. Рыба стоила не меньше пятнадцати.

– Мелто брацци, каснара, – сказала Энни Редиане, когда они направились в сторону карензо.

– Не за что, дорогая, – ответила Редиана. – По правде говоря, я надеялась, что мне удастся с вами поговорить.

– Да? О чем же? – спросила Энни, слегка настороженная добротой незнакомки.

– О том, что вы можете каждый день есть такую рыбу. Вы обе довольно хорошенькие – и достаточно необычные. Я могла бы сделать из вас конфетку. Нет, конечно, не для болванов, что болтаются по улицам, а для клиентов, которые могут платить хорошие деньги.

– Вы... вы хотите, чтобы мы...

– Трудно только в первый раз, – пообещала Редиана. – Впрочем, не слишком. Деньги это легкие, к тому же за вами присмотрит ваш юноша со шпагой, на случай, если вдруг попадется грубый клиент. Вам известно, что он уже на меня работает?

– Казио?

– Да. Он охраняет некоторых девушек.

– Так это он надоумил вас?...

Редиана покачала головой.

– Нет. Он сказал, что вы не захотите со мной разговаривать на эту тему. Но мужчины часто сами не знают, что говорят.

– На этот раз он знал, – ледяным тоном сообщила Энни. – Большое спасибо за то, что помогли нам купить рыбу, но, боюсь, мы вынуждены отклонить ваше предложение.

Глаза Редианы сузились.

– Думаете, вы слишком хороши для такой работы?

– Конечно, – выпалила Энни, не успев подумать.

– Понятно.

– Нет, – возразила Энни. – Ничего вам не понятно. Я счи-

таю, что и вы тоже слишком хороши для такой работы. Ни одна женщина не должна этого делать.

Губы Редианы дрогнули в слабой улыбке, но она лишь пожала плечами.

– Вы сами не понимаете, что для вас хорошо, а что плохо. За один день вы сможете получить больше, чем сейчас за целый месяц, да к тому же не испортите свою внешность тяжелой работой. Подумайте. Если передумаете, меня найти не трудно.

И она ушла.

Пару минут после ее ухода девушки шли молча, а потом Остра проговорила:

– Энни, я могла бы...

– Нет, – сердито оборвала ее Энни. – Трижды нет. Лучше мы никогда не попадем домой, чем такой ценой.

Когда они подошли к карензо на углу улицы Пари и Вио Фьюро, Энни все еще не пришла в себя от возмущения, но запах свежего хлеба прогнал все заботы, кроме мыслей о голоде. Пекарь – высокий, худой мужчина, всегда перепачканный мукой, – дружелюбно улыбнулся им, когда они вошли в лавку. Он срезал бритвой непропеченные верхушки с буханок деревенского хлеба, а его помощник аккуратно засовывал в печь новую порцию на лопате с длинной ручкой. Большая черная собака, лежавшая на полу, сонно посмотрела на девушек и снова опустила голову на лапы – они ее нисколько не заинтересовали.

Хлеб самой разной формы и размеров лежал горами в больших корзинах и бочках: золотисто-коричневые круглые буханки, огромные, точно тележные колеса, украшенные чем-то вроде оливковых листьев, батоны из грубой муки длиной с руку, маленькие булочки, помещавшиеся в ладони, хрустящие рулетики в форме яйца, присыпанные овсяными хлопьями, – и это только то, что бросалось в глаза при первом взгляде.

Девушки купили буханку теплого хлеба за два минсера и направились в сторону Перто Вето, где они жили.

Вскоре они оказались на улице, которая когда-то могла похвастаться роскошными особняками с мраморными колоннами и балконами, украшавшими окна верхних этажей, но сейчас девушкам приходилось пробираться среди осколков черепицы и пустых винных бутылок, вдыхая воздух, пропитанный вонью отходов.

Пробил четвертый колокол, и женщины с ярко накрашенными губами и в платьях с глубокими вырезами – занятые тем же, чем и Редиана, – уже собирались на высоких балконах, зазывая мужчин, у которых были деньги, и насмехаясь над теми, у кого их не водилось. Группа парней, расположившихся на потрескавшихся мраморных ступенях с кувшином вина, засвистела вслед Энни и Остре.

– Это герцогиня Хериланца, – выкрикнул один из них. – Эй, герцогиня, подари мне поцелуйчик.

Энни не обратила на него ни малейшего внимания. За ме-

сяц, прожитый на Перто Вето, она успела понять, что большинство из них безобидны, хотя порой изрядно досаждают.

На следующем углу они повернули, вошли в открытую дверь дома и поднялись на третий этаж в свои комнаты. Еще на лестнице Энни услышала голоса – з'Акатто и чей-то еще.

Дверь оказалась распахнутой настежь, и з'Акатто поднял голову, когда они вошли. Он был уже немолод – лет пятидесяти, с небольшим брюшком и сединой в волосах. З'Акатто разговаривал с хозяином дома, Осперо, примерно своим ровесником, но почти лысым и более плотного телосложения. Оба уже успели прилично набраться, судя по трем пустым винным бутылкам, что валялись на полу. Впрочем, это никого не удивило – з'Акатто редко бывал трезвым.

– Дена диколла, каснары, – поздоровался с девушками з'Акатто.

– Добрый вечер, з'Акатто, – ответила Энни. – Каснар Осперо.

– Что-то вы рано вернулись, – заметил з'Акатто.

– Да. – Энни не стала объяснять причину.

– Мы принесли рыбу и хлеб, – радостно сообщила Остра.

– Очень хорошо, – заявил старик. – К рыбе нужно белое вино. Может быть, верно.

– К сожалению, – сказала Остра, – у нас нет денег на вино. Осперо хмыкнул и достал серебряную монетку. Прищурившись, он пару минут ее разглядывал, а потом бросил Остре.

– На вино, моя прелестная делла. – Он помолчал немного,

хмуру поглядывая на девушек, а потом покачал головой. – Знаешь лавку Эссероса на улице Мокрой Луны? Скажи ему, что я тебя прислал, пусть даст две бутылки верно, иначе я приду и вышибу ему мозги.

– Но я собиралась... – начала Остра.

– Иди, Остра, я приготовлю рыбу, – перебила ее Энни.

Ей не нравился Осперо. Он водил компанию с подозрительными типами, да и сам не особенно внушал доверие. С другой стороны, з'Акатто каким-то образом удалось уговорить его сдать им комнаты в кредит на неделю, и Осперо ни разу не сделал ничего плохого Энни, если не считать хмурых взглядов. Они рассчитывали на его относительную порядочность, и потому девушка придержала язык.

Энни отправилась в тесную кладовку, где отыскала бутылку с оливковым маслом и мешочек с солью. Затем она налила немного масла в глиняную сковороду, посолила рыбу с обеих сторон и положила в масло. Она с тоской вздохнула, в сотый, наверное, раз жалея, что они не могут позволить себе – или даже просто найти здесь – сливочного масла. Затем она накрыла сковороду крышкой и спустилась с ней по лестнице в маленький дворик, который они делили с другими жильцами дома.

Несколько женщин собрались около маленькой ямы с тлеющими углями. Места для сковороды Энни не нашлось, и она уселась на скамейке, дожидаясь, пока оно появится, и задумчиво глядя на скучные стены с облупившейся штука-

туркой, – Энни изо всех сил пыталась представить себе, что сидит в саду замка своего отца.

Ее размышления прервал мужской голос:

– Добрый вечер, делла.

– Привет, Казио, – ответила она, не оборачиваясь.

– Как дела?

– Устала.

Она заметила, что на углях освободилось место, и встала, чтобы отнести сковороду, но Казио ее опередил.

– Позволь мне, – сказал он.

Казио, высокий, стройный юноша, немногим старше самой Энни, был одет в темно-коричневую куртку и пурпурные обтягивающие чулки. На боку у него висела рапира в потертых ножнах. С худого красивого лица на Энни внимательно смотрели темные глаза.

– Не слишком удачный выдался день?

– Полагаю, менее удачный, чем у тебя, – ответила она, протягивая ему сковороду.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что работа, которую ты себе нашел, наверняка дает множество возможностей расслабиться.

У него сделался озадаченный вид.

– И нечего прикидываться скромником, – добавила она. – Я сегодня разговаривала с Редианой. Она мне рассказала, чем ты занимаешься.

– Понятно, – вздохнув, проговорил Казио.

Поставив сковороду на угли, он палкой разворошил их, чтобы они распределились равномерно, и, вернувшись к Энни, уселся рядом с ней.

– Ты не одобряешь?

– Меня это не касается.

– И не должно касаться. Если ты помнишь, я делаю это ради тебя. Я пытаюсь заработать деньги, чтобы доставить тебя домой.

– И все же складывается впечатление, что мы не ближе к нашей цели, чем были месяц назад.

– Путешествие по морю – недешевое удовольствие, еще дороже – если никто не должен знать, какой груз находится на борту корабля. На улицах все больше людей, которые тебя ищут. Ты не знаешь почему?

– Я же тебе сказала, что не знаю.

До определенной степени это было правдой. Энни не имела ни малейшего представления о том, почему за ее голову назначена награда, но полагала, что причина в ее происхождении и видениях, которые тревожили ее даже наяву. Она знала – эти видения приходят к ней неспроста, кто-то или что-то насылает их...

– Я поверил тебе на слово, – сказал Казио. – И продолжаю верить. Но если у тебя появились какие-то подозрения...

– Мой отец богатый и наделенный властью человек. Это единственная причина, которая приходит мне в голову.

– У тебя есть какие-нибудь соперники, стремящиеся за-

воевать его любовь? Может быть, мачеха? Кто-нибудь, кто предпочел бы, чтобы ты не вернулась?

— О да, моя мачеха, — проговорила Энни. — Как же я могла забыть? Как-то раз она отправила меня в лес с охотником, которому приказала принести мое сердце. Я бы тогда умерла, если бы старик в меня не влюбился. Он отдал моей мачехе сердце кабана. А однажды она отправила меня за водой и не предупредила, что в ручье живет никвер, который с нетерпением ждал момента, чтобы очаровать меня, а потом съесть. Да, эти события, должно быть, что-то объясняют в моем нынешнем положении, хотя я и не подозревала ее, поскольку мой дорогой отец заверил меня, что она очень изменилась.

— Ты иронизируешь, верно? — сообразил Казио.

— Жизнь — не волшебная сказка, Казио. У меня нет мачехи. В нашей семье нет никого, кто желал бы мне зла. Враги моего отца, пожалуй, могли бы, но я вряд ли точно их назову. Я не слишком внимательно следила за политикой.

— Ладно, — пожав плечами, сказал Казио. Затем его лицо вдруг озарила улыбка. — А ты ревнуешь.

— Что?

— Я только что понял. Ты думаешь, что я сплю с дамочками Редианы, и ты меня ревнуешь.

— Я тебя не ревную, — возразила Энни. — У меня уже есть настоящая любовь, и это не ты.

— Ах да, таинственный Родерик. Я слышал, он замечательный человек. Настоящий принц. Уверен, он ответил бы на

твое письмо, если бы смог выкроить на это еще несколько месяцев.

– Мы это уже множество раз обсуждали, – вздохнув, проговорила Энни. – Ты можешь сопровождать, кого пожелаешь, и делать с ними все, что заблагорассудится. Я благодарна тебе за помощь, Казио, но...

– Подожди. – Голос Казио прозвучал чересчур резко, а на лице появилось серьезное выражение.

– Что такое?

– Твой отец отправил тебя в монастырь Святой Цер. Верно?

– На самом деле мать, – поправила его Энни.

– А твоя настоящая любовь Родерик знал, куда ты направляешься?

– Все произошло слишком быстро. Я думала, что поеду в Кал Азрот, и сказала ему об этом, а вечером того же дня моя мать передумала и отправила меня в монастырь. Я не успела его предупредить.

– И он не мог узнать, где ты, из разговоров других людей?

– Нет, меня отослали из дома тайно. Никто ничего не знал.

– А потом ты послала своему любимому письмо – которое я сам передал в руки гонца церкви, – и ровно через девять дней в монастырь прибыли рыцари. Тебе это не кажется несколько подозрительным?

Ей очень даже казалось – на самом деле в груди Энни словно вспыхнуло обжигающее пламя.

– Ты заходишь слишком далеко, Казио! Ты и прежде говорил про Родерика всякие гадости, но предположить, сказать...

Она замолчала, не в силах продолжать от ярости, тем более что слова Казио звучали очень правдоподобно. Но они не могли быть правдой, ведь Родерик ее любит.

– Рыцари были из Ханзы, – сказала она. – Я узнала язык. Родерик из Хорнлада.

Но тут она вспомнила, что ей как-то раз сказала тетя Лезбет. Ей казалось, что это было давным-давно, но там было что-то о том, что дом Родерика лишился расположения двора, когда-то поддержав притязания Рейксбургов на трон.

Нет. Это просто смешно.

Она уже собралась сообщить об этом Казио, когда во двор влетела запыхавшаяся Остра, по щекам которой катились слезы.

Что случилось? – спросила Энни, схватив Остру за руки.

– Ужасные новости, Энни!

– Какие?

– Я в-в-видела гонца. Он рассказывал о новостях на площади около винной лавки. Он только что вернулся из... О, Энни, что нам делать?

– Остра, что случилось? Подруга прикусила губу.

– У меня ужасные новости, – шепотом повторила она. – Самые страшные в мире.

Глава 3

Композитор

Леовигилд Акензал смотрел на копье со смесью страха и раздражения.

Страх был вполне обоснованным – наконечник копья замер в нескольких дюймах от его горла, а человек, который копье направлял, был огромным, в доспехах да еще и на свирепом коне. Стального цвета глаза врага напомнили Леофу бездонные воды Ледяного моря, и он не сомневался, что этот великан даже не вспомнит о нем наутро, если прикончит.

Естественно, помешать этому он никак не мог.

То, что он испытывал одновременно и раздражение, удивило его самого, но, по правде говоря, оно не имело никакого отношения к вооруженному всаднику. Много дней назад в долине среди холмов он услышал далекую, едва различимую мелодию. Вне всякого сомнения, ее наигрывал на дудочке какой-нибудь пастух, но мотив упорно преследовал Леофа, и, что хуже всего, он тогда не услышал окончания песенки. Мысленно он завершал ее множеством разных способов, но ни один из них ему не нравился.

И это его удивляло. Как правило, Леоф легко сочинял музыку, и то, что эта мелодия ускользала от него, терзало его сильнее, чем капризы красивой, загадочной – и вздорной – возлюбленной.

А сегодня утром, проснувшись, он вдруг понял, как должна заканчиваться песенка. Леоф отправился в путь, но не прошло и часа, как его размышления о музыке были прерваны самым грубым образом.

– У меня почти нет денег, – честно признался Леоф. Голос его при этом слегка дрожал.

Великан на могучем коне прищурился.

– Нет? А что тогда на твоём муле?

Леоф глянул на свое выючное животное.

– Бумага, чернила, одежда. В большом футляре лютня, в меньшем – кроз. В самых маленьких – разные духовые инструменты.

– Да? Тогда открой.

– Вам от них не будет никакой пользы.

– Открывай.

Стараясь не отводить от мужчины взгляда, Леоф послушно открыл первый кожаный футляр, где лежала лютня, издавшая легкий звон, когда он положил ее на землю. Затем он по очереди достал все остальные инструменты – восьми-струнный кроз из розового дерева, украшенный перламутром, который он получил от мейстера ДаПейка много лет назад. Деревянную флейту с серебряными клапанами, гобой, шесть флажолетов разных размеров и темно-красный рожок.

Незнакомец наблюдал за ним с ничего не выражающим лицом.

– Тогда ты менестрель, – наконец заключил он.

– Нет, – ответил Леоф. – Не менестрель.

Он попытался гордо выпрямиться во весь свой средний рост. Он прекрасно знал, что карие глаза, вьющиеся каштановые волосы и мальчишеское лицо вряд ли способны кого-нибудь напугать, но ему хотелось сохранить достоинство.

Мужчина приподнял одну бровь.

– Тогда кто ты такой на деле?

– Я композитор.

– А что делает композитор? – спросил незнакомец.

– Сочиняет музыку.

– Понятно. И чем это отличается от того, что делает менестрель?

– Ну, во-первых...

– Сыграй что-нибудь, – перебил его великан.

– Что?

– Играй, говорю.

Леоф нахмурился, его раздражение росло. Он оглянулся, надеясь заметить еще каких-нибудь людей, но дорога в пределах видимости была совершенно пуста. А здесь, в Новых землях, где местность плоска, как тарелка, от горизонта до горизонта действительно очень далеко.

Почему же тогда он не заметил, откуда появился этот странный человек на лошади?

Впрочем, ответ на этот вопрос заключался в мелодии, которую он сочинял. Когда в голове у него начинала звучать музыка, остальной мир переставал существовать.

Леоф взял лютню. Она, естественно, была расстроенной, но не слишком, и ему потребовалось всего несколько минут, чтобы привести ее в порядок. Он коснулся струн, пытаясь сыграть мелодию, которая его преследовала.

– Нет, не так, – пробормотал он.

– Ты умеешь играть или нет? – спросил всадник.

– Не перебивайте меня, – рассеянно ответил Леоф и прикрыл глаза.

Да, вот она, хотя он опять потерял окончание.

Он снова коснулся струн, начало мелодии на верхней струне, из трех восходящих нот, потом опускаемся, две, и снова поднимаемся вверх. Он добавил басовое сопровождение, но что-то все равно звучало не так.

Он остановился и начал заново.

– Не слишком-то красиво, – подытожил незнакомец.

Это было уже чересчур – с копьём или без. Леовигилд смерил всадника взглядом.

– Было бы очень даже красиво, если бы вы меня не перебили, – сообщил он. – Я уже почти закончил ее, знаете ли, и тут появились вы со своим длинным копьём и... Чего вам вообще от меня нужно? И кто вы такой?

Отстраненно он отметил, что голос у него больше не дрожит.

– А ты кто такой? – мирно спросил незнакомец.

Леоф снова выпрямился.

– Я Леовигилд Акензал, – сказал он.

– А что тебе нужно в Эслене?

– Меня пригласили ко двору его величества Уильяма Второго в качестве композитора. Похоже, император придерживается более высокого мнения о моей музыке, чем вы.

Как ни удивительно, всадник почти улыбнулся.

– Больше не придерживается.

– Что вы подразумеваете?

– Он мертв, вот что.

Леоф потрясенно заморгал.

– Я... я не знал.

– Так вот, он мертв, и с ним половина королевской семьи.

Незнакомец поерзал в седле.

– Акензал. Имя звучит как ханзейское.

– Ничего подобного, – возразил Леоф. – Мой отец был родом из Хериланца. А я родился в Тремаре. – Он поджал губы. – Вы не разбойник, верно?

– А я не говорил, что разбойник, – ответил незнакомец. – Я Артвейр.

– Вы рыцарь, сэр Артвейр?

И снова этот призрачный улыбки.

– Сойдет просто Артвейр. У тебя есть письмо, подтверждающее твои слова?

– О да. Конечно, есть.

– Я бы хотел взглянуть.

Удивляясь интересу Артвейра, Леоф тем не менее порылся в седельной сумке и достал письмо с королевской печат-

тью. Затем он протянул его воину, и тот быстро пробежал его глазами.

– Вроде в порядке, – сообщил он. – Я возвращаюсь в Эслен, так что провожу тебя туда.

Леоф слегка расслабился.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказал он.

– Извини, если напугал. Не стоит путешествовать в одиночку – по крайней мере, в наше время.

К полудню ослепительно-голубое небо затянули мрачные тучи, и настроение у Леофа совсем испортилось. Пейзаж вокруг изменился; теперь дорога пробиралась вдоль земляного вала или гребня длинного холма. Он был такой правильной формы, что казался Леофу делом человеческих рук. Вдалеке он видел точно такие же сооружения. Но больше всего его удивили башни, которые стояли на некоторых холмах. К их верхушкам были приделаны огромные колеса, но без обода – только четыре большие широкие спицы, обтянутые какой-то тканью, кажется парусиной. Они медленно вращались, подчиняясь ветру.

– Что это такое? – спросил Леоф, показав на ближайшую башню.

– Впервые в Новых землях, а? Это маленд. Его вращает ветер.

– Да, я вижу. А зачем?

– Вот этот откачивает воду. Некоторые мелют зерно.

– Откачивает воду?

– Да. Иначе мы бы сейчас разговаривали по-рыбьи. – Сэр Артвейр махнул рукой. – Как ты думаешь, почему это называют Новыми землями? Они должны быть под водой. И там бы и были, если бы маленды не откачивали ее. – Он показал на верхнюю часть вала. – Вода доходит до верха. Это большой северный канал.

– Мне следовало догадаться, – сказал Леоф. – Естественно, я слышал про каналы. Я знал, что Новые земли расположены ниже уровня моря. Только... мне казалось, что я еще до них не добрался. А еще я думал, что они будут... ну, я сразу пойму, что это такое.

Он посмотрел на своего спутника.

– А вас это не пугает?

Сэр Артвейр кивнул.

– Да, немного. Однако это чудо – и хорошая защита от вторжения.

– В каком смысле?

– Мы всегда можем пустить воду, и армии, идущей на Эслен, придется добираться до него вплавь. Сам Эслен высоко, на сухой земле.

– Как же люди, которые здесь живут?

– Мы сначала им скажем. Поверь мне, все знают дорогу к ближайшему убежищу.

– А так уже делали?

– Да. Четыре раза.

– И армии удалось остановить?

– Три из них. Четвертую вел Отважный, и его потомки сейчас сидят на троне в Эслене.

– Кстати... насчет короля... – начал Леоф.

– Ты хочешь знать, остался ли еще кто-нибудь, кому можно петь за кусок хлеба?

– Это меня не слишком занимает, – признался Леоф. – Но, похоже, я пропустил кучу новостей, пока находился в пути. Я даже не уверен, какой сегодня день.

– Темносенал. Завтра первый день новмена.

– Значит, я был в пути дольше, чем думал. Я выехал в сефтмене.

– Как раз тогда и убили короля.

– С вашей стороны было бы крайне любезно... – начал Леоф, но осекся. – Не могли бы вы мне рассказать, что произошло с королем Уильямом?

– Конечно. На него напали наемные убийцы, когда он был на охоте. Закололи и короля, и всех, кто был с ним.

– Убийцы? Откуда?

– Говорят, пираты. Дело было возле мыса Аэнах.

– А остальные члены королевского дома тоже убиты?

– Принц Роберт, его брат, погиб там же. Принцесс Фастию и Элсени убили в Кал Азроте.

– Я не знаю, где это, – сказал Леоф. – Неподалеку от того места, где убили короля?

– Нет. Больше чем в девяти днях быстрой езды.

– Это кажется довольно странным совпадением, не правда

ли?

– Что верно, то верно. Как бы там ни было, искать другие объяснения – себе дороже.

– Понимаю, – проговорил Леоф. – И кто же сейчас правит в Эслене?

Артвейр тихо усмехнулся.

– Это зависит от того, у кого спрашивать. Есть король – Чарльз, сын Уильяма. Но к нему, как говорится, прикоснулись святые. Он постоянно нуждается в советах, а в них недостатка нет. Аристократы Комвена дают их охотно и при любой возможности. Прайфеку церкви также есть что сказать. Кроме того, остается еще вдова Уильяма, мать Чарльза.

– Мюриель Отважная.

– О, кое-что ты все-таки знаешь, – сказал Артвейр. – Да, если уж и есть человек, который нынче правит Кротенией в большей степени, чем прочие советчики принца, так это она.

– Ясно.

– Так ты говоришь, что обеспокоен будущим, – произнес рыцарь. – Разве таким, как ты, трудно найти работу?

– Есть и другие покровители, которые могли бы мной заинтересоваться, – признал Леоф. – У меня хорошая репутация. Последний, у кого я служил, был грефт Гластира. И все же королевское приглашение... – Он опустил глаза. – Но это ничто по сравнению с тем, что творится вокруг, правда?

– По крайней мере, у тебя есть здравый смысл, сочинитель. Но не унывай – ты еще можешь получить место, если

королева удостоит тебя этой чести. И когда начнется война, ты окажешься при дворе.

– Война? С кем?

– С Ханзой или с Лири... или, может, гражданская война.

– Вы что, шутите?

Артвейр пожал плечами.

– Я чувствую такие вещи. Сейчас повсюду хаос, а для того, чтобы привести все в порядок, обычно требуется война.

– Святой Брайт, только не это!

– Тебе не нравятся походные марши?

– Я не знаю ни одного. Вы можете спеть?

– Я? Спеть? Когда твой мул станет боевым конем.

– Что ж... – вздохнул Леоф. – Я и не надеялся...

Некоторое время они ехали в молчании. Когда начало смеркаться, на землю опустился туман, розовый от лучей заходящего солнца. Откуда-то издалека доносилось мычание скота.

В воздухе пахло сухим сеном и розмарином, дул легкий холодный ветерок.

– Мы доедем до Эслена сегодня? – поинтересовался Леоф.

– Только если проведем в пути всю ночь, а я не собираюсь, – ответил сэр Артвейр рассеянно. Он оглядывался по сторонам, как будто высматривал что-то. – Вон там, где дорога пересекает канал, стоит городок. Я знаю там один трактир. Мы остановимся в нем и, если выедем спозаранку, будем в Эслене завтра к полудню.

– Что-то не так?

Артвейр пожал плечами.

– У меня нехорошее предчувствие. Впрочем, возможно, я опять зря тревожусь, как при встрече с тобой.

– Вы тогда искали что-то определенное?

– Ничего определенного и все необычное. Ты был необычен.

– А что необычного теперь?

– Разве я говорил, что есть что-то необычное?

– Нет, но что-то есть – и это отразилось на вашем лице.

– А что может знать менестрель о моем лице?

Леоф поскреб подбородок.

– Я же сказал, что я не менестрель. Я композитор. Вы спросили, в чем разница. Менестрель странствует, продает песни, играет на городских праздниках и танцах, и все в таком роде.

– А ты делаешь все то же самое для королей.

– Не только. Вы из этих мест? Вы когда-нибудь ходили на танцы?

– Да.

– Менестрели иногда путешествуют группами, порой по четыре человека. Двое играют на кресе, один – на свирели, и еще один бьет в маленький барабан и поет...

– А я тут при чем?

– Есть такая мелодия... «Красотка из Дэлвиса». Знаете?

Артвейр, похоже, не ожидал такого вопроса.

– Ну да. Ее еще любят исполнять на Фьюссенале.

– Представьте ее себе. Начинает один кроз, затем вступает другой, с той же самой мелодией, но слегка запаздывая, в результате музыка идет по кругу. Через некоторое время вступает третий, и в конце концов – певец. Всего четыре голоса, и все в контрапункте друг другу.

– Я не знаю контрапункта, но песню знаю.

– Хорошо. А теперь представьте десять крзов, две свирели, флейту, гобой, трубу, и каждый играет чуть-чуть по-своему.

– Думаю, будет звучать как скотный двор, забитый животными.

– Ничего подобного, если музыка правильно написана и исполнители следуют указаниям. Если у каждого инструмента есть свое собственное место. Я могу мысленно услышать такую мелодию, представить ее себе еще до того, как она будет сыграна. Я очень хорошо чувствую подобные вещи, сэр Артвейр, и вижу, когда этот дар есть у других людей – и речь идет не только о музыке. Вас что-то беспокоит. Но вот понимаете ли вы сами, откуда эта тревога, вот в чем вопрос.

Рыцарь покачал головой.

– Ты необычный человек, Леовигилд Акензал. Но – да, город, о котором я упоминал, Бруг, уже совсем близко. Что ты слышишь своими музыкантскими ушами?

Леоф сосредоточился на мгновение.

– Овцы блеют, далеко. Коровы. Дрозды.

– Верно. Мы уже должны были слышать вопли детей, крики женщин, бранящих своих мужей и требующих, чтобы те перестали лакать пиво и шли домой, колокола и рожки на полях, голоса крестьян. Но ничего этого нет. – Артвейр принюхался к воздуху. – И никакого запаха готовящейся еды, а мы с подветренной стороны.

– И что все это может означать?

– Не знаю. Но, думаю, нам стоит свернуть с главной дороги. – Он склонил голову набок. – От тебя будет польза, если запахнет жареным? Умеешь владеть мечом или копьем?

– О святые! Нет, конечно.

– Значит, подождешь здесь, около маленда. Скажи мастеру ветра, что Артвейр попросил его присмотреть за тобой где-то с час или около того.

– Вы думаете, все настолько серьезно?

– А почему вдруг замолчал целый город?

Леоф мог бы назвать несколько причин – все до одной не слишком утешительные.

– Как скажете, – вздохнув, ответил он. – На самом деле, если запахнет жареным, я буду только мешать.

Забравшись на вершину насыпи, Леоф несколько мгновений стоял, потрясенный открывшимся ему видом Новых земель.

В низинах, словно облака, клубился туман, но отсюда, сверху, его взгляду предстали далекие каналы, узкие ленты которых, казалось, сами святые вырезали из сумрачного

неба и положили на янтарную землю. Тут и там он различал скользящие по воде щепки, которые, скорее всего, были лодками.

Вскоре начали загораться огоньки – еле заметные и такие бледные гроздья света, что они больше походили на эфемерные жилища волшебного народца, чем на то, чем были на самом деле, – зажженными свечами в окнах далеких городов и деревушек.

У ног Леофа раскинулся канал, превосходящий шириной иные реки, – впрочем, он наверняка и был рекой, скорее всего, Свежестью, которую руки и гений человека загнали в темницу искусственного русла. Самое настоящее чудо.

Затем Леоф принялся разглядывать сам маленд, пытаясь понять, как же он работает. Ветер вращал колесо, но композитор никак не мог сообразить, каким образом удастся помешать воде затопить земли вокруг. Сооружение тихонько скрипело, и Леофу нравился этот звук.

Веселый желтый свет вперемешку с приятным ароматом горящего дерева и жарящейся рыбы лился наружу из открытой двери. Леоф соскочил на землю со своего мула и постучал.

– Да? Кто там? – услышал он жизнерадостный тенор. Через пару секунд вслед за голосом появился и его хозяин, невысокий мужчина с седыми волосами, торчащими под самыми немислимыми углами. Время изрядно потрудились над его лицом, щедро нарезав морщин, но голубые глаза си-

яли, точно два самоцвета, оправленные в пергамент.

– Меня зовут Леовигилд Акензал, – ответил Леоф. – Артвейр велел спросить у вас позволения отдохнуть здесь в течение часа или около того.

– Артвейр, а? – Старик почесал подбородок. – Да, радый видэть. А я Гильмер Эрксан. Будытэ как дома.

Он сделал приглашающий жест, несколько нетерпеливо.

– Вы очень добры, – ответил Леоф.

Внутри, на самом нижнем этаже башни, оказалась уютная комната. У одной стены был сложен очаг, где весело горел огонь. Над ним висел железный котелок и жарились на вертелах два больших окуня. Возле очага удобно расположились две табуретки, у противоположной стены стояла кровать. С балок свисали связки лука, несколько пучков травы, плетеная корзинка, трепало, тяпки и топорики. На следующий этаж вела лестница.

Посреди комнаты торчал толстый деревянный столб, уходящий вверх сквозь облицованное камнем отверстие в потолке, – видимо, он имел какое-то отношение к механизму маленда.

– Разгружай свазэво бедалаху мула, – сказал мастер ветра. – Ты прагладылся?

– Прошу прощения?

Если диалект, на котором разговаривал Артвейр, казался Леофу немного странноватым, то старика он и вовсе почти не понимал.

– Чужийстранец, а? – сказал тот немного медленнее. – Смешной акцент у тебя. Я постараюсь говорить королевским языком. Итак. Ты евши? У тебя голод?

– Я не хочу вас беспокоить, – ответил Леоф. – Мой друг должен скоро вернуться.

– Значит, голод, – сделал вывод старик.

Леоф вышел наружу, снял поклажу со спины мула и пустил того пастись неподалеку от маленда. Он знал, что животное никуда не уйдет.

Когда он вернулся в комнату, его уже поджидала деревянная тарелка с одним из окуней, большим ломтем черного хлеба и вареным ячменем. Сам старик сидел на табуретке с другой тарелкой на коленях.

– Стола нет, – извиняющимся тоном сказал он. – Пришлось сжечь. Нонеча дерево сверху по реке бывает не всегда.

– Еще раз спасибо, вы действительно очень добры ко мне, – сказал Леоф, аккуратно снимая хрустящую корочку с рыбы.

– Не за что. А куда пошедши Артвейр, куда ты не смог?

– Он опасается, что в Бруге не все в порядке.

– Хм-м. Да уж, что-то там нонеча больно тихо. Я и сам дивлюся. – Он нахмурился. – Кажись, я даже не слыхамши вечерних колоколов.

Если у Гильмера и появились какие-то еще мысли, он не посчитал нужным поделиться ими с Леофом, а молча принялся за еду. Леоф последовал его примеру.

Когда тарелки опустели, Гильмер бросил кости в огонь.

– Ну и откуда ты пришедши, значит? – спросил он Леофа.

– Из Гластира. Это на побережье.

– Так далеко, да? А Артвейра откуда знаешь?

– Встретил на дороге. Он предложил проводить меня в Эслен.

– А, так ты ко двору ехашь. Темные времена там сталися, с ночи, что с красной луной. Темные времена везде.

– Я видел ту луну, – сказал Леоф. – Очень странная она была. Она напомнила мне одну песню...

– Жутковатую небось, а?

– Это очень старая песня и загадочная.

– Споешь маленько?

– Ну...

Леоф откашлялся и запел:

У Западных подножья гор,
Там Райцер ехал средь полей,
И встретил спящей средь цветов
Бледнейшую из королев.
Чьих рук сиянье – как луна,
Глаза сверкают, как роса,
На платье – колокольцев ряд
И бриллианты – в волосах.
«Мои приветствия тебе,
Великой, – он вскричал, —

Как величайшей из святых,
Что человек встречал».
«Я не святая и не бог, —
Ответила ему она, —
Я – королева сих земель,
Что суть волшебная страна.
Добро пожаловать в поля
Мои под Западной горой,
Из смертных мной лишь ты любим,
Приди и отдохни со мной.
Тебе открою чуда три
И что таит судьба,
И разделю с тобой вино,
И обниму тебя».
Открыла чуда три ему
Под небом западных краев,
Дала волшебные глаза,
Чтоб Райцер ими видеть мог.
«Останься, Райцер, здесь со мной,
На век иль на два задержись,
Оставь страну, где правит рок,
Чтоб спать, где ясень, дуб и тис.
Врата тумана и земли
В мою страну ведут.
Из рыцарей со всех краев
Тебя там первым ждут».
«Нет, не останусь я с тобой
И не переступлю порог,
Но к господину своему

Вернусь в страну, где правит рок».

«Раз не останешься со мной

И должен вскоре уезжать,

Так подари мне поцелуй,

Чтоб о тебе мне вспоминать».

Склонился он к ее губам

Пред тем, как отправляться в путь,

И, вынув из волос кинжал,

Она его пронзила грудь.

В дом к матери приехал он,

Кровь все текла из раны той,

«Мой сын, мой сын, как бледен ты,

Прошу, ответь мне, что с тобой?»

«О мать, я ранен тяжело,

Умру я до заката дня,

Но прежде должен рассказать

Тебе о том, что видел я.

Пурпурный серп пожнет звезду,

Рог неизвестный пропоет,

Пролившись, царственная кровь

Лозой терновой прорастет».

Гильмер слушал его с явным удовольствием.

– У тебя хороший голос, – похвалил старик, когда Леоф умолк. – Я про этого парня Райцера не слыхивал, но токмо все, что он сказал, сбылося.

– Как так?

– Ну, пурпурный серп – луна, что появилась в прошлом

месяце, как ты говорил. И рог пропел – его везде слышавши. В Эслене, в бухте, на островах. И королевская кровь пролилась, да еще терновник.

– Терновник?

– Да. Ты ничего не слышавши? Он вырос спервоначалу в Кал Азроте, где двух принцесс погубили. Прямо из их крови, так люди твердят. Точно как в твоей песне. Они так быстро росли, что разломавши крепость, и продолжают расти. Говорят, и весь Королевский лес заполонивши.

– Я ничего такого не слышал, – сказал Леоф. – Наверное, потому что был в пути.

– Уж верно, про эти вести болтают на всех дорогах, – проговорил Гильмер. – И как они тебя миновали?

– Я путешествовал с караваном сефри, – объяснил Леоф. – Они со мной почти не разговаривали. А последние девять дней я вообще остался один, да и мысли мои, полагаю, были заняты другим.

– Заняты другим? Когда конец света на носу и все такое?

– Конец света?

Гильмер заговорил тише.

– Святые, парень, ты совсем ничего не ведаешь? Терновый король проснувшись. Это его терновник пожирает землю. И его рог ты слышавши.

Леоф потер подбородок.

– Терновый король?

– Древний демон леса. Говорят, последний из злых древ-

них богов.

– Я никогда... Нет, подождите, про него есть песня!

– Ты прямо весь полон песен.

– Можно сказать, что песни – моя профессия, – пожав плечами, сообщил Леоф.

– Ты менестрель, что ль?

Леоф вздохнул и улыбнулся.

– Что-то вроде того. Я беру старые песни и превращаю их в новые.

– Значит, мастер песен. Мастер навроде меня.

– Да, можно и так сказать.

– Ну, коли эта песня про Тернового короля, я не желаю ее слышать. Он всех нас прикончит, и скоро. Чего раньше времени тревожиться?

Леоф не знал, как на это ответить, но был уверен, что, если бы приближался конец света, Артвейр непременно об этом бы упомянул.

– Ну, ладно, – проговорил он и махнул рукой. – Ваш маленд – могу я спросить, как он работает?

Гильмер оживился.

– Ты тама, снаружи, видал большое колесо – саглвик, да? Ветер его крутит, а оно вертит столб наверху.

Он показал на крышу.

– Тама имеются деревянные зубцы и шестеренки, они тоже начинают вращаться, и столб поднимается, а потом опускается. Так работает помпа, она внизу. Я покажу тебе зав-

трева.

– Это очень мило с вашей стороны, только меня здесь завтра не будет.

– Кто ведает? Артвейр уже мог тыщу раз вернуться из Бруга, выходит, его там что-то задержало. А мне пора и отдохнуть чуток. Да и ты, гляжу, тоже уставши.

– Да, правда, я немного устал, – признался Леоф.

– Оставайся, пока Артвейр не воротится. На другом этаже есть еще кровать, как раз гостевая. Можешь на ней прикорнуть.

– Если только недолго...

Леоф поднялся по лестнице на следующий уровень и нашел кровать, стоящую под окном. Спустились сумерки, но луна уже заняла свое место на небе, и он разглядел вдалеке какие-то тени, похожие на дома, стену и четыре башни разного размера и решил, что это и есть Бруг. Однако там царил мрак, не видно было даже мелькания едва различимых огней, которые Леоф заметил вдалеке – видимо, в маленьких деревушках, расположенных за ближним каналом.

Тяжело вздохнув, он лег на жесткий матрас и прислушался к голосам ночных птиц – он устал, но не мог уснуть. Над головой у него скрипели и щелкали шестеренки, о которых рассказал ему Гильмер, где-то совсем рядом капала вода.

Конец света? Ему, как всегда, повезло, ничего не скажешь. Ему тридцать два года, он получил приглашение к королевскому двору, и вот, пожалуйста: выясняется, что гря-

дет конец света.

Правда, уверенности в том, что приглашение все еще действительно, у Леофа не было.

Неожиданно его мысли прервала мелодия. Она была такой чистой и прекрасной, что вполне могла быть реальной, но Леоф слишком долго прожил со своим даром, чтобы не понимать, что она возникла у него в голове.

Мелодия зазвучала, и он расслабился, отдавшись любимому делу.

Маленд учил его своей песне.

Она лилась легко: сначала возник голос ветра, прилетевшего с востока и промчавшегося по зеленым равнинам. Затем зазвучали барабаны, когда колесо – сагльвик? – начало вращаться, и крозы заиграли мелодию в унисон с флейтой. Потом к ним присоединились низкие ноты басовых крозов – ответ могучей водной стихии под землей, – и вот она полилась в каналы с веселым пением флажолетов. Маленд соединил вместе воздух, землю, воду и мастерство человека.

Следом возникли вариации, и каждая стихия получила собственную тему: земля – медленная павана,¹ сыгранная на инструментах с глухими, глубокими голосами, и безумный, радостный танец набирающего силу ветра, пропетый свирелью, а потом вступили струнные...

Леоф заморгал, обнаружив, что свеча догорела и комната

¹ Торжественный балльный танец, распространенный в Европе в XVI в. Также инструментальная музыкальная пьеса.

погрузилась в темноту, а он этого даже не заметил.

Но произведение было закончено, и он мог записать его на бумагу. В отличие от мелодии, услышанной им в горах, песня маленда явилась к нему целиком, от начала и до конца.

Возможно, именно по этой причине он только сейчас заметил, что внизу, в комнате, кто-то разговаривает.

Два голоса, причем ни один из них не принадлежал Гильмеру Эрксану.

– ... не понимаю, почему это приказали именно нам, – сказал один из них – тенор, немного скрипучий.

– Нечего жаловаться, – проговорил другой – могучий баритон. – В особенности когда *он* рядом.

– Просто я хотел посмотреть, – объяснил первый. – Тебе разве не хочется увидеть, как они прорвутся через насыпь, а на них обрушится вода?

– Все ты увидишь, – успокоил его баритон. – Очень даже хорошо увидишь. Тебе еще повезет, если не придется выбираться вплавь.

– Да, наверное. И все же... – В голосе появились веселые нотки. – Правда, весело было бы проплыть на лодке над крышами всех этих домов? Знаешь, я непременно сплаваю в... как тот город назывался?

– В котором девица заявила, будто твой нос похож на черепаший хрен?

– Вот-вот.

– Рекхем.

– Точно. Завтра она и черепашьему хрену будет рада.

– Как я слышал, он и то будет покрепче твоего, – фыркнул баритон. – Ладно, давай заканчивать здесь. До утра мы должны сжечь все маленды на расстоянии четырех лиг.

– Да, но зачем?

– Чтобы можно было пустить воду, болван. Давай, за дело.

Сжечь? Внутри у Леофа все похолодело. Неожиданно лестница превратилась в оранжевый четырехугольник, и он почувствовал запах горящего масла.

Глава 4

Прайфек

Эспер Белый силился вдохнуть, но ему казалось, что некая могучая рука сжала его горло.

– Проклятье, это просто не может быть необходимо, – прохрипел он. – Винна...

Винна закатила глаза и потрянула золотистыми локонами.

– Уймись, Эсп, – попросила она. – Не будь ребенком. Ты что, раньше никогда не носил воротник Фарлинга?

– Я вообще никогда не носил никаких треклятых воротников, – проворчал Эспер. – И зачем он только нужен?

– Затем, что ты в Эслене, в королевском дворце, а не болтаешься по пустошам среди холмов. Кроме того, очень скоро ты встретишься с его светлостью, прайфekom Кротении. И должен выглядеть соответственно.

– Но я всего лишь лесничий, – жалобно проговорил он. – Почему я не могу одеваться, как полагается лесничему?

– Ты прикончил Черного Варга и разобрался с его бандой, один, и единственными твоими помощниками были лук, топор и кинжал. Ты сразился с греффином и умудрился остаться в живых. А теперь хочешь сказать, что тебя пугает простой комплект одежды?

– Он совсем даже не простой. Я выгляжу по-дурацки и не могу дышать.

– Ты себя еще не видел, а пока тебе хватает дыхания, чтобы ныть, я буду считать, что с тобой все в полном порядке. Иди сюда, к зеркалу.

Эспер удивленно приподнял брови. На юном лице Винны цвела довольная улыбка. Она собрала волосы в какую-то черную сетку и надела синее платье – по мнению Эспера, слишком открытое. Не то чтобы представшая его глазам картина не доставляла удовольствия, но ему не нравилось, что это удовольствие разделят с ним и другие мужчины.

– Ну, ты выглядишь... по меньшей мере хорошенькой, – сказал он.

– Разумеется. И ты тоже хорош. Видишь?

Винна повернула его к зеркалу.

Эспер узнал свое лицо, хотя оно и было гладко выбрито, – пропеченное солнцем, покрывшееся за сорок один год шрамами и морщинами, его никак нельзя было назвать хорошеньким. Именно такое лицо должно быть у королевского лесничего.

А вот все, что располагалось ниже, принадлежало незнакомцу. Узкий накрахмаленный воротник, доставлявший ему невероятные страдания, был частью камзола, сшитого из какой-то яркой ткани, которая идеально выглядела бы, став занавеской или ковром на полу. Зеленые панталоны облегли ноги так туго, что Эспер казался себе полуголым. А в целом он напоминал себе засахаренное яблоко на палке.

– И кому только пришла в голову идея так меня наря-

дить? – проворчал он. – Такое впечатление, что какая-то сумасшедшая баба решила придумать для меня самый идиотский в мире костюм – и ей это удалось.

– Сумасшедшая баба? – переспросила Винна.

– Ясное дело, ни один мужчина не в состоянии даже представить себе такой клоунский костюм. По-моему, это какая-то злая шутка. Или насмешка.

– Ты достаточно хорошо знаешь двор, чтобы понимать, что это не так, – возразила Винна. – Здешние мужчины обожают покрасоваться.

– Да уж, – не стал спорить Эспер. – И я с нетерпением жду возможности побыстрее унести отсюда ноги.

Она прищурилась и обвиняюще погрозила ему пальцем.

– Ты волнуешься из-за встречи с прайфеком.

– Ничего подобного, – сердито отмахнулся он.

– Волнуешься! Боишься, как малый ребенок!

– Просто я не слишком часто имею дело с церковью, вот и все, – проворчал Эспер. – Если не считать того, что я прикончил парочку монахов.

– Они были разбойниками, – поправила его Винна. – У тебя все будет в порядке, только постарайся не богохульствовать – иными словами, тебе лучше вообще помалкивать. Пусть говорит Стивен.

– О, это нам поможет, – язвительно пробормотал Эспер. – Он у нас образец тактичности.

– Он представитель церкви, – напомнила ему Винна. –

Ему лучше знать, как следует разговаривать с прайфekom.

В этот момент они слышали, что около двери кто-то фыркнул. Эспер оглянулся через плечо и увидел Стивена – тот незаметно вошел и теперь стоял, прислонившись к дверному косяку. Эспер заметил, что юноша одет точно так же, но явно чувствует себя прекрасно. Его губы кривились в улыбке, а темные волосы были зачесаны назад по придворной моде.

– Я *был* представителем церкви, – уточнил он. – До впадения в ересь, неповиновения своему фратексу, его гибели и побега из монастыря. Очень сомневаюсь, что его светлость прайфек будет мною доволен.

– Скорее всего, – согласился Эспер, – после этой встречи нас отправят в темницу.

– Что ж, – невозмутимо сказала Винна, – по крайней мере, мы отправимся туда нарядными.

Прайфек Марше Хесперио был высоким человеком средних лет, с узким лицом, которое казалось еще более вытянутым из-за маленькой остроконечной бородки и усов. Черное одеяние не скрывало худого, как у птицы, тела. Глаза прайфека тоже напоминали птичьи – коршуна или орла.

Он принял их в мрачной, полупустой комнате со стенами из серого камня и низким потолком. В роскошном великолепии замка Эслен она казалась какой-то неестественно неправильной. Прайфек сидел в кресле за большим столом. Слева от него устроился смуглый мальчик лет шестнадцати,

которому, похоже, тоже было не по себе в придворном платье. Больше никого в комнате не оказалось.

– Садитесь, пожалуйста, – ласково предложил прайфек.

Эспер подождал, пока усядутся Винна и Стивен, затем опустился на оставшийся стул. Он понятия не имел, правильное ли место для себя выбрал. Если оно вообще было – правильное место. Он все еще переживал из-за случая с ложками во время банкета, который состоялся девять дней назад. Ну кому, скажите на милость, нужно больше одного вида ложек?

Когда они расселись, прайфек встал и убрал руки за спину.

– Эспер Белый, – проговорил он голосом бархатистым, точно ткань на платье Винны. – Ты служишь королевским лесничим уже много лет.

– Я уже и не могу вспомнить сколько, ваша светлость.

Прайфек улыбнулся.

– Да, годы к нам не слишком благосклонны, верно? Я полагаю, тебе около сорока. Я уже давно перешагнул этот порог. Однако пусть с годами мы и теряем привлекательность, зато, надеюсь, обретаем мудрость.

– Э... да, ваша светлость.

– Ты прекрасно себя показал за это время. Совершил несколько поразительных подвигов – ты действительно в одиночку справился с Черным Варгом?

Эспер неловко заерзал на своем стуле.

– Ну, это немного преувеличено... – пробормотал он.

– Так, – проговорил прайфек. – А как насчет Релистера?

– Он никогда раньше не сражался с человеком, у которого в руках кинжал и топорик. Ему мешали доспехи.

– Не сомневаюсь. – Прайфек посмотрел на бумаги, лежащие перед ним на столе. – Но, должен заметить, что тут у меня имеется и несколько жалоб. Что это за история с грэфтом Ашвиса?

– Недоразумение, – ответил Эспер. – Он перебрал спиртного и собирався поджечь лес.

– Ты действительно связал его и засунул в рот кляп?

– Король посчитал, что я поступил правильно.

– Да, конечно. А как насчет леди Эстейрен?

Эспер напрягся.

– Леди хотела, чтобы я выступил в роли проводника во время прогулки по лесу, ваша светлость. В мои обязанности это не входит. Я старался вести себя вежливо.

– И, похоже, потерпел неудачу, – подвел итог прайфек, в голосе которого появились веселые нотки.

Эспер собрался что-то ответить, но прайфек поднял руку и покачал головой.

– Стивен Даридж, – сказал он, повернувшись к Стивену, – бывший фратир монастыря д'Эф. Ты произвел на церковь сильное впечатление за то короткое время, что находился в ее лоне, не так ли, брат Стивен?

Стивен нахмурился.

– Ваша светлость, как вам известно, обстоятельства...

– Насколько мне известно, ты из хорошей семьи, – перебил его прайфек. – Получил образование в колледже Рейли. Являешься отличным специалистом по древним языкам. Свои знания ты использовал для того, чтобы перевести запрещенные церковью документы, и твои переводы, насколько я понимаю, – поправь меня, если я ошибаюсь, – стали причиной смерти фратекса и свершения немыслимых актов темного колдовства.

– Совершенно верно, ваша светлость, – ответил Стивен. – Но я сделал перевод по приказу фратекса. Темную магию использовали монахи-отступники во главе с Десмондом Спендлавом.

– Да, но, видишь ли, у нас нет доказательств того, что это так, – заметил прайфек. – Брат Спендлав и его товарищи мертвы. Брат Пелл тоже. Очень удобно для тебя, поскольку никто не может опровергнуть твои слова.

– Ваша светлость...

– И тем не менее ты признаешь, что вызвал Тернового короля, чье появление – как говорят – означает конец света.

– Это произошло случайно, ваша светлость.

– Да. Слабое утешение, если мир действительно ждет конец, верно?

– Конечно, ваша светлость, – с несчастным видом проговорил Стивен.

– Однако твое признание собственной вины в данном слу-

чае означает, что ты говоришь правду. Между нами, должен признаться, я давно подозревал, что в монастыре д'Эф не все в порядке. В конце концов, церкви служат мужчины и женщины, и им присущи те же слабости, что и обычным людям, а следовательно, они могут стать жертвой злых сил. Можете не сомневаться, сейчас мы удвоили свою бдительность.

Затем он повернулся к Винне.

– Винна Рафути. Дочь хозяина постоянного двора из Колбели. Ты не имеешь никакого отношения ни к церкви, ни к лесничеству. Как, ради всех святых, ты оказалась замешанной во все это?

– Я люблю этого болвана лесничего, ваша светлость, – ответила Винна.

Эспер почувствовал, что краснеет.

– Что ж, – проговорил прайфек, – это не слишком уважительная причина, согласна?

– Наверное, ваша светлость.

– И тем не менее ты была с ним, когда он выслеживал греффина, а потом в Кал Азроте, когда появился Терновый король. Кроме того, ты попала в плен к сеффри Фенду, который, как говорят, виновен во многом из того, что произошло.

– Да, ваша светлость.

– В таком случае, – прайфек поджал тонкие губы, – я предлагаю тебе сделать выбор, Винна Рафути. Здесь пойдет разговор о вещах, которые не должны оглашаться за стенами этой комнаты. Ты можешь остаться и подвергнуть свою

жизнь опасности – или уйти, и я прикажу проводить тебя к твоему отцу в Колбели.

– Ваша светлость, я уже подвергла свою жизнь опасности. Я остаюсь.

Эспер даже не заметил, как вскочил со стула.

– Винна, я запрещаю...

– Замолчи, неуклюжий медведь, – осадил его Винна. – Когда ты мог мне что-нибудь запретить?

– А сейчас запрещаю! – повысил голос Эспер.

– Успокойтесь, пожалуйста, – вмешался прайфек и остановил требовательный взгляд на лесничем. – Выбирать ей.

– И она сделала свой выбор, – сообщила Винна.

– Подумай хорошенько, милочка, – проговорил прайфек.

– Я уже подумала, ваша светлость.

Прайфек кивнул.

– Да будет так.

Он положил руку на плечо мальчика, не проронившего ни слова за время разговора. У того были черные волосы и глаза и смуглая кожа, темнее, чем у самого Эспера.

– Позвольте мне представить вам Эхока из племени ватау, что живет в Заячьих горах. Возможно, ты про них знаешь, лесничий.

– Знаю, – сердито ответил Эспер.

Его мать была из ватау, а отец – ингорн. Их ребенка не приняли ни в том, ни в другом племени. Прайфек снова кивнул.

– События, участниками которых вы стали, очень беспокоят церковь, в особенности появление так называемого Тернового короля. До сих пор мы считали его всего лишь персонажем легенд и сказаний, суеверием невежественных людей, которые почти ничего не знают про Колдовские войны и даже Пленение, продолжавшееся до тех пор, пока наши предки не освободились от ига демонов, захвативших их в рабство. Теперь же, когда он появился, нам придется пересмотреть все, что нам известно.

– Если позволите, ваша светлость, мой доклад... – начал Стивен.

– Разумеется, я читал твой доклад, – сказал Хесперо. – Ты проделал большую работу по данной теме, но не имел доступа ко всем источникам, которыми обладает церковь. В священной з'Ирбине имеются книги, которые позволено читать только его святейшеству фратексу Призмо. Узнав о событиях в Кал Азроте, я отправил сообщение в з'Ирбину и уже получил ответ.

Прайфек помолчал.

– Больше чем ответ, – продолжал он. – Я объясню вам чуть позже, что имею в виду. Однако я не мог ждать реакции з'Ирбины и потому послал отряд под покровительством церкви, которому поручил выследить это... создание и побольше о нем узнать. В состав отряда вошли рыцарь церкви и пять монахов ордена Мамреса. Они наняли Эхока в качестве проводника. Он вам расскажет, чему стал свидетелем.

– Э-э... – начал Эхок. Чувствовалось, что ему не часто приходится разговаривать на королевском языке. – Здравствуйте все, – сказал он с сильным акцентом и посмотрел на Эспера. – Я про вас слышал, господин лесничий. Думал, вы гораздо выше. Говорят, будто ваши стрелы размером с копье.

– Я немного съезжился ради его светлости, – проворчал Эспер. – Что ты видел, мальчик, и где?

– На территории Дат аг Пэй, около Агдона. Один из монахов, Мартин, что-то услышал. И тут они появились.

– Они?

– Мужчины и женщины, но вроде диких зверей. Они были голые и без оружия. Они разорвали на куски бедного сэра Онье руками и зубами. Они безумны.

– Откуда они пришли?

– Они из Дат аг Пэй. Я уверен. Может быть, все племя, кроме детей. Хотя старики там были. – Его передернуло. – Они съели монахов после того, как убили их.

– А ты не знаешь, отчего они сошли с ума?

– Не они одни, господин лесничий. По дороге сюда я видел множество опустевших деревень. Я прятался в ямах и под листьями, но они нашли мою лошадь и растерзали ее. Я слышал их по ночам, они пели песни на каком-то чужом языке, какого нет в наших горах.

– Но тебе удалось от них убежать.

– Удалось. Когда я вышел из леса, они не стали дальше преследовать меня. Я пришел сюда, потому что так хотел

Мартин.

– Мартин был одним из моих доверенных людей, – пояснил прайфек. – И очень сильным воином Мамреса.

– Какое безумие может охватить целые деревни? – удивленно спросил Стивен.

– Старухи... – начал Эхок и осекся.

– Все в порядке, Эхок, – успокоил его прайфек. – Говори, что ты хотел сказать.

– Это одно из предсказаний. Они говорили, когда Эттороум проснется, он захватит весь лес.

– Эттороум... – повторил Стивен. – Я знаю это имя. Твой народ так называет Тернового короля.

Эхок кивнул.

– Эспер, – прошептала Винна. – Колбели находится в Королевском лесу. Мой отец. И семья...

– Колбели далеко от Дат аг Пэй, – сказал Эспер.

– Какое это имеет значение, если мальчик говорит правду?

– Она права, – вмешался Стивен.

– Они появляются не только в лесных чащах, – проговорил прайфек. – Мы получили сообщения о стычках в городах, расположенных вдоль границы Королевского леса, по крайней мере, на востоке.

– Простите, ваша светлость, – сказал Эспер.

– За что?

– Я должен вас покинуть. Я королевский лесничий. Поря-

док в лесу – моя обязанность. Я должен увидеть все своими глазами.

– Да, со вторым твоим заявлением я согласен. Что же до первого... ты больше не королевский лесничий.

– Что?

– Я отправил королю просьбу отдать тебя в мое распоряжение. Ты мне нужен, Эспер Белый. Никто не знает лес так, как ты. Ты встретился с Терновым королем лицом к лицу и остался в живых – причем дважды.

– Но он всю жизнь был лесничим! – вскричал Стивен. – Ваша светлость, вы не можете взять и...

Голос прайфека вдруг утратил всю свою мягкость.

– Очень даже могу, брат Даридж. Я могу, и я это сделал. Кстати, твой друг продолжает оставаться лесничим – лесничим церкви. По-моему, это огромная честь.

– Но... – начал Стивен.

– Если позволишь, Стивен, – спокойно прервал его Эспер, – я и сам могу за себя говорить.

– Прошу, – согласился прайфек.

Эспер посмотрел ему в глаза.

– Я не слишком хорошо разбираюсь в правилах двора, королев и прайфеков, – признал он. – Мне много раз говорили, что с манерами у меня плоховато. Но мне представляется, ваша светлость, что вам следовало сначала спросить меня, а потом уж сообщать мне, что будет.

Хеспер несколько мгновений смотрел на него, а потом

пожал плечами.

– Хорошо. Ты прав. Наверное, мое беспокойство за благополучие народа Кротении и всего остального мира заставило меня забыть о желаниях одного человека. Я всегда могу попросить короля изменить приказ – итак, я тебя спрашиваю.

– А чего именно ваша светлость от меня хочет?

– Я хочу, чтобы ты отправился в Королевский лес и выяснил, что там происходит. Я хочу, чтобы ты нашел Тернового короля и убил его.

После слов прайфeka повисла напряженная тишина. Он сидел за столом и наблюдал за своими собеседниками так, словно только что попросил их отправиться на охоту и принести свежей дичи.

– Убил его, – медленно выговорил Эспер после минутного молчания.

– Именно. Ты же прикончил греффина, верно?

– А греффин чуть не прикончил Эспера, – вмешалась Вин-на. – Он обязательно умер бы, но Терновый король каким-то образом исцелил его.

– Ты уверена? – спросил прайфек. – Неужели ты так легко готова забыть о святых и их деяниях? В конце концов, они ведь присматривают за нами, людьми.

– Дело в том, ваша светлость, – сказал Стивен, – что мы не знаем наверняка, как все происходило в тот день, кто такой Терновый король и что на самом деле означает его появление. Нам неизвестно, следует ли его убивать и возможно ли

это сделать.

– Его можно и должно убить, – непреклонно ответил Хесперо. – Вот это поможет тебе с ним расправиться.

Он достал узкий кожаный футляр с какой-то потускневшей надписью, показавшийся Эсперу очень старым.

– Перед вами одна из древнейших реликвий церкви, – сказал прайфек. – Она дожидалась своего часа и человека, который сможет ее использовать. Фратекс Призмo изучил предзнаменования, и святые сообщили ему свою волю.

Он открыл футляр и осторожно вынул из него стрелу. Ее наконечник сиял таким ослепительным светом, что на него было больно смотреть.

– Когда святые уничтожили старых богов, – проговорил Хесперо, – они сделали эту стрелу и отдали ее первым отцам церкви. Она может убить любое существо, обладающее плотью, – реальное или сверхъестественное, а также древних языческих духов. Ее можно было использовать семь раз. Осталось два.

Он убрал стрелу в футляр и сложил перед собой руки.

– Безумие, свидетелем которого стал Эхок, – дело рук Тернового короля. Предсказания говорят, что оно будет распространяться, точно волны в озере, пока не поглотит все земли, населенные людьми. Поэтому священный сенaз церкви и сам Фратекс Призмo повелели мне сделать все для того, чтобы эта стрела пронзила сердце Тернового короля. А я, в свою очередь, передаю их приказ тебе, Эспер Белый.

Глава 5

Сарнвудская колдунья

– Мы не сможем прикончить всех, – мрачно проговорил Аншар, натягивая тетиву лука.

Стрелять было очень трудно – волки казались призрачными тенями среди деревьев, и он знал наверняка, что до сих пор не попал ни в одного из них. В густом, заросшем ползучими растениями Сарнвуде от лука было не много пользы.

– Пожалуй, – спокойно ответил одноглазый сефри, расположившийся слева от него. – Не думаю, что сможем. Но мы ведь пришли сюда не затем, чтобы сражаться с волками.

– Возможно, ты не заметил, Фенд, – сказал брат Пейвел, убирая мокрые пряди волос с худого лица, – что у нас нет выбора.

Фенд вздохнул.

– Они ведь не нападают, верно?

– Только разорвали на части Рефана, – заметил брат Пейвел.

– Рефан сошел с тропы, – напомнил ему Фенд. – Мы же не настолько глупы, правда?

– Ты и в самом деле думаешь, что мы в безопасности на тропе? – спросил Аншар, с сомнением поглядывая на узкую тропинку, на которой они втроем стояли.

Никакой отчетливой границы между тропинкой и диким

завывающим лесом не было – если не считать полосы жидкой грязи, присыпанной листьями.

– Я не сказал, что мы в безопасности, – с мрачной усмешкой уточнил Фенд. – Я сказал, что волки до нас не доберутся.

– Ты и раньше ошибался, – напомнил ему брат Пейвел.

– Я? – удивленно переспросил Фенд. – Ошибался?

– Например, в Кал Азроте, – настаивал на своем Пейвел.

Фенд неожиданно остановился и вперил свой единственный глаз в монаха.

– И насчет чего же я ошибся? – спросил сефри.

– Насчет лесничего, – сказал Пейвел. – Ты сказал, что он совсем не опасен.

– Я сказал, что Эспер Белый не опасен? Единственный человек, которому удалось по-настоящему ранить меня во время поединка? Человек, который отнял у меня глаз? Не думаю, что даже в страшном сне я говорил, будто Эспер Белый не представляет для нас никакой угрозы. Скорее, это твой дружок Десмонд Спендлав хвастался, что сумеет остановить лесничего прежде, чем тот доберется до Кал Азрота.

– Он разрушил все наши планы, – проворчал Пейвел.

– Так, давай подумаем хорошенько, – возразил Фенд. – Меня удивляет слово – «разрушил». Мы убили двух принцесс или нет?

– Да, но королева...

– Спаслась, тут ты прав. Но вовсе не потому, что я совершил ошибку. Просто мы потерпели поражение в бою.

– Если бы мы остались...

– Если бы мы остались, мы оба были бы уже мертвы, а наше дело лишилось бы двух воинов, – сказал Фенд. – Неужели ты думаешь, что лучше меня знаешь планы нашего господина, брат?

Пейвел, продолжая хмуриться, неохотно покачал головой.

– Нет, я так не думаю, – признал он наконец.

– Не думаешь. Посмотри-ка по сторонам. Пока мы спорили, что сделали волки?

– Ничего не сделали, они по-прежнему здесь, – ответил Аншар. – Но ближе не подходят.

– Вот видите. Это потому, что она хочет знать, зачем мы пришли. Пока ее мучает любопытство, а мы соблюдаем ее правила и не сходим с тропинки, с нами все будет в порядке. – Он хлопнул Пейвела по спине. – Перестань трястись.

Брат Пейвел выдавил вымученную улыбку.

Аншар слышал про то, что случилось в Кал Азроте, но сам там не был. Монахи, участвовавшие в том предприятии, были из д"Эф. Он же учился в монастыре Анстейжа, расположенном далеко на севере, в его родной Ханзе. Его отправили на юг совсем недавно с приказом сделать все, что в его силах, чтобы помочь странному сеффри и брату Пейвелу.

А еще ему особо указали на то, что подчиняться он должен этому сеффри, а вовсе не церковнику.

Вот почему он последовал за ним сюда, в места, где происходили самые страшные события, о которых рассказывали

детские сказки его юности, в Сарнвуд, чтобы отыскать саму Сарнвудскую колдунью.

Тропа завела их в расселину между двумя холмами, которая вскоре превратилась в глубокое ущелье с уходящими в небо отвесными стенами. Аншар вырос в деревне и неплохо знал лес и потому на окраине Сарнвуда мог назвать большинство деревьев. Здесь же он не узнавал почти ни одно. Некоторые покрывала чешуя, и казалось, что они составлены из маленьких змеек, присоединенных к более крупным. Другие тянулись к самому небу, чтобы на невероятной высоте раскинуть ветви с паутинкой листьев. Попадались и менее странные деревья, однако и те не были ему знакомы.

Наконец отряд вышел к маленькому озеру с чистой ключевой водой и берегами, поросшими мхом и бледными – почти белыми – папоротниками. Вокруг высились черные чешуйчатые деревья с длинными обвисшими листьями, похожими на зубья пилы. Человеческие черепа, покоящиеся в изгибах ветвей, взирали на незваных гостей пустыми глазницами. Аншар чудом удержался, чтобы не отшатнуться. В воздухе пахло чем-то горьким и мускусным.

– Пришли, – прошептал Фенд, – вот оно, место.

– И что мы будем делать? – спросил Аншар. Фенд вытащил отвратительного вида кинжал.

– Идите сюда, оба, – позвал он. – Ей нужна кровь.

Аншар послушно подошел к Фенду. Пейвел последовал его примеру, но Аншару показалось, что он замешкался.

Тем временем Фенд провел острием по своей ладони. Появилась кровь – как ни странно, такая же красная, как у любого другого человека.

Фенд посмотрел на своих спутников.

– Ну? – сказал он. – Ей этого мало.

Аншар кивнул и достал свой кинжал, а следом и брат Пейвел. Пока Аншар проводил острием по своей ладони, он уловил краем глаза какое-то движение.

Брат Пейвел стоял, приставив нож к ладони, и как-то странно дергался. Фенд схватил его за голову, словно хотел удержать на месте...

Нет. Фенд воткнул свой кинжал в глаз брата Пейвела. А теперь вытащил его и вытер о рясу Пейвела. Монах по-прежнему стоял на месте, продолжая подергиваться и глядя уцелевшим глазом на свою оцарапанную ладонь.

– Несколько больше крови, – пояснил Фенд и с силой толкнул Пейвела так, что тот повалился лицом в озеро.

Затем сеффри поднял голову и посмотрел на Аншара. У того внутри похолодело, но он продолжал сохранять спокойствие.

– Ты не боишься, что станешь следующим? – спросил Фенд.

– Нет, – ответил Аншар. – Если наш фратекс считает, что я должен принести себя в жертву, значит, так тому и быть.

Фенд скривил губы в улыбке.

– Церковники, – проворчал он. – Вы такие верные и такие

верующие.

– Ты не служишь церкви? – удивленно спросил Аншар. Фенд фыркнул и покачал головой. А потом пропел что-то на диковинном языке, которого Аншар не знал.

Среди деревьев возникло какое-то движение, Аншар не видел его, лишь почувствовал и услышал шорох. Ему показалось, что огромная чешуйчатая тварь проползла сквозь лес и обернулась вокруг озера, словно гигантский worm из легенд. Он не сомневался, что очень скоро из-за деревьев появится голова с разверстой зубастой пастью.

Однако из лесу выступило существо, совсем не похожее на то, что нарисовало ему воображение.

Ее кожа была белее лунного света, а волосы окутывали тело, точно черный дым. Аншар попытался отвернуться, потому что она была обнажена, и он знал, что не должен на нее смотреть, но не смог.

Она оказалась такой изящной и хрупкой, что сначала он решил, будто перед ним ребенок. Но в следующее мгновение его глаза остановились на ее груди с нежно-голубыми сосками. А потом он, к огромному своему удивлению, заметил у нее на животе еще четыре соска, совсем маленьких, как у кошки, и вдруг понял, что она сефри.

Она улыбнулась, и Аншар со стыдом обнаружил, что его охватила похоть, равная по силе его ужасу. Колдунья поманила их, и он сделал шаг вперед.

Фенд остановил его, положив руку ему на грудь.

– Она зовет не тебя, – сказал он, показав на озеро. Неожиданно Пейвел задвигал руками и ногами и неуклюже встал, повернувшись к ним лицом.

– Зачем ты пришел, Фенд? – прохрипел он.

– Чтобы поговорить с Сарнвудской колдуньей, – ответил Фенд.

– Она здесь, – сказал Пейвел.

– Правда? Мне говорили, что колдунья – ужасная великанша, причем невероятно уродливая.

– У меня много обличей, – сообщил труп Пейвела. – Кроме того, про меня ходит множество глупых слухов.

Женщина склонила голову набок.

– Ты убил принцесс Отважных, – проговорила она. – Я чувствую по запаху. Но дочерей было три. Почему ты не прикончил третью?

– Мне казалось, что жертвоприношение дает право задавать вопросы мне, – хохотнув, ответил Фенд.

– Благодаря жертвоприношению я не убью тебя прежде, чем выслушаю. Если ты хочешь что-нибудь получить, не стоит меня сердить.

– Понятно, – сказал Фенд. – Хорошо. Третьей дочери – кажется, ее зовут Энни – не оказалось в Кал Азроте. Мы не знали, что ее куда-то отослали.

– Да, – проговорил труп. – Другие нашли ее в Вителлио, но им не удалось ее убить.

– Значит, она жива? – спросил Фенд.

– Это один из вопросов, которые ты хотел мне задать?

– Да, но, похоже, она теперь не моя забота.

– Ее ищут земля и небо, – сообщил Пейвел. – Она должна умереть.

– Я знаю, – ответил Фенд. – Но ты говоришь, что ее нашли...

– И снова потеряли.

– Ты можешь сказать мне, где она?

– Нет.

– Ну что же, – проговорил Фенд. – Другие ее потеряли, так пусть они ее и ищут.

– Ты добрался до королевы и не убил ее, – сказал Пейвел.

– Да, – признал Фенд. – Что-то мне стали слишком часто об этом напоминать. Неожиданно появился мой старый друг и помешал мне. Но, насколько я понимаю, королева не так важна, как Энни.

– Она важна – и не беспокойся, она умрет. Твоя неудача дешево тебе обойдется. Ты прав в одном: дочь – это все, как и полагает твой хозяин.

Впервые на лице Фенда появилось удивление.

– Я бы не стал называть его хозяином – ты знаешь, кому я служу?

– Он приходил ко мне однажды, давным-давно, а теперь я чувствую на тебе его запах.

Женщина вздернула подбородок, и Пейвел, словно нелепо пародируя ее, повторил этот жест.

– Война началась? – спросил труп.

– Как же получается, что ты так много знаешь про одни Дела и ничего не ведаешь про другие?

– Я много знаю про большое и очень мало про малое, – сказал Пейвел и тихо засмеялся неожиданной игре слов.

Женщина у него за спиной стояла не шевелясь, но Аншар неожиданно смог разглядеть ее глаза – удивительного фиолетового цвета.

– Я вижу реку, но не различаю водовороты и течения, корабли и листья, которые плавают на поверхности. Твои слова помогают мне с мелочами. Ты что-то говоришь, и я вижу вещи, с этим связанные, – так я узнаю малое. Итак, война уже началась?

– Пока нет, – ответил Фенд. – Но мне сказали, что скоро начнется. Еще несколько фигур должны занять свои места. Но я этими делами не особенно интересуюсь.

– А чем ты интересуешься, Фенд? Что ты хотел узнать, когда шел сюда?

– Говорят, что ты – мать чудовищ, о Сарнвудская колдунья. Это правда?

– Сама земля беременна чудовищами. Что ты ищешь?

Фенд широко улыбнулся, и Аншара пробрало холодом. Когда он услышал ответ Фенда, холод заметно усилился.

Глава 6

Глаза из пепла

Несколько мгновений спустя дым начал подниматься вверх, и все остальные звуки поглотил рев пламени. Пол стал нагреваться, и Леоф понял, что если маленд превратился в раскаленную печь, то сам он находится как раз в том месте, куда следует ставить хлеб.

Он подошел к окну, прикидывая, не сломает ли он себе ногу в падении, но тут же резко отшатнулся, увидев двух солдат. Те наблюдали за горящим малендом, их лица в отсветах пламени казались красными.

Он увидел их лишь мельком, но и этого оказалось достаточно. Один из них был почти великаном, у обоих в руках поблескивала сталь. Они не стали обыскивать мельницу, предоставив огню делать за них грязную работу.

– Бедный Гильмер, – прошептал Леоф, решив, что солдаты убили старика спящим.

Что ж, возможно, алманийцу повезло больше, чем ему самому. Музыкант уже начинал задыхаться. Пламя неуклонно карабкалось вверх, но дым, безусловно, прикончит его раньше.

Спуститься вниз он не мог, выпрыгнуть в окно – тоже. Оставалась только лестница наверх – если он хочет прожить еще хотя бы несколько минут.

Леоф нашел лестницу и поднялся на следующий этаж. Тут уже просочился дым, но все-таки пока его было не много.

И еще здесь было очень темно. Леоф снова слышал скрип колес и шестеренок – видимо, он оказался в самом сердце машины.

Он нашел последнюю лестницу и, дрожа, осторожно начал подниматься вверх. Ему отчетливо представлялось, как его рука или, еще того хуже, голова попадет под какую-нибудь шестерню.

На последнем этаже совсем не было дыма. Леоф разглядел смутные очертания окна и бросился к нему, но солдаты никуда не ушли, да и прыгнуть отсюда было бы совершенным безумием.

Пытаясь успокоиться, Леоф принялся шарить в темноте и чуть не завопил от ужаса, когда наткнулся на что-то движущееся. Впрочем, он вовремя сообразил, что это вертикальный столб, который медленно поворачивается, когда работает помпа.

Только вот столб на первом этаже не вращался; он двигался вверх и вниз. Движение каким-то образом изменялось, передаваясь под пол.

И все-таки что-то здесь было не так. Ось – как Гильмер назвал эту штуку? Эти большие спицы? Саглвик. Ось саглвика должна быть горизонтальной, но ее вращение передается этому столбу...

Значит, наверху есть еще что-то.

Подняв голову, Леоф разглядел огромное деревянное колесо с зубцами, увенчивающее столб. Оно вращалось. Еще через пару минут он обнаружил второе колесо, расположенное над первым под прямым углом, это его зубцы заставляли вращаться первое. Леоф решил, что стержень, который приводит в движение второе колесо, должен быть соединен с лопастями маленда.

Он нашел его и принялся изучать, еще сам не зная, что именно пытается найти. Вскоре до него снова добрались дым и жар пламени.

Стержень проходил сквозь смазанную жиром дыру в стене, немногим шире его самого.

Наконец Леоф начал понимать, что ищет.

«Они же должны как-то чинить сагльвик! Да!»

Под отверстием он обнаружил щеколду и небольшую квадратную дверцу. Открыв ее, Леоф выглянул наружу.

Над горизонтом повисла бледная луна, и в ее свете он разглядел огромное колесо, вращаемое ветром, а внизу – серебряную воду канала. Людей видно не было, но они вполне могли прятаться среди теней.

Здание содрогнулось один раз, а потом еще. Где-то рушились балки. Впрочем, каменная башня должна была выстоять.

В этот момент из ведущего вниз лаза вырвался порыв обжигающего воздуха и огня.

«О боги, как же не хочется лезть! – подумал Леоф. – Но у

меня нет выбора, иначе придется сгореть здесь заживо».

Задержав дыхание, он прислушивался к медленному ритму вращающегося колеса, пока не сумел на него настроиться. Неожиданно к нему вернулась песнь маленда, наполнила все его существо, и он задышал в такт мелодии.

И прыгнул. Одна нога соскользнула, и Леоф чуть не промахнулся, но успел рукой ухватиться за деревянную раму паруса. Его тут же перевернуло вверх ногами, однако он ухитрился вцепиться другой рукой в ткань. Внутри у него все сжалось от страха, когда он обнаружил, что находится на невозможной высоте над землей. Но уже через пару минут земля начала приближаться, и он пополз вниз.

Леоф торопился изо всех сил, поскольку совсем не хотел снова взмыть в воздух, но земля была еще слишком далеко. Он прижался к своему ненадежному «насесту», когда тот снова начал подниматься, и неожиданно почувствовал, что страх уступил место восторгу. Сейчас он был обращен головой в сторону оси, и у него возникло ощущение, будто что-то тянет его за ноги, причем даже в те моменты, когда они торчали вверх. Словно святые не хотели, чтобы он упал. Вскоре он решил, что земля достаточно близко, и решился спрыгнуть.

Он сильно ударился, но ничего не повредил и несколько мгновений просто лежал на траве.

Затем Леоф пополз, прижимаясь к земле, от горящего маленда в сторону канала. Он уже почти до него добрался, ко-

гда его руку сжала чья-то сильная ладонь.

– Ш-ш-ш! – прошептал кто-то. – Тише. Это я, Гильмер.

Леоф закрыл глаза и кивнул, отчаянно надеясь, что сердце не разорвется от радости.

– Давай за мной, – сказал Гильмер. – Нужно отсюда выбираться. Те, кто это содеял...

– Я видел их, они с другой стороны.

– Да. Болваны.

– Ну, с этой стороны окон нет.

Вскоре они добрались до канала, и Леоф увидел на берегу маленькую лодочку.

– Быстро, – велел ему Гильмер, отвязывая веревку. – За-
лазь в лодку.

Леоф греб изо всех сил, и уже через несколько минут они оказались на середине канала. Гильмер сидел на руле.

– Я думал, вы погибли, – сказал Леоф.

– Не. Я вышел глянуть, все ли ладно. Слыхал, как они при-
скакали и о чем разговаривали. Не думаю, что мог бы им по-
мешать.

Он оглянулся на маленд, охваченный пламенем. Колесо еще продолжало вращаться.

– Прости, милка, – тихо проговорил Гильмер и отвернул-
ся. – И будь они кляты за то, что сделавши с тобой.

– Что теперь? – спросил Леоф.

– Теперь глянем, что там за беда в Бруге.

– Но ведь Артвейр не вернулся.

– Значит, ему нужна помощь.

Леоф подозревал, что, если у Артвейра возникли трудности, с которыми он оказался не в силах справиться сам, вряд ли ему смогут помочь сочинитель и старый мастер ветра. Он уже собрался сказать это, когда его вдруг посетила другая мысль.

Гильмер, вероятно, увидел, как у него изменилось лицо.

– Что? – спросил он.

– Мои инструменты. И все вещи!

Старик печально покачал головой.

– Да, день потерь для нас двух. А подумай, чего потеряет этот народ внизу, если злодеи разрушат насыпи.

– Я только пытаюсь понять, что мы можем сделать. Я не умею сражаться. И ничего не знаю про оружие.

– Я тоже, – ответил Гильмер, – токмо я все равно не оставлю все идти своим чередом.

Словно скорбя о погибшем маленде, ветер стих, и на канале воцарилась тишина, которую нарушал лишь плеск воды под веслами. Леоф с беспокойством наблюдал за берегами, опасаясь, что солдаты будут их преследовать, но среди высоких силуэтов вязов, растущих по краям канала, никого не было видно.

Вскоре к деревьям присоединились приземистые тени сначала деревенских домиков, а потом и высоких зданий. Канал стал сужаться.

– Ворота впереди, – прошептал Гильмер. – Приготовься.

– К чему? – спросил Леоф.

– А мне откуда знать? – ответил старик.

Водные ворота, без изысков выкованные из железа, были открыты. Лодка тихо скользнула сквозь них, и они оказались в Бруге.

Диковинная тишина казалась здесь особенно пронзительной, даже более напряженной, чем когда они плыли по каналу, словно Бруг являлся ее средоточием. Ни одно окно не было освещено изнутри, и стекла блестели отраженным лунным светом, словно глаза слепца.

Гильмер, стараясь не шуметь, подвел лодочку к причалу.

– Ты первый, – сказал он Леофу. – И не скинь меня.

Леоф осторожно выбрался из лодки на каменный причал, и по его спине пробежали мурашки, когда он коснулся земли. Артвейр был прав – здесь произошло что-то ужасное.

– Придержи лодку, – прошептал Гильмер. – Подсоби, да?

– Извините, – так же шепотом ответил Леоф.

Но даже его едва различимый ответ, казалось, эхом разнесся по безмолвному городу. Он придерживал лодку за борт, пока старик привязывал ее, и слушал, как отчаянно колотится в груди сердце.

Бруг, залитый лунным светом, был невероятно красив. Высокие узкие дома словно купались в серебре, булыжные мостовые казались блестящими реками, а вода канала сияла, точно покрытая слюдой. В нескольких метрах от причала высился изящный мост – видимо, он и дал городу имя, на

опорах дремали каменные святые. На другом берегу канала стояли колокольня и церковь.

Совсем рядом с пристанью, на улице, идущей параллельно каналу, Леоф разглядел какую-то деревянную вывеску над дверью. В тусклом свете ему удалось прочитать: «Фатем Пейтера». Внизу под надписью имелся деревянный барельеф, изображавший толстого сакритора, наполняющего кружку из бочки с вином.

Покончив с лодкой, Гильмер показал на вывеску.

– Наикрашая таверна в городе, – сказал он. – Сейчас здесь должно быть полно народа.

Но, как и во всех остальных домах в Бруге, в таверне царили тьма и тишина.

– Придется глянуть вовнутрь, – прошептал Гильмер. – Если все прячутся, бьюсь об заклад, половина города схоронившись здесь. В подвале.

– От чего? От нескольких мерзавцев, которые сожгли ваш маленд?

– Нет, – ответил Гильмер. – У Бруга свое доброе имя.

– В каком смысле?

– Злодеи и раньше заглядывались на город. Хорошее место – разрушил насыпи, и вода разольется на шестьдесят лиг. Уже пробовавши. Тридцать лет назад ханзейский лыцарь – Ремизмунд Фрам Вулторп – явился сюда и привел двадцать всадников и сто пеших солдат. Засел в этой самой таверне и послал в Эслен письмо, угрожавши выпустить воду, если

ему не заплатят денежки.

– Но ничего не сделал?

– Нет. Одна дивчина, дочь плотника, который лодки делал, первая красавица в городе, на следующий день выходила замуж. Так вот, значит, она, надевши свадебное платье, пошла к Вулторпу, в его комнату на самом верху. Они стали миловаться возле окна, а девушка накинула ему на шею шлейф платья и выбросилась в окно. Оба в лепешку разбившись – примерно там, где ты сейчас стоишь. По этому сигналу остальные горожане набросились на солдат. Армии мерзавца пришлось к воротам прорубаться. Около сотни горожан померши. – Он покачал головой. – И это не единственная история. Все мальчишки и девчонки Бруга почитают насыпи и мост священными и мечтают стать героями следующей истории.

– И все же вы думаете, что они испугались и решили спрятаться?

Гильмер покачал головой.

– Нет, – грустно проговорил он. – Я боюсь, что они не прячутся.

Дверь открылась с легким скрипом, но никто не бросился к ним навстречу. Бормоча что-то под нос, Гильмер вытащил трутницу и зажег ближайшую свечу.

– О святые небеса! – выдохнул Леоф, когда она разгорелась.

В таверне действительно было много людей, точнее, того,

что когда-то было людьми. Они неподвижно лежали или сидели группами, и Леоф сразу понял, что они мертвы. Даже в теплом свете огня их кожа была белой как снег.

– Очи, – хрипло проговорил Гильмер.

Взглянув повнимательнее, Леоф без сил опустился на пол, и его вырвало. Ему казалось, что сама земля закачалась у него под ногами, а на плечи давит тяжелое небо.

Ни у кого из мертвецов не было глаз – только черные провалы.

Гильмер положил руку Леофу на плечо.

– Ну, тише, приятель, – сказал он дрожащим голосом. – Мы же не хотим, чтобы тот, кто это сотворивши, нас услышал.

– Я не могу... – На Леофа накатила новая волна тошноты, и он прижался лбом к деревянному полу.

Прошло довольно много времени, прежде чем он сумел снова поднять голову. Оказалось, что Гильмер изучает трубы.

– Зачем было выжигать им глаза? – с трудом выдавил из себя Леоф.

– Кто ж ведает. Но они сотворили это не горячим железом или головешками. Очи на месте – только превратившись в уголь.

– Колдовство, – прошептал Леоф.

– Да, и самое что ни есть дурное.

– Но зачем?

Гильмер выпрямился с мрачным выражением на лице.

– Понятное дело, чтобы разрушить дамбы, без помех и лишних очей. – Он поджал губы. – Но насыпь еще целехонька, верно? Время еще есть.

– Время для чего? – удивленно спросил Леоф.

На лице Гильмера появилось холодное выражение.

– Эти люди были мне други, – сказал он. – Хочешь – можешь остаться здесь.

Он обыскал несколько трупов и нашел кинжал.

– Тот, кто это сотворивши с ними, уверен, что живых тут нет. Они про нас ничего не знают.

– А как только узнают, нас ждет такая же судьба, как твоих друзей, – в отчаянии проговорил Леоф.

– Может, и так, – согласился Гильмер и направился к двери.

Леоф посмотрел на мертвецов и тяжело вздохнул.

– Я с вами, – сказал он.

Когда они вышли на улицу, он посмотрел себе под ноги и спросил:

– Как ее звали?

– Э?

– Девушку.

– А. Лита. Лита Рангсдаутер.

– А ее жених? Что стало с ним?

Губы Гильмера дрогнули.

– Он так и не женился. Ставши мастером ветра, как его

отец. А теперь замолкни – ворота уже близко.

На улице им тут и там попадались мертвые тела, все с одинаковыми выжженными глазницами. Не только люди, но и животные: собаки, лошади, даже крысы. На некоторых лицах застыл ужас, на других – удивление. А иные, и это казалось страшнее всего, умерли, испытывая восторг и наслаждение.

Леоф заметил и кое-что еще: едва различимый душок тления. Однако он не имел ничего общего с запахом могилы или мясницкой лавки. Леоф нигде не видел следов червей или газов. А сам запах отдаленно напоминал почти неуловимый аромат жженого сахара, тонкий и довольно приятный.

Вскоре он различил и шум – ритмичные удары, – словно множество молотов выбивали в унисон басовую мелодию.

– Это они, стену ломают! – сказал Гильмер. – Быстрее!

Они подошли к городской стене и каменной лестнице, которая вела наверх. Чтобы добраться до нее, им пришлось перешагнуть через тело стражника.

Взглянув вниз, они увидели, что все Новые земли до самого горизонта залиты лунным сиянием, но прямо под ними стена отбрасывала тень на укрепленную насыпь, на которой она стояла. Там горели факелы, и их пламя словно замерло в безветренном мраке. Пятеро мужчин, голых по пояс, с кирками в руках ломали каменную часть дамбы. Другие пятеро или шестеро – сверху было не видно, сколько точно, – за ними наблюдали.

– А почему эта часть сделана из камня?

– Это верхушка. А все остальное из утрамбованной земли. Сломать ее совсем не просто, если королю надобно затопить Новые земли – так случавшись пару раз. Но жителей низин всегда предупреждали заранее.

– А эти не утонут, когда пробьют дыру?

– Не. Видишь, дырка совсем маленькая. Вода прорвется фонтаном и сделает ее больше, но они успеют убраться.

– Как вы думаете, кто это такие?

– Кто ж их знает?

– А что можем сделать мы?

– Я думаю.

Леоф изо всех сил напрягал глаза, пытаясь понять, что происходит внизу. В действиях тех, кто ломал дамбу, было что-то упорядоченное – только вот что?

Он заставил себя успокоиться и прогнать посторонние мысли. Перед ним расстился залитый лунным светом пейзаж, насыпь... словно фон, на котором пишется музыка. Люди мерно размахивают инструментами – похоже на строку мелодии, неподалеку другая группа молча наблюдает за происходящим – это низкие, гудящие басовые ноты паваны.

И все...

– Нет, – прошептал он.

– Чего?

– Смотрите, там внизу тоже мертвые тела. – Леоф показал.

– А что тут удивляться. Любой попытался бы им помешать. – Мастер ветра прищурился. – Все правильно, ви-

дишь? Они пришли от ворот и напали сзади.

– Посмотрите, как они лежат, полукругом. Как будто их повергла какая-то сила, когда они подошли слишком близко.

Гильмер покачал головой.

– Ты что, никогда не видал боя? Если они были в строю, они бы так и упали.

– Но здесь ничто не указывает на сражение. Мы нигде в городе не видели ничего, что бы свидетельствовало о сопротивлении, оказанном жителями. Однако все мертвы.

– Точно. Я тоже заметивши, – проворчал Гильмер.

– Итак, они лежат полукругом. Посмотрите в его центр.

– Ты о чем?

– Фонарь отбрасывает свет, и получается круг, верно? Представьте себе, что трупы лежат по его краям. А теперь поищите фонарь.

Скептически фыркнув, Гильмер принялся вглядываться в тени. Через несколько мгновений он прошептал:

– И то правда, там чтой-то есть. Какой-то ящик, плащом укрытый.

– Бьюсь об заклад, именно это и стало причиной смерти жителей города. Если мы спустимся вниз, а они нас увидят – они и на нас его направят.

– Чего направят?

– Не знаю. Не имею ни малейшего представления. Но эта штука ведь зачем-то накрыта. Мне кажется, мы не сможем ничего сделать, пока она у них.

Гильмер помолчал несколько секунд.

– Может, ты прав, – сказал он наконец, – но если ошибся...

– Сомневаюсь, что ошибся.

Гильмер с мрачным видом кивнул и снова взглянул вниз.

– Она ведь недалеко от стены, верно?

– Не слишком. А что вы придумали?

– Иди за мной.

Старик осторожно обыскал стражников, пытаясь найти оружие, но обнаружил, что их ножны пусты – неудивительно, если вспомнить, сколько стоит хороший меч. Затем он провел Леофа по верху стены к маленькому складу. По дороге им пришлось перешагнуть через шесть мертвых тел.

Гильмер открыл дверь, скрылся в темноте и тут же с криком вышел наружу. В руке он держал камень размером с голову Леофа.

– Ну-ка, помоги мне.

Они подкатали камень к парапету.

– Как думаешь, сможем мы его швырнуть, куда надобно? – спросил Гильмер.

– Там склон, – ответил Леоф. – Даже если мы промахнемся, он покатится вниз.

– Тогда он не попадет в колдовской ящик. Придется вместе поднять.

Леоф кивнул и схватился обеими руками за камень. Они нацелились, и Гильмер шепотом сказал:

– На счет три. Раз, два...

– Эй! Эй, там! – донесся до них окрик со стены, совсем рядом с ними.

– Давай! – крикнул Гильмер.

Они сбросили камень. Леофу хотелось посмотреть на результат, но кто-то бежал к ним вдоль парапета, и вряд ли ради Дружеской беседы.

Глава 7

Обнаружены

Река За смыла слезы Энни и унесла их в море.

На оливковых и апельсиновых деревьях, пробившихся сквозь трещины в древних плитах террасы, пели птички, ветер нес сладковатый аромат свежего хлеба и осеннего меда. В золотистых солнечных лучах лениво порхали стрекозы, а где-то неподалеку какой-то мужчина наигрывал на лютне и тихонько пел о любви. В город з'Эспино зима приходила медленно, и первый день новамензы выдался особенно теплым.

Но отражение Энни в реке казалось таким же холодным, как длинные бесцветные ночи северного Назгейва. Даже рыжие, как огонь, волосы виднелись лишь темной тенью, а лицо было бледным, словно у утопленницы.

Река увидела и показала ей, что у нее на сердце.

– Энни, – тихо позвал ее кто-то. – Энни, ты не должна быть на виду.

Но Энни даже головы не подняла. Она увидела в реке отражение Остры, тоже похожее на призрак.

– Мне все равно, – ответила Энни. – Я не могу вернуться в наш ужасный дом, сейчас не могу, в таком виде.

– Но там безопаснее, особенно сейчас... – Не договорив, Остра заплакала.

Она сидела рядом с Энни, крепко обхватив подругу за

плечи.

– Не могу поверить, – через некоторое время проговорила Остра. – Просто невероятно. Это не может быть правдой. А вдруг слухи врут? В конце концов, мы ведь так далеко от дома.

– Хотелось бы и мне так думать, – сказала Энни. – Но новость принес гонец церкви. И я чувствую, что это правда. – Она вытерла глаза тыльной стороной ладони. – Все случилось ночью, когда те люди пытались убить и нас. Ночью, когда на небе появилась багровая луна и рыцари сожгли монастырь. Я должна была умереть вместе с ними.

– Но твоя мать жива, и Чарльз, твой брат, – тоже.

– А отец убит. И Фастия, Элсени, дядя Роберт, все мертвы. Лезбет пропала. Я этого не вынесу, Остра. Все сестры монастыря погибли, потому что оказались между мной и... – Она снова разрыдалась.

– И что же нам делать? – через некоторое время спросила Остра.

Энни закрыла глаза и попыталась разобраться в тенях, мелькавших в ее сознании.

– Естественно, нужно возвращаться домой, – ответила она наконец, причем казалось, что эти слова произнесла усталая незнакомка. – Все как она сказала...

– Кто? – спросила Остра. – Кто сказал? Ты о чем, Энни?

– Ни о чем. Просто мне приснился сон.

– Сон?

– Ничего особенного. Я не хочу об этом говорить. – Она попыталась разгладить платье. – Мне вообще сейчас ни о чем не хочется говорить.

– Давай пойдем в какое-нибудь тихое место. Может, в часовню. Уже почти три часа.

Заканчивалась сиеста, и город просыпался. На берегу реки стали появляться люди, возвращающиеся из своих домов в лавки и мастерские, и обманчивое чувство уединения рассеялось.

Мост Дачи Пелмотори соединял берега реки За в нескольких десятках перечи справа от них. Всего пару мгновений назад на нем царила тишина, а сейчас снова кипела жизнь. Как и другие мосты з'Эспино, он больше походил на огромное здание с двух– и даже трехэтажными лавками, закрывавшими обзор с обеих сторон, и девушки не видели людей, которые спешили по своим делам. Единственное, что открывалось их глазам, это красный фасад с темными ртами окон. Мост принадлежал гильдии мясников, и Энни слышала громкие голоса мальчишек, расхваливающих товар, глухие удары и звон ножей. Кто-то высунулся в окно и выплеснул прямо в реку полное ведро чего-то кроваво-красного, чудом не угодив в мужчину в лодке, который тут же принялся громко вопить и грозить мосту кулаком.

Когда около него плюхнулось содержимое другого ведра, он перестал ругаться и налег на весла.

Энни уже собралась встать, чтобы последовать за Острой,

когда на них упала тень. Она подняла голову и увидела смуглого – как и большинство вителлианцев – и довольно высокого мужчину. Его зеленый камзол выцвел и был немного поношен. На ногах – один красный, а другой черный чулки. Рука незнакомца лежала на эфесе шпаги.

– Дена диколла, каснары, – сказал он и поклонился. – Почему такие красивые лица носят следы печали?

– Я вас не знаю, каснар, – ответила Энни. – Но доброго вам дня, и да благословят вас святые.

Она отвернулась, но он не понял намека и продолжал стоять около них, улыбаясь. Энни вздохнула.

– Идем, – позвала она Остру и потянула ее за платье.

Девушки встали.

– Я не причиню вам зла, каснары, – поспешно проговорил незнакомец. – Просто вы являете собой необычное зрелище – у нас на юге медные и золотые волосы редкость, да и акцент у вас очень милый. Вы северянки? Когда мужчина видит два таких сокровища, ему пристало сделать для них все, что в его силах.

Внутри у Энни все похолодело. Поглощенные горем, они с Острой забыли прикрыть платками головы.

– Вы очень добры, – быстро ответила она. – Но мы с сестрой как раз собирались домой.

– Тогда позвольте мне вас проводить.

Энни огляделась по сторонам. Хотя на улицах наверху кипела жизнь, эта часть террасы представляла собой нечто вро-

де парка, и здесь было довольно пустынно. Чтобы попасть на улицу, им с Острой требовалось пройти около десяти ярдов и подняться по дюжине каменных ступенек. Незнакомец стоял между ними и лестницей. И, хуже того, еще один мужчина сидел на ступеньках, с интересом прислушиваясь к разговору.

Вероятно, были и другие, которых она не видела.

Энни гордо выпрямилась и проговорила:

– Вы позволите нам пройти, каснар?

– А почему я не должен вас пропускать? – удивленно спросил он. – Я же сказал, что не причиню вам зла.

– Хорошо.

Энни сделала шаг вперед, и незнакомец отступил назад.

– Мне кажется, мы не с того начали наш разговор, – сказал он. – Меня зовут Эрисо дачи Саллатотти. А вас?

Энни, не отвечая на его вопрос, продолжала идти вперед.

– Может быть, мне следует угадать? – спросил Эрисо. – Или маленькая птичка напоеет мне ваши имена?

Энни уже не сомневалась, что слышит за спиной шаги. Но вместо страха ее охватил яростный гнев. Как смеет этот тип мешать ей оплакивать своих родных?

– Ты лжец, Эрисо дачи Саллатотти, – проговорила она. – Я ни капельки не сомневаюсь, что ты желаешь мне зла.

Добродушное выражение мгновенно исчезло с лица Эрисо.

– Я только хочу получить свою награду, – сообщил он. –

Мне непонятно, кому и зачем может понадобиться такая бледная и вздорная кошка, но за тебя обещают серебро. Так что давай. Сама пойдешь или хочешь, чтобы я потащил тебя силой?

– Я буду кричать, – ответила Энни. – Вокруг полно людей.

– Возможно, я лишусь своей награды, – сказал Эрисо, – но тебя это не спасет. Тебя еще и стража ищет, они наверняка захотят сначала тобой попользоваться, а потом получают свою награду звонкими монетами. Я же не стану этого делать, клянусь святым Мамресом. – Он протянул руку. – Идем. Давай руку. Так будет проще – и для тебя, и для меня.

– Правда? – спросила Энни, чувствуя, как сильнее разгорается ее гнев.

Однако она потянулась вперед и взяла его за руку. А когда их пальцы соприкоснулись, она уловила его пульс и почувствовала, как течет его кровь.

– Цер проклинает тебя, – сказала она. – Черви получают тебя.

Глаза Эрисо расширились, он выдохнул:

– А-а-а, нет!

Затем он схватился за грудь, опустился на одно колено, словно вдруг решил ей поклониться, и его вырвало.

– Радуйся, что не встретился со мной при свете луны, Эрисо, – сказала Энни. – И будь счастлив, что не повстречал меня в темноте, когда луны нет.

С этими словами она прошла мимо него. Мужчина, си-

девший на ступеньке, встал и удивленно уставился на нее. Он ничего не сказал и не стал им мешать, когда они вышли на улицу.

– Что ты сделала? – задыхаясь, спросила Остра, когда они смешались с толпой на Вио Каистур.

– Не знаю, – ответила Энни.

Когда они оказались на лестнице, гнев и смелость ее покинули, уступив место страху и удивлению.

– Это было как той ночью в монастыре, когда явились те люди, – проговорила она.

– Когда ты ослепила рыцаря...

– Что-то во мне... я боюсь, Остра. Как я могу такое делать?

– Мне тоже страшно, – сказала Остра. – Как ты думаешь, ты его убила?

– Нет. Он скоро придет в себя. Нам нужно спешить. Они свернули с Вио Каистур в узкий переулок и помчались мимо лавок, где продавали чулки, и таверны, из которой доносился запах жареных сардин, по Пиата да Фуфионо, украшенной алебастровым фонтаном с фигурой козлоногого святого, и вскоре выбрались на маленькие кривые улочки, а потом и на Перто Вето. Женщины уже вышли на балконы, а мужчины небольшими компаниями пили вино на крылечках – все как вчера.

– Мне кажется, они продолжают за нами гнаться, – сказала Остра, оглядываясь.

Энни тоже оглянулась и увидела нескольких преследователей – человек пять или шесть, – которые как раз заворачивали за угол.

– Бежим! – крикнула она. – Здесь уже недалеко.

– Надеюсь, Казлио на месте, – заметила Остра.

– Плевать на Казлио, – пробормотала Энни. Девушки побежали, но через несколько ярдов из боковой улочки выскочил Эрисо, бледный и ужасно злой. Рядом с ним держался еще какой-то мужчина.

Эрисо вытащил узкую шпагу, вид которой не предвещал ничего хорошего.

– Ну-ка, попробуй вот это, ведьма, – прорычал он. – Мне сказали, что им все равно, живая ты будешь или мертвая – награда одинаковая, а ты мне сильно испортила настроение.

– Такой большой ножик для таких маленьких девочек, – насмешливо крикнула женщина с балкона. – Наконец-то настоящий мужчина забрел на нашу улицу.

– Редиана! – позвала Энни, узнав голос. – Они собираются нас убить!

– О, герцогиня уже хочет со мной дружить? – крикнула в ответ Редиана. – Вчера на рыбном рынке ты вела себя по-другому.

– Тут тебе никто не поможет, дорогуша, – фыркнув, заявил Эрисо.

В следующее мгновение его спутнику на голову обрушился глиняный горшок с каким-то не слишком аппетитным со-

держимым. Тот упал, дико взыв и обхватив голову руками. А Эрисо, возмущенно крича, принялся отчаянно уворачиваться от гнилых фруктов и рыбных объедков, которые полетели в него сразу из нескольких окон.

Однако тут подросли его товарищи и стали медленно окружать девушек. Им пришлось выйти на середину улицы, куда не могли долететь тяжелые предметы.

Женщины начали орать одновременно.

– Могу поспорить, у него в штанах червяк! – крикнула одна. – Или малюсенькая улиточка, которая спряталась от ужаса в свою ракушку.

– Отправляйся в свой Северный район, где тебе самое место!

Но Эрисо, оказавшись вне досягаемости увесистых снарядов, больше не обращал внимания на крики и на самих женщин. Он начал медленно подступать к Энни и Остре.

– Ты не можешь нас убить прямо здесь, на глазах стольких людей, – сказала Энни.

– На Перто Вето люди не живут, – возразил Эрисо. – Здесь селятся отбросы. Даже если кто-нибудь и захочет рассказать, что тут произошло, их никто не станет слушать.

– Жаль, – прозвучал новый голос – Потому что у этой истории будет интересный конец.

– Казио! – выкрикнула Остра.

Энни не стала оборачиваться – она не могла отвести глаз от кончика шпаги Эрисо, а голос Казио она знала прекрасно.

– И кто, во имя лорда Ондро, ты такой? – спросил Эрисо.

– Как кто такой? Я – Казлио да Пачиомадио да Чиоваттио, и я охраняю этих двух каснар, – сообщил тот. – Кажется, мне повезло: сегодня будет удачный день, потому что у них наконец-то появились недоброжелатели, и я смогу с ними поразвлечься. Жалко только, что вы такие трусы – удовольствие не то. Но ничего не поделаешь.

Энни услышала, как он достал шпагу.

– Каспатор, – проговорил Казлио, обращаясь к своему клинку, – пришла пора немного поработать.

– Нас шестеро, придурок, – предупредил его Эрисо.

Энни услышала легкое движение у себя за спиной, вскрик и какое-то бульканье.

– Плохо считаешь, – заметил Казлио. – Энни, Остра, идите сюда. Быстро.

Энни бросилась к нему и чуть не сбила с ног, когда он шагнул вперед, держа перед собой шпагу.

– Оставайтесь у меня за спиной, – велел он.

Женщины на балконах и в окнах приветствовали его радостными криками. Тип, которого Казлио проткнул рапирой, пополз прочь с улицы, когда юноша бросился в атаку на Эрисо и его спутников. Впрочем, бравада Казлио не обманула Энни, она понимала, что пятеро – это слишком много даже для него. Как только они его окружат...

Однако он держался совершенно спокойно и парировал удары с таким видом, словно ему было невероятно скучно.

Он бросался вперед, потом отскакивал, появлялся сзади, и в какой-то момент ему удалось заставить своих противников сгрудиться в кучу, где они все одновременно пытались отражать его удары. Впрочем, довольно скоро они сообразили, что их все-таки больше, и начали его окружать. Казио отбил одну атаку и сделал неожиданный разворот, в результате которого острое вражеского клинка вонзилось в его же товарища. Одновременно рапира Казио вошла в плечо другого. Оба вскрикнули и отскочили назад, хотя ни тот ни другой не получили смертельной раны.

– За уно-ан-дор, – сообщил им Казио, – мое личное изобретение. Я...

Он замолчал, чтобы отбить яростную атаку Эрисо, затем быстро отразил нападение одного из его соратников, отбежал назад, но оказался недостаточно проворным, и третий выпад достиг цели – острое шпаги вонзилось ему в левое плечо. Казио застонал и поудобнее перехватил свое оружие, но не успел вырваться, когда враги снова попытались его окружить.

– Казио! – крикнула Остра, не в силах больше сдерживаться.

Неожиданно одному из нападавших в голову угодила бутылка, превратив его ухо в кровавое месиво.

Энни подняла голову посмотреть, кто ее бросил, и обнаружила, что за ее спиной столпилось около тридцати соседских мужчин, вооруженных ножами и деревянными дубин-

ками.

Среди них был и Осперо.

– Эй, вы! – крикнул он. – Что вам нужно от девочек?

Эрисо поджал губы и ответил:

– Не твое дело.

– Ты на Перто Вето, красавчик. Значит, это очень даже наше дело.

Эрисо окружили его головорезы. Один держался за окровавленное ухо. А Энни вдруг почувствовала, что оказалась между двумя львами.

На лице Эрисо промелькнуло поочередно несколько выражений, затем он вздохнул.

– Вот эта штучка с рыжими волосами помолвлена с принцем Латро, но имела глупость влюбиться в вашего парня и сбежала. Меня послали привести ее назад.

– Правда? – поинтересовался Осперо. – И за нее обещали награду?

– Никакой награды.

– В таком случае, с какой стати ты за ней сюда явился?

– Этого требует моя честь. Я обещал ее вернуть.

– Хм-м. Принц Латро, говоришь? Тот самый принц Латро, который обложил налогами нашу рыбу, чтобы продавать свою дешевле. Тот самый принц Латро, что вздернул Фьювро Олуфио?

– Мне про эти дела ничего не известно.

– Значит, тебе вообще мало что известно. Но вот что я

тебе скажу: если, отрезав мой собственный нос, я огорчу Латро да Вилланчи, я сделаю это с огромным удовольствием. Он получит свою подружку назад. От нас. По частям.

Эрисо стал пунцовым от ярости.

– Ничего подобного вы не сделаете. Принц вам отомстит, и его месть будет ужасна. Он убедит меддиссо прислать сюда солдат. Вы этого хотите?

– Нет, не хотим, – проговорил Осперо. – Но мы скромные люди, здесь, на Перто. Нам все равно, получим ли мы что-нибудь в награду, главное, чтобы вышло по-нашему.

– Но как вы...

Глаза Эрисо вылезли из орбит, когда мужчины с Перто бросились вперед.

– Нет!

Он повернулся и бросился бежать, его банда последовала за ним.

Осперо расхохотался, глядя, как они исчезают из виду. Затем повернулся к Энни, Остре и Казио.

– Он наврал. Полагаю, награда за тебя все-таки объявлена, – сказал он. – Думаю, тебе лучше рассказать, что происходит, причем немедленно.

Словно чтобы сделать его слова весомее, его люди подступили ближе.

Глава 8

Васил-Никс

«Сейчас я умру», – подумал Леоф. Мысль была какой-то вялой, да и весь мир вокруг, окутанный диковинным золотистым светом, как будто начал замедлять свое движение. Музыкант прекрасно видел человека, который шел на него, – светлые, криво подстриженные волосы, широко расставленные глаза – в темноте не разглядишь, какого они цвета, – расстегнутая куртка, оттопыренные уши, голова обвязана какой-то тряпкой.

В руке человек держал меч, сверкавший в лунном свете.

Леоф собрался было бежать, но, подняв голову и увидев, как близко подобралась к нему смерть, решил, что не хочет, чтобы клинок вонзился ему в спину.

А в следующее мгновение мимо него проплыл новый осколок ослепительного света и ударил его врага в грудь. Тот остановился, вскрикнул и посмотрел вниз. Какой-то металлический предмет со стуком упал на землю. Чистейшая звенящая нота повисла в воздухе, сливаясь с удивительно гармоничной мелодией.

– Проклятье! – выдохнул Гильмер.

– Болван! – крикнул солдат и снова поднял свой меч. – Я отрежу тебе яйца, а потом прикончу.

Неожиданно оказалось, что музыка, которую слышал

Леоф, звучит вовсе не у него в голове. Она доносилась снизу, из-под стены, пронзительным, леденящим душу звуком. Леоф не сразу сообразил, что это кричат люди.

Тип с мечом в руках, замешкавшийся у самого края, заглянул вниз.

И вдруг, широко раскрыв рот, он присоединил свой голос к общей песне, жилы на его шее напряглись, точно веревки. А потом он упал на землю.

– Что? – Гильмер шагнул вперед, чтобы посмотреть, что там происходит, но Леоф прижал его к камню, не давая пошевелиться.

– Не смотри, – прохрипел он. – Я не знаю, что в ящике, но мы не должны на него смотреть.

Солдат с мечом упал так, что его голова оказалась повернутой к ним, и в лунном свете они увидели его глаза, превратившиеся в две черные ямы, совсем как у жителей Бруга.

Внизу продолжали раздаваться крики:

– Не смотрите туда!

– Прикройте глаза! Пусть Риив и Хилман его возьмут.

– Оно достало не всех, – прошептал Леоф.

– Что достало не всех? – спросил Гильмер, и Леоф заметил, что старик дрожит.

И тут сильный командный голос перекрыл все остальные:

– Камень сбросили со стены. Там кто-то есть. Найдите их и убейте.

– Это про нас, – заметил Леоф. – Идем. И не смотри туда.

Они быстро сбежали вниз по лестнице и снова оказались в безмолвном городе.

– Сколько им понадобится времени, чтобы сюда добраться? – выдохнул Леоф, пока они мчались по неровным булыжникам мостовой.

– Немного. Они войдут через южные ворота. Лучше спрятаться. Сюда.

Они несколько раз сворачивали за углы, миновали площадь у колокольни и побежали по следующей улице.

– Интересно, сколько человек оно прикончило, чем бы оно ни было?

– Не знаю.

– Тише! – прошептал Гильмер. – Стой и слушай.

Леоф остановился и, хотя его собственное дыхание и стук сердца заглушали почти все остальные звуки, понял, почему Гильмер замер, – он услышал, как к тому месту, где они стояли, приближаются сразу несколько человек.

– Давай сюда, – позвал его Гильмер и открыл дверь трехэтажного дома.

Они вошли внутрь и поднялись на второй этаж в комнату с кроватью и окном, закрытым шторой. Гильмер подошел к нему, и Леоф его предупредил:

– Осторожно. Они могли прихватить это с собой.

– Да, верно. Я только гляну.

Старик чуть сдвинул в сторону край шторы. Леоф взволнованно наблюдал за ним, когда у него из-за спины появи-

лась чья-то рука и прикрыла ему рот.

– Тише, – услышал он у самого уха. – Это я, Артвейр.

Гильмер быстро повернулся, хотя звук был едва различим.

– Милорд Артвейр! – выдохнул он.

– Привет, мастер ветра, – сказал Артвейр. – В какие неприятности ты нас втянул?

– Милорд? – повторил Леоф.

– Ты не знал? – удивился Гильмер. – Сэр Артвейр – наш герцог, кузен его величества короля Чарльза.

– Нет, – признался Леоф. – Я не знал. Милорд...

– Помолчи, – прервал его Артвейр. – Сейчас это не важно. Они идут следом, висят у вас на пятках и непременно найдут. У васил-никса острый нюх.

– У васил-никса?

– Да. В эти дни оживают наши самые страшные легенды.

– Это он там у них в ящике?

– Да, – подтвердил Артвейр, криво ухмыльнувшись. – Когда я сюда приехал, они разгуливали по городу и размахивали им, точно фонарем. Я видел, как гибли последние горожане. Я должен благодарить за то, что выжил, старую няню – лишь ее сказки объясняли, что происходит. Я отвернулся прежде, чем его взгляд упал на меня. Конечно, когда вы сломали его клетку, я снова чуть не погиб, потому что наблюдал за ними. Впрочем, это было умно. Думаю, вы уложили полотрада, прежде чем его снова накрыли.

– Вы все видели?

– Я наблюдал с южной башни, – кивнув, сказал Артвейр.

– А как им удалось его поймать, а потом засунуть в клетку и накрыть?

– У них с собой два слепца, – пояснил Артвейр. – Они переносят ящик. Остальные идут следом. Клетка – что-то вроде фонаря, закрытого со всех сторон, кроме одной. Это существо испускает свет, стоит его увидеть – и лишь величайшим усилием воли можно устоять.

– Но клетка разбита.

– Да. Теперь им приходится соблюдать осторожность – как и нам, кстати.

– Бежим отсюда, пока они нас не нашли!

– Нет, – тихо проговорил Артвейр. – Думаю, нужно драться. Два человека остались у дамбы. Это займет больше времени, но они ее вскроют, если им не помешать. Мы не должны этого допустить.

– Не должны, – согласился с ним Гильмер. – Не после того, как Бруг отдал за дамбу свою жизнь.

– Но как мы можем сражаться с тем, на что нельзя смотреть? – спросил Леоф.

Артвейр поднял стоявшую около двери пару бутылей из голубого стекла, наполненных какой-то жидкостью. Горлышки были заткнуты клочьями ткани.

– Вот что я придумал, – сказал Артвейр.

Через несколько мгновений Леоф встал лицом к лестни-

це. Артвейр занял позицию на первой площадке – тень с луком и стрелой на тетиве. Гильмер, плотно прикрыв глаза, присел за спиной Леофа, у окна.

– Они здесь, – сообщил Артвейр. – Приготовьтесь.

Леоф, изо всех сил пытающийся справиться с волнением, кивнул. В одной руке он сжимал свечу, в другой – бутылку с маслом. Гильмер был вооружен точно так же.

Леоф услышал, как открылась входная дверь, а в следующее мгновение запела тетива лука.

– У них лук! – крикнул кто-то.

– Шевелитесь! – приказал другой голос – Они не могут поразить то, чего не видят. Если они откроют глаза, они умрут.

На лестнице раздались шаги. Лук снова зазвенел, и опять кто-то вскрикнул от боли.

– Им просто повезло! – крикнул командир. – Поднимайтесь наверх! Быстрее!

– Пора! – взревел Артвейр и бросился вверх по лестнице. Леоф зажег пропитанную маслом тряпку.

И увидел свет, заливший лестницу, – прекрасное золотистое сияние, какого ему еще никогда не доводилось встречать. Обещание абсолютного покоя заполнило все его существо, и он понял, что не сможет жить дальше, если не увидит источника света.

– Пора, я сказал! – завопил Артвейр.

Словно издалека Леоф услышал звон бьющегося стекла и крики внизу. Видимо, Гильмер бросил свою бутылку, наце-

лившись на вход в дом. Но старик не видел света, он не понял...

Неожиданно Леоф вспомнил про трупы в таверне и их глаза.

И швырнул бутылку на площадку, на которой пару мгновений назад стоял Артвейр. Свет стал ярче и еще прекраснее. Когда пламя расцвело, точно цветок со множеством лепестков, Леоф потянулся вперед, чтобы посмотреть – хотя бы одним глазком, но Артвейр грубо толкнул его на пол.

– Что, ради всех святых, ты вытворяешь! Нельзя смотреть! – прорычал он.

Снова раздались пронзительные крики. Эта ночь была словно создана для криков. Масло горело быстро, а с ним вместе и деревянный дом.

– Гильмер! – крикнул Артвейр. – Ты поджег дверь?

– Да, поджег, – ответил Гильмер. – Я решил, что можно остороженько глянуть, пока чудище на лестнице. Я хорошо прицелился, попал в самую точку. – Он почесал в затылке. – Только мы теперь застрявши в горящем доме.

– Они тоже, – заметил Артвейр, подошел к окну, отодвинул штору и наложил на тетиву стрелу. – Так, следите за лестницей, – велел он. – Если кто-нибудь появится, кричите.

На лестнице, охваченной пламенем, царил настоящий хаос, вверх поднимались клубы черного дыма. Видимо, ночь была предназначена не только для криков, но и для огня. И, похоже, Леофу все-таки суждено было сгореть заживо.

Он услышал, как снова запела тетива, и ее голос перекрыл крики и рев пламени. Потом еще раз – Артвейр стрелял по улице.

И тут сквозь огонь прошла тень, существо размером с маленькую собачку, но подобное змее. Языки пламени стали золотистыми.

Леоф мгновенно зажмурился.

– Закройте глаза, – завопил он. – Оно поднимается сюда.

– Идите на мой голос, – велел Артвейр. – Окно. Нам придется выпрыгнуть.

– Я здесь, – сказал Гильмер и, схватив Леофа за руку, заставил его встать.

Комнату наполнил диковинный запах, по коже Леофа побежали мурашки.

Неожиданно он нащупал оконную раму, вцепился в нее мертвой хваткой, движимый ужасом, сделал шаг, повис на руках на несколько мгновений, а потом свалился на землю.

Его желудок взмыл в небеса, под ногами внезапно возникла земля, а потом тело обожгла дикая боль.

Кто-то потянул его за руку. Снова Гильмер.

– Вставай, – приказал старик.

Леоф попытался ему ответить, но чуть не прикусил собственный язык.

В красноватых отблесках проявилось лицо Артвейра.

– Он сломал ногу. Помоги мне.

Они оттащили его подальше от пожара, который уже начи-

нал распространяться. Вместе с болью накатил мрак, и Леоф время от времени переставал понимать, что происходит. В следующий раз, когда он пришел в себя, оказалось, что они сидят в лодке на берегу канала.

– Побудь с ним, Гильмер, – мрачно сказал Артвейр. – Мне нужно разобраться еще с двумя. А потом будем отсюда выбираться.

– Куда? – спросил Гильмер, и впервые за все время в его голосе появилось отчаяние. – Мой маленд, мой город... – Он заплакал.

Леоф откинулся назад и принялся наблюдать за дымом, который поднимался в небо, пытаясь спрятать звезды. Лодка тихонько покачивалась на воде канала. Он старался не думать о боли.

– Как нога? – спросил Артвейр.

– Болит, но боль тупая, – ответил Леоф, взглянув на ногу.

На нее наложили шину и тугую повязку, но каждая выбоина на дороге отзывалась вспышкой боли, даже несмотря на то, что ногу обложили соломой. Артвейр нанял повозку с неразговорчивым возницей.

– Это чистый перелом, он быстро заживет, – сказал Артвейр.

– Да, полагаю, мне повезло, – мрачно проворчал Леоф.

– Я тоже скорблю по Бругу, – немного мягче проговорил Артвейр. – Огонь уничтожил лишь несколько домов.

– Но люди все погибли, – напомнил ему Леоф.

– Почти все, – не стал спорить с ним Артвейр. – Но некоторые жители были в отъезде, а кое-кто задержался на полях.

– А дети? – спросил Леоф. – Что будет с ними?

Гильмер и Артвейр обыскали все дома наутро после пожара. Им удалось найти около тридцати детей, лежавших в колыбелях или просто спавших в своих постелях. Те, что были постарше, разделили судьбу родных.

– О них позаботятся, – успокоил его Артвейр. – Их герцог за этим проследит.

– Ах да. – Леоф вздохнул. – Почему вы не сказали мне, кто вы такой, милорд?

– Потому что человек узнаёт больше, видит больше, живет больше, если люди не зовут его постоянно «милорд», – ответил Артвейр. – Многие графства и королевства погибли, поскольку их правители не знали, что творится на их улицах и Дорогах.

– Вы необычный герцог, – заметил Леоф.

– А ты необычный композитор, я полагаю, хоть и не слышал ни об одном до встречи с тобой. Ты оказал мне – и империи – огромную услугу.

– Это все Гильмер, – возразил Леоф. – Я ничего не понимал, и будь я один, то просто убежал бы. Я не герой и не человек действия.

– Гильмер прожил здесь всю свою жизнь. Долг глубоко укоренился в его костях. Ты же – чужак, ничего не должен этой земле и, как сам говоришь, не воин. Однако ты рисковал

всем, что у тебя есть. Ты настоящий герой и лишь в большей мере – оттого, что хотел сбежать, но остался.

– И все же мы почти ничего не спасли.

– Ты что, спятил? Представляешь, сколько человек погибло бы, разрушь они дамбу? Чего бы это стоило королевству?

– Нет, – признался Леоф. – Я знаю только, что погиб целый город.

– Такое иногда случается, – произнес Артвейр. – Города гибнут в войнах, от голода, пожаров и наводнений.

– Но почему? Чего хотели те люди? И где они взяли эту жуткую тварь?

– Хотел бы я знать, – ответил Артвейр. – Я очень сильно хотел бы это знать. Когда я вернулся к дамбе, последние два мерзавца уже сбежали. Остальных прикончили пожар и васил-никс.

– А васил-никс? – спросил Леоф. – Он убежал?

Артвейр покачал головой.

– Сгорел. Он на Галасте.

Леоф взглянул на лошадь, на спине которой был укреплен завернутый в кожу узел.

– Он не опасен? – спросил он.

– Я сам его заворачивал, и со мной ничего не случилось.

– Откуда он взялся?

Герцог пожал плечами.

– Недавно в Кал Азроте убили греффина. А год назад я мог бы поклясться, что эти существа – выдумка, герои дет-

ских сказок. Но вот мы столкнулись с васил-никсом. Такое впечатление, что вокруг нас начал оживать тайный мир.

– Мир зла, – сказал Леоф.

– В мире всегда было полно зла, – заметил Артвейр. – Но должен признать, что его облик меняется.

К полудню Леоф увидел, как ему сначала показалось, тучу на горизонте, но вскоре разглядел изящные башни с развевающимися флагами и понял, что смотрит на холм, возвышающийся над плоской равниной Новых земель.

– Это он? – спросил Леоф.

– Да, – ответил Артвейр. – Инис, королевский остров.

– Остров? Похоже на гору.

– Здесь слишком ровная местность, чтобы видеть воду. Ведьма и Свежесть встречаются по эту сторону Иниса, а потом берут его в кольцо. По другую сторону находятся Пенная бухта и море Святого Лира. Замок – это Эслен.

– Он кажется большим.

– Он и есть большой, – сказал Артвейр. – Говорят, в замке Эслен комнат больше, чем звезд на небе. Я не знаю – не считал ни того ни другого.

Вскоре они подъехали к месту слияния рек, и Леоф увидел, что Эслен действительно стоит на своего рода острове. Свежесть – река, которую они пересекли возле погибшего Бруга, – соединяла свои воды с другой рекой – Ведьмой, огромной, наверное в пол-лиги шириной. Вместе они образовывали нечто вроде озера, посреди которого возвышались

холмы Иниса.

– Мы переберемся на другую сторону на пароме, – сообщил Артвейр. – А затем я позабочусь о том, чтобы представить тебя ко двору. Я не знаю, осталось ли в силе твое приглашение, но, если осталось, мы это выясним. Если нет, я найду для тебя место в моем поместье Ходворпен.

– Спасибо, милорд.

– Зови меня Артвейр, ты ведь узнал меня под этим именем.

Когда впереди показалась паромная переправа, Леоф испугался, что они оказались в самом сердце стоящей лагерем армии. Впрочем, приглядевшись внимательнее, он пришел к выводу, что если это и армия, то какая-то слишком разношерстная и неорганизованная. Палатки и фургоны сгрудились самым причудливым образом, превратив окрестности в диковинный лабиринт с узкими улочками и площадями – что-то вроде импровизированного города. Дым поднимался над кострами, на которых готовилась еда, но их оказалось значительно меньше, чем можно было ожидать. Впрочем, он тут же вспомнил слова Гильмера о нехватке дерева.

А вот нехватки людей совершенно не ощущалось. Должно быть, здесь собралось несколько тысяч человек, причем далеко не все сидели в фургонах и палатках, многие расположились на одеялах или прямо на земле. Они провожали повозку взглядами, в которых зависть смешивалась с безнадежностью.

В самом сердце этого безумного лагеря располагался другой, более организованный. Здесь на палатках развевались королевские штандарты, люди были вооружены и носили королевские цвета. Когда повозка приблизилась к лагерю, на дорогу вышел мужчина средних лет, в глазах которого застыла упрямая решимость.

– С дороги, – бросил ему возница.

Мужчина не обратил на того ни малейшего внимания и посмотрел на Артвейра.

– Милорд, – проговорил он. – Я вас знаю. В молодости я служил в вашей городской страже.

– Чего вы хотите? – вглядываясь в его лицо, спросил Артвейр.

– Моя жена, милорд, и дети. Заберите их в город, умоляю вас.

– И куда я их помещу? – мягко спросил Артвейр. – Если бы в городе еще было место, вас бы тут не остановили. Нет, им лучше оставаться здесь, друг мой.

– Нет, милорд. Эти земли наводнены ужасными чудовищами. Повсюду говорят о войне. Меня трудно испугать, милорд Артвейр, однако я боюсь. Кроме того, здесь ужасно сыро. Когда начнется дождь, нам будет негде укрыться.

– В городе тоже будет негде, – грустно проговорил Артвейр. – Здесь у вас есть питьевая вода, мягкая земля и хоть какая-то еда. Там же вам придется спать на голых камнях, а жажду утолять мочой, которую выливают из окон.

– Но зато нас защитит стена, – умоляющим голосом сказал мужчина.

– Стены не остановят то, чего вы боитесь, – сказал Артвейр. Затем выпрямился и спросил: – Напомните мне ваше имя, сэр.

– Ян Ридалвсон, милорд.

– Я возьму вас с собой в город, фралет Ридалвсон. Вы сами убедитесь, что там нет места для вашей семьи. Затем я намерен поручить вам распределение пищи, одежды и укрытия для этих людей. Надеюсь, после того, как вы позаботитесь о своей семье, вы будете справедливы к остальным. Я буду время от времени проверять, как обстоят дела. Это все, что я могу сделать.

– Вы очень великодушны, милорд, – поклонившись, сказал Ридалвсон.

Артвейр кивнул.

– Теперь двигаемся дальше.

Они погрузились на паром и отправились в короткое путешествие на другую сторону. У них над головами, словно огромная гора, высился замок, а сам город спускался по склонам, точно лавина из домов с черными крышами, остановленная лишь стеной, окружавшей их.

Когда повозка приблизилась к широкой каменной пристани, Леоф разглядел, что на этом берегу творится примерно то же самое, что и на другом. Сотни людей толпились у дальнего конца пристани, и, хотя ни фургонов, ни палаток нигде

не было видно, их лица казались не менее мрачными и лишенными надежды.

– Вы сказали, что служили в моей страже, – обратился Артвейр к их новому спутнику. – А откуда вы приехали сюда?

– Я узнал, что на востоке, около Королевского леса, есть земельные участки. Десять лет назад я купил кусок земли и построил на нем ферму. – Неожиданно голос Ридалвсона дрогнул. – А затем проснулся Терновый король... ну, то есть так говорят... И на нас напали какие-то черные лозы и еще кое-что похуже. Иногда мне до сих пор мерещатся крики моих соседей.

– Они погибли?

– Я не знаю. Рассказывают... Понимаете, я не мог рисковать и проверять, что там произошло. Мне ведь нужно думать о детях. Но мне по-прежнему чудится, что соседи стоят у меня за спиной, и внутри у меня все дрожит.

Леофа тоже передернуло. Что происходит с миром? Неужели действительно приближается конец света и скоро небеса разобьются и упадут на землю дождем острых осколков?

Когда они добрались до пристани, толпа двинулась им навстречу, но городская стража заставила ее остановиться и расчистила проход. Через несколько минут широко распахнулись ворота, и они въехали в город.

Миновав большой двор, они двинулись ко вторым воро-

там. На стенах повсюду стояли солдаты, но они явно узнали Артвейра и быстро открыли внутренние створки.

Дорога к замку вилась по городу, точно длинная змея, взбирающаяся вверх по склону холма. Леоф откинулся назад, оперевшись о борт повозки, чтобы разглядеть часовни из древнего мрамора, истерзанные тысячами лет дождей и дыма, здания с остроконечными крышами, устремляющимися в небо, и небольшие домики с белыми стенами, жмущиеся друг к другу и разделенные лишь узенькими улочками. Большинство домов были двухэтажными со слегка нависающими верхними этажами – и совсем немногие в три этажа.

Они въехали на новую площадь, посреди которой стояла потускневшая бронзовая статуя – женщина придавила ногой глотку крылатого змея. Чудовище свернулось кольцами под ее ступней, а ее лицо, холодное и величественное, было словно соткано из северного ветра.

На площади собралось около сотни людей, на мгновение Леоф решил, что это возмущенная толпа, но уже через пару секунд услышал чистое сопрано и вытянул шею. На широком пьедестале статуи устроились несколько музыкантов и певцов. Они играли на простых инструментах – маленький и басовый кроз, барабан и три флейты. Когда повозка подкатила к площади, одна женщина как раз закончила петь, пока другая в зеленом платье и золотой короне обыгрывала песню. Казалось, она обращается к человеку, сидящему на троне.

не. Леоф не слышал слов песни, потому что толпа взревела в ответ и заглушила голос, но мотив был совсем простым – известная баллада, которую часто исполняли в тавернах.

Мужчина на троне встал, глупо улыбаясь.

– Мы не могли бы тут немного задержаться? – попросил Леоф. – Мне хочется послушать.

Артвейр наградил его насмешливым взглядом.

– Думаю, можно и здесь представить тебя ко двору. Леди в зеленом – это наша добрая королева Мюриель, я полагаю.

Мужчина откашлялся, словно для того, чтобы прочистить горло, и тут же запели три других певца:

Он – наш король,
Ха-ха-ха,
Он – король,
Хи-хи-хи,
Что ему делать,
Ха-ха-ха,
Тронутому святыми,
Хи-хи-хи...

Актер бессмысленно захихикал и принялся приплясывать, в то время как хор повторил песенку. А к «королю» присоединился смешной человечек в огромной шляпе.

– Наш дорогой король Чарльз, – с кривой усмешкой пояснил Артвейр. – И его шут.

Музыкальные инструменты смолкли, и актер, изображав-

ший короля, неожиданно заговорил – однако Леофу его слова показались полной бессмыслицей.

На сцене появилась мрачная фигура в черном одеянии и с дурацкой бородкой клинышком и начала раболепно приплясывать перед королевой. Новый актер не пел, он произносил слова нарочито театрально и нараспев.

– Позвольте я вам переведу! – выкрикнул человек в черном одеянии. – Дорогая королева, святые устами вашего сына объявили, что королевство должно принадлежать мне. Мне следует получить ключи от города и право ласкать вашу...

Толпа закончила предложение за него.

– Наш возлюбленный прайфек Хесперо, – пояснил Артвейр.

– Что такое! – На сцену, толкаясь и налетая друг на друга, выскочили трое мужчин, одетых как министры.

Внизу хор затянул новую песню:

Вот вам три аристократа,
Им не нравится прайфек.
Чарльз болтает чепуху,
О-хо-хо, о-ху-ху,
Только им известен смысл...

Они замолчали, и музыка изменилась, превратившись в веселый танец.

Налоги поднять,
Ворота открыть,
Дамочек позвать,
Пироги подать.
Наплевали на войну —
Что за скукотища!
Тупоумные министры,
В тыквах ветер свищет!

«Аристократы» прикрыли глаза руками, и хор, окружив королеву, начал другой куплет.

– Наш мудрый и любимый Комвен, – сказал Артвейр.

Неожиданно «королева» выпрямилась во весь рост.

– Королева молит о помощи! – провозгласила она. – Неужели никто не спасет нас в час нужды?

Хор завел печальную песню, оплакивающую детей королевы, пока та танцевала павану в честь мертвых, другие песни звучали контрапунктом.

– Это такие штуки ты сочиняешь? – спросил Артвейр.

– Не совсем, – пробормотал Леоф, зачарованный зрелищем. – Подобные представления здесь обычны?

– Подобные? Да, только это уличные забавы. Простой народ их обожает. Аристократы делают вид, что ничего такого нет – пока актеры не зайдут слишком далеко в своих насмешках. Тогда у представления бывает более трагичный конец. – Он оглянулся на певцов. – Пора ехать.

Леоф задумчиво кивнул. Артвейр сказал что-то вознице,

и фургон со скрипом покати́л по мостовой, медленно поднимаясь вверх по склону в сторону той части города, где жили состоятельные люди.

– Похоже, народ не слишком верит в своих правителей, – заметил Леоф, задумавшийся над содержанием песен.

– Сейчас трудные времена, – ответил Артвейр. – Уильям был не особенно хорошим правителем, но королевство процветало, и он всем был по нраву. Теперь он умер, а вместе с ним Элсени и Лезбет, которых действительно любили. Что же до нового короля, Чарльза... Ну, тот портрет, что ты видел пару минут назад, недалек от истины. Чарльз славный парень, но тронутый святыми. – Артвейр вздохнул и продолжил: – Наши союзники, даже Лири, повернулись против нас, а Ханза угрожает войной. Из леса вышли демоны, беженцы заполонили улицы, болотные колдуньи предсказывают гибель мира. В такие времена людям нужен сильный правитель, а его у них нет. То, что показывают эти представления, еще не самое худшее. Гильдии начали вооружаться, и я боюсь, скоро начнутся хлебные бунты. Половина урожая высохла на полях в ночь багровой луны, да и море оскудело добычей.

– А что королева? Вы говорили, что она сильная.

– Да. Сильная и красивая, и такая же далекая от народа, как звезды. Кроме того, она ведь из дома Лири. Сейчас, когда Лири начали выступать против нас, кое-кто ей не доверяет.

Леоф задумался.

– Вести из Бруга ничем не помогут, верно?

– Разумеется. Но это лучше, чем если бы Новые земли были затоплены. – Он хлопнул Леофа по плечу. – Не волнуйся. После всего, что ты сделал, мы позаботимся о том, чтобы ты не бедствовал.

– А-а, – протянул Леоф, вовсе и не думавший о собственных бедах.

Его не отпускали глаза Бруга.

Глава 9

Предложения

С высоты трона открывался прекрасный вид на кинжальные лезвия и яд.

Колонны большого зала высились, точно массивные стволы деревьев, что тянут свои ветви к бледным полосам холодного света, льющегося из высоких окон. А дальше, за туманными пределами, начинался мрак. Там шелестели крыльями и ворковали голуби – их, как и котов, разгуливающих за шторами и гобеленами, невозможно было изгнать из громадного зала.

Мюриель часто задавалась вопросом, как такое огромное пространство может казаться таким давящим. Стоило пройти в массивные бронзовые двери, и тут же возникало ощущение, будто ты оказался под землей, где сам воздух соткан из камня. И одновременно ей чудилось, что она находится на невероятной высоте и, шагнув в одно из окон, отправилась бы в долгий полет с вершины горы.

Казалось, что здесь сошлись в равной мере небеса и преисподняя.

Ее муж, покойный король Уильям, редко использовал большой зал, предпочитая ему для проведения аудиенций другие. Помимо всего прочего, их легче было обогреть, а здесь сегодня царил пронзительный холод.

«Пусть мерзнут, – подумала Мюриель, оглядывая собравшихся. – Пусть стучат зубами. Пусть голубиное дерьмо падает на их роскошные бархатные с вышивкой камзолы. Пусть это место придавит их своей тяжестью».

Мюриель смотрела на людей, собравшихся перед тронном, и ненавидела всех до одного. Кто-то – возможно, из тех, кто сейчас стоит перед ней и смотрит на нее, – организовал убийство ее детей. Кто-то виновен в смерти мужа, в том, что теперь ее жизнь наполнена горем и страхом. Кто-то – или все они.

Лезвия и яд. Пятьсот человек, и всем что-либо от нее нужно, причем кому-то – ее жизнь.

Некоторых она знала. Вот бледное лицо Амбрии Грэмми, украсившей голову черной траурной фатой, словно она королева, а не бывшая любовница короля. Рядом с ней ее старший сын Ренвальд, бастард, одетый как принц. И три любовника Грэмми, члены Комвена, они стоят около нее, словно оберегая от остальной толпы. Они пребывают в счастливом неведении – или им все равно? – что все трое являются соперниками.

Грэмми, не задумываясь, прикончила бы Мюриель, если бы решила, что ей сойдет это с рук.

Слева от королевы застыл прайфек Хесперио в черной рясе и квадратной шляпе, Он лениво поглаживает козлиную бородку и немигающими глазами следит за происходящим, впитывая каждое произнесенное слово и пытаясь использо-

вать его в своих целях. Чего он хочет? Естественно, он старательно изображает ее друга и помощника, но убийцы ее дочерей были в рясах монахов. Их называли отступниками, но разве она теперь может кому-то верить на слово?

У ее ног собралась новая стая собак, разодетых в шелка, они не сводят с нее глаз, чтобы не упустить шанс вонзить зубы ей в глотку. Как бы ей хотелось приказать прикончить их всех на месте, точно скотину, а потом скормить свиньям!...

Но она не могла этого сделать. На самом деле у нее практически нет оружия.

Но одно из оставшегося – ее улыбка.

И потому Мюриель улыбнулась главарю стаи, и слева от нее сын на императорском троне кивнул, повторяя ее жест и показывая, что пес может подняться с колен и начать лаять.

– Ваше величество, – сказал тот, обращаясь к ее сыну, – я рад видеть, что вы находитесь в добром здравии.

Чарльз, император Кротении, широко раскрыл глаза.

– У тебя красивый плащ, – заявил он.

Это было правдой. Архгрефт Валамхар эф Эрадал обожал наряжаться. Плащ, который привел в восторг сына Мюриель, был украшен золотисто-белой вышивкой и накинут на зеленый камзол под цвет глаз архгрефта. Впрочем, тучного и краснолицего вельможу даже этот роскошный наряд не мог сделать красавцем.

Гвардейцы эф Эрадала, одетые в черно-кровавые куртки, выглядели более подтянутыми, но почти столь же щеголева-

тыми.

– Благодарю вас, ваше величество, – не обращая ни малейшего внимания на смешки, совершенно серьезно ответил архгрефт, словно получил от императора вполне разумный ответ.

Однако Мюриель видела насмешку, прятавшуюся в его глазах.

– Королева-мать, – проворковал Эрадал, кланяясь Мюриель. – Надеюсь, вы тоже благополучны.

– Совершенно, – весело ответила она. – Я всегда рада приветствовать у нас наших кузенов из Ханзы. Прошу вас, передайте вашему суверену, Маркомиру, что я была чрезвычайно рада вас видеть.

Эрадал снова поклонился.

– Непременно передам. Однако я надеюсь, что ваше послание будет длиннее.

– Несомненно, – проговорила Мюриель. – Передайте ему мои соболезнования по поводу недавней кончины герцога Острбурга. Насколько мне известно, он был близким другом его величества.

Эрадал нахмурился, но тут же взял себя в руки. Мюриель внимательно следила за ним. Острбург и ее муж погибли вместе на продуваемом ветрами мысе Аэнах во время какой-то тайной встречи. Острбург был ханзейцем.

– Это очень великодушно, ваше величество. Случившееся является для нас трагической загадкой. Нам будет не хватать

Острбурга, как, уверен, вам – императора Уильяма и принца Роберта. Как и вы, я надеюсь, что злодеи будут найдены и наказаны.

Сказав это, он бросил мимолетный взгляд на сэра Файла де Лири. Трупы, обнаруженные на мысе, были начинены лирскими стрелами.

Сэр Файл покраснел, но промолчал, что для него было проявлением неслыханной и достойной восхищения сдержанности.

Мюриель вздохнула, жалея, что рядом нет Эррен, которая сразу бы поняла, скрывает ли Эрадал что-нибудь. Лично ей казалось, что его слова звучат искренне.

– Должен с сожалением заметить, что за последние три месяца случилось слишком много смертей, – продолжал он, взглянув на Чарльза. Затем, поклонившись, проговорил: – Ваше величество, я знаю, насколько вы заняты, и потому сразу перейду к делу.

– Такова моя воля, – произнес Чарльз и покосился на Мюриель, чтобы убедиться, что вспомнил верные слова.

– Благодарю вас, ваше величество. Вам прекрасно известно, что во многих отношениях наступили смутные времена. Ночью на охоту выходят жуткие чудовища, сбываются ужасные пророчества. Повсюду происходят трагические события, жертвой которых стала и ваша семья.

«Мое лицо высечено из камня», – сказала себе Мюриель. Но даже камень был не в силах сдержать ее ярость. Она не

знала наверняка, кто стоит за убийством ее мужа и дочерей, но была уверена, что Ханза в этом замешана, несмотря на загадочную смерть Острбурга. Короли Ханзы раньше занимали трон, на котором сейчас сидит ее сын, и не отказались от мечты снова примостить на нем свои задницы.

Однако, хотя Мюриель ни на секунду не усомнилась в их участии в заговоре, она знала, что у нее нет доказательств. Поэтому она постаралась не выдать своих чувств, хотя и понимала, ^{что} у нее, вероятно, не слишком хорошо это получается.

– Его величество отправил меня сюда с предложением нашей дружбы в столь сложные для вас времена. На всех нас взирают с небес святые. И мы рассчитываем оставить наши разногласия в прошлом.

– Это похвальный жест, – сказала Мюриель.

– Мой король предлагает больше, чем просто жест, миледи, – продолжал Эрадал и щелкнул пальцами.

Тут же слуга вложил ему в руки шкатулку из гладко отполированного розового дерева. Поклонившись, посол протянул ее Мюриель.

– Я уверена, что это предназначено для моего сына, архгрефт, – уточнила Мюриель.

– Подарок? – пробормотал Чарльз.

– Нет, миледи. Это для вас. Знак доброго расположения.

– От короля Маркомира? – удивилась Мюриель. – Он ведь женат. Надеюсь, это не слишком интимный знак.

Эрадал улыбнулся.

– Нет, миледи. От его сына, принца Беримунда.

– Беримунда?

В последний раз Мюриель видела Беримунда, когда ему было лет пять, по представлениям Мюриель – совсем недавно.

– От юного Беримунда?

– Сейчас принцу двадцать три года, королева-мать.

– Да, и я вполне могла бы быть его матерью, – заметила Мюриель.

По залу пробежал смешок, и Эрадал покраснел.

– Миледи...

– Дорогой Эрадал, я пошутила, – сказала она. – Давайте же посмотрим, что нам прислал принц.

Слуга открыл шкатулку, и Мюриель увидела изысканную золотую цепочку для ключей, украшенную изумрудами. Королева улыбнулась еще шире.

– Чудесная вещица, – проговорила она. – Но как я могу ее принять? Я ведь уже ношу цепочку для ключей от владений дома Отважных. Зачем мне две?

Эрадал снова покраснел.

– Ваше величество, позвольте мне быть с вами откровенным. Дружба, которую вам предлагает принц Беримунд, особого рода. Он готов сделать вас своей невестой, а потом и королевой Ханзы.

– О боже, – промолвила Мюриель. – Все более и более

щедро. Когда же принц успел так сильно в меня влюбиться? Я несказанно польщена. То, что женщина моих лет может вызывать подобную страсть...

Она замолчала, понимая, что, если произнесет следующие слова, они неминуемо приведут к войне.

Мюриель сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить.

– Подарок просто великолепен, – сказала она, – однако, боюсь, мое горе еще слишком сильно и я не могу его принять. Если намерения принца благородны, я прошу его дать мне время, прежде чем он снова обратится ко мне со своим предложением.

Эрадал поклонился и подошел поближе.

– Ваше величество, – понизив голос, сказал он, – вы совершаете ошибку. Вы можете мне не поверить, но я не только уважал вашего мужа, мне он очень нравился. Я всего лишь посланник... и не влияю на государственные дела Ханзы. Однако я знаю, как обстоят дела в вашей стране. Вам сейчас очень нелегко. Вы должны подумать о собственной безопасности. Именно этого хотел бы Уильям.

– Я не советую вам брать на себя смелость говорить от имени моего покойного мужа, – так же вполголоса ответила Мюриель. – Прошло совсем немного времени с тех пор, как он умер. Ваше предложение в такой момент представляется мне неприличным. И вы это прекрасно знаете, Эрадал. Я сказала вам, что обдумываю его. Большого сейчас я вам обещать не могу.

Эрадал заговорил еще тише, и присутствующие напряглись, пытаясь уловить хоть что-нибудь из их разговора. Мюриель чувствовала, как пятьсот пар глаз буравят ее, пытаясь понять, что они могут выиграть от нового поворота событий.

– Я согласен, миледи, что время сейчас не слишком подходящее, – не стал спорить Эрадал. – Но оно не на нашей стороне. В мире царит предательство, идут приготовления к войне. Если вы не хотите думать о собственной безопасности, подумайте о своем народе. После всего, что случилось, разве Кротении нужна война?

– Это угроза? – нахмурившись, поинтересовалась Мюриель.

– Я бы никогда не осмелился угрожать вам, миледи. Я испытываю к вам сострадание, и больше ничего. Но если, увидев тучи, вы понимаете, что приближается буря, – разве это можно назвать угрозой? И о каких угрозах может идти речь, когда друг советует вам от нее укрыться?

– Вы мой друг. Я это вижу, – солгала Мюриель. – И непременно обдумаю ваше предложение, но я не могу и не стану давать вам ответ сегодня.

Эрадал помрачнел, но заставил себя кивнуть.

– Как пожелаете, ваше величество. И все же на вашем месте я не стал бы откладывать решение этого вопроса.

– Ты не будешь откладывать ни на одну минуту! – прорычал сэр Файл де Лири, чье лицо пылало такой яростью, что его волосы напоминали клубы белого дыма, поднимающего-

ся над ним. – Ты скажешь этой надутой устрице из Ханзы, что ты категорически отказываешься принимать какие бы то ни было предложения от его безмозглого принца!

Мюриель наблюдала за своим дядей, который вышагивал по комнате, словно закованный в цепи дикий зверь. Аудиенции закончились, и они сидели в ее личном зимнем саду, настолько же светлом и воздушном, насколько холоден и неуютен был тронный зал.

– Я должна делать вид, что обдумываю все предложения, – сказала она.

– Нет, не должна, – ответил он и наставил на нее палец. – Ты не должна и думать – или даже делать вид, что думаешь, – о том, чтобы передать королевство и империю Кротения наследнику Маркомира.

Мюриель закатила глаза.

– Какому наследнику? Даже если бы я вышла за него замуж, мне пришлось бы рожать этого наследника. И даже если бы я этого хотела – а я не хочу, – неужели ты думаешь, что я на такое способна, в мои-то годы?

– Не важно! – рявкнул сэр Файл. – Тут и внутри колес вертятся свои колесики. Бракосочетание с тобой отдаст им трон, как бы это ни называлось официально. – Он стукнул по оконной раме кулаком. – Ты должна выйти замуж за лорда Селкви.

– Должна? – холодно спросила Мюриель, приподняв бровь.

– Вот именно. Это наилучшее решение. Полагаю, ты и сама понимаешь.

Мюриель встала, сжав руки в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

– Я получила пять предложений о замужестве, и это при том, что тело Уильяма еще не успело остыть. Я вела себя терпеливо и вежливо. Но ты больше чем просто посол иностранного государства, Файл де Лири. Ты мой дядя. Мой кровный родственник. Ты сажал меня на колени, когда мне было всего пять лет, и говорил, что это лошадка, а я смеялась, как самый обычный ребенок, и верила тебе. И вот ты стал одним из них, ты явился в мой дом и пытаешься объяснить мне, что я должна делать. Я не намерена терпеть подобное обращение от тебя, дядя. Я больше не маленькая девочка, и ты не будешь пытаться воспользоваться моей привязанностью.

Файл удивленно раскрыл глаза, а потом выражение его лица немного смягчилось.

– Мюриель, – проговорил он. – Прости меня. Но ты совершенно верно напомнила мне, что мы родственники. Ты де Лири. Пропасть между Кротенией и Лиром увеличивается. Это не твоя вина – дело в том, что Уильям что-то задумал. Тебе известно, что он одолжил корабли Салтмарку, когда тот выступил против островов Печали?

– Всего лишь слухи, – возразила Мюриель. – Кстати, у нас говорят, что это лирские лучники убили моего мужа.

– Ты не можешь этому верить. Все свидетельства подта-

сованы.

– В данной ситуации ты даже представить себе не можешь, во что я готова поверить, – ответила Мюриель.

Файл собрался ответить на ее слова резкостью, но вовремя передумал. Неожиданно он показался ей древним стариком, и Мюриель больше всего на свете захотелось просто обнять его и почувствовать прикосновение его грубой щеки к своей.

– Как бы там ни было, – сказал Файл, – проблема остается. Ты можешь исцелить эту рану, Мюриель. Тебе под силу объединить народы.

– Ты считаешь, что Кротения вместе с Лири сможет противостоять Ханзе?

– Я знаю, что поодиночке у нас нет ни одного шанса.

– Я не об этом тебя спросила.

Файл надул щеки и кивнул.

– Я де Лири, – проговорила Мюриель. – А еще я принадлежу к дому Отважных. У меня осталось двое детей, и оба являются наследниками трона. Я должна сохранить его для них.

– Всем известно, что Чарльз не может иметь детей, – как можно мягче возразил Файл.

– Благодарение святым, иначе мне пришлось бы иметь дело еще и с претендентками на его руку.

– Значит, когда ты говоришь о наследниках, ты имеешь в виду Энни, Мюриель. Решение Уильяма о наследовании

трона дочерьми не имеет прецедентов. Церковь выступает против него – прайфек Хесперио уже начал кампанию за то, чтобы аннулировать принятый твоим мужем закон. Но даже если тот и останется в силе, что, если Энни... – Он замолчал на мгновение, но потом, поджав губы, договорил: – Что, если Энни тоже умерла?

– Энни жива, – уверенно сказала Мюриель.

– Я очень на это надеюсь, – кивнув, ответил Файл. – Но тем не менее имеются и другие наследники, которых следует принимать в расчет, и тебе прекрасно известно, что о них никто не забыл.

– Я их в расчет не принимаю.

– Возможно, решение придется принимать не тебе.

– Я умру, но не допущу, чтобы трон достался одному из ублюдков Амбрии Грэмми.

Файл мрачно ухмыльнулся.

– Она та еще интриганка, – сказал он. – Тебе наверняка известно, что ей уже удалось перетащить на свою сторону половину Комвена. Мюриель, ты должна помириться как с Комвеном, так и с народом твоего отца. Сейчас не самое подходящее время, чтобы делить Кротению на два лагеря.

– И не время для того, чтобы возвращать ее Лиру, – заметила она.

– Я этого не предлагал.

– Именно это ты мне только что предложил.

– Мюриель, дорогая, необходимо что-то делать. Так боль-

ше не может продолжаться. Чарльз не пользуется – и никогда не будет пользоваться – поддержкой народа. Люди знают, что его коснулась длань святых, хотя в более спокойные времена им, возможно, было бы все равно. Но сейчас происходят ужасные события, которых мы не понимаем. Кое-кто утверждает, что близится конец света. Империи нужен сильный и надежный правитель. Кроме того, не следует забывать, что Чарльз не может дать Кротении наследника.

– Энни способна стать таким сильным правителем.

– Энни – упрямый ребенок, и это знает все королевство. Более того, слух о том, что она разделила судьбу своих сестер, распространяется все неумолимее. На твоих границах беспокойно. Если ты не отдашь Ханзе трон, сочетавшись браком с принцем, они возьмут его силой. До сих пор их удерживали только надежда на твое согласие и легкое беспокойство, что церковь может выступить против.

– Мне все это известно, – устало проговорила Мюриель.

– Значит, ты должна понимать, что тебе следует начать действовать, прежде чем они что-нибудь предпримут.

– Я не могу принимать поспешные решения. Даже если я соглашусь выйти замуж за Селкви, это приведет в негодование многих. Если отвергну предложение Хорнлада, они могут заключить с Ханзой союз и выступить против нас. Тут все совсем не так просто, сэр Файл. Ты принимаешь решения, исходя из представлений о пользе для своей страны. Я – для своей. Мне нужен настоящий совет, настоящие возмож-

ности, а не постоянное давление со всех сторон. Мне необходим хотя бы один человек, на которого я могла бы положиться, человек, преданный только мне.

– Мюриель...

– Нет. Ты прекрасно знаешь, что не можешь быть этим человеком. В твоих венах течет морская вода Лира. Я очень тебя люблю, но знаю, что не могу в этом деле тебе довериться. Мне очень жаль, но это так.

– В таком случае кому ты можешь доверять?

Мюриель почувствовала, как по ее щеке скатилась слезинка, и отвернулась, чтобы дядя не увидел.

– Никому. Прошу тебя, оставь меня.

– Мюриель... – Она услышала, как дрогнул его голос.

– Уходи, – повторила она.

Через пару мгновений она услышала, как закрылась дверь. Мюриель подошла к окну, схватилась за раму и попыталась понять, почему солнечный свет кажется ей таким сумрачным.

Глава 10

Осперо

Казио встал между Энни и Осперо. Он не поднял клинок в оборонительную позицию, но продолжал держать его перед собой.

– Как я уже сказал тем наглым типам, леди находятся под моей защитой. И я не собираюсь отступать перед вами.

Глаза Осперо сузились, неожиданно он показался очень опасным даже без замерших у него за спиной двадцати с лишним человек.

– Выбирай слова, когда говоришь со мной, мальчик, – холодно сказал он. – Существует множество вещей, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия.

– Несомненно, – ответил Казио. – Я не знаю, сколько зернышек в гранате. Мне неизвестно, какие шляпы носят в Хериланце. Я не владею собачьим языком и не имею понятия о том, как работает водяной насос. Но я знаю, что поклялся защищать этих двух леди, и не намерен отступать от своего слова.

– А я не собираюсь им угрожать, – спокойно сказал Осперо. – Но, с другой стороны, они стали представлять угрозу для меня. Когда вооруженные люди приходят из северной части города в мой район, меня это тревожит. А теперь, когда мне пришлось выступить против них, моя тревога только

возросла.

Я вынужден их прикончить и утопить тела в болоте, а потом выяснить, не ищут ли этих типов. Я должен знать, кто будет их искать и явится за ними сюда – если явится. И прежде всего, мне необходимо понять, почему они явились сюда.

– Иными словами, вас не интересует награда? – с иронией спросил Казио.

– Мы еще обсудим этот вопрос, – ответил Осперо.

– Ничего подобного, – возразил Казио. – А теперь будьте так добры, отошлите своих людей.

– Мальчик... – начал Осперо.

– Я не знаю, кто они такие, – выпалила Энни. – Мне лишь известно, что кто-то хочет моей смерти и готов за это заплатить. Я не в силах ответить и на остальные ваши вопросы, поскольку мне неизвестны ответы. Благодарю вас за помощь, Осперо. Я верю, что в глубине души вы остаетесь благородным человеком и не станете извлекать выгоду из наших несчастий.

Осперо хрипло расхохотался, и многие из его людей последовали его примеру.

– Я вовсе не благороден, – с усмешкой ответил он. – Уж в этом ты можешь не сомневаться.

Казио медленно поднял рапиру.

– Ты же не хочешь этого делать, мальчик, – бросил Осперо.

– Я прекрасно знаю, чего хочу, – надменно возразил Ка-

зио.

Осперо слегка кивнул. Затем с поразительной быстротой упал, ударив Казио по опорной ноге. Казио потерял равновесие, его развернуло, а Осперо мгновенно вскочил и ловко заломил правую руку Казио – через мгновение Каспатор со звоном упал на землю. И, словно по волшебству, у горла юноши возник нож.

– Полагаю, тебе необходим урок вежливости, – сказал Осперо.

– Ему потребуется еще немало таких уроков, – раздался новый голос.

– З'Акатто! – вскричала Остра.

Старик действительно неторопливо приближался к ним.

– Что ты намерен сделать с ним, Осперо? – осведомился з'Акатто.

– Вот не могу решить, выпустить из него кровь сразу или постепенно.

– Делай худшее, на что способен, – сквозь зубы прошипел Казио.

– И лучше сразу, – посоветовал з'Акатто. – В противном случае тебе придется выслушивать длинные речи.

– Да, я вижу, – задумчиво проговорил Осперо.

– З'Акатто! – вскрикнул Казио.

Старик тяжело вздохнул.

– Вам лучше его отпустить.

Энни собралась с силами. Она знала – несмотря на свою

внешность, з'Акатто мастерски владеет клинком и очень любит Казио. Он не станет стоять в стороне и смотреть, как юношу убивают. Сможет ли она еще раз призвать на помощь Цер, ослепить Осперо и заставить его бросить нож? Она должна попытаться, иначе им всем конец...

Однако, к ее удивлению, Осперо убрал нож и отошел в сторону.

– Конечно, эмратур.

Казио был совершенно потрясен.

– Эмратур? – спросил он. – О чем это он? Какой эмратур?

– Помолчи, мальчик, – пробормотал з'Акатто. – Просто радуйся, что остался жив. – Он повернулся к Осперо. – Нам нужно поговорить наедине.

Осперо кивнул.

– Похоже, ты должен многое мне рассказать.

З'Акатто кивнул в ответ.

– Казио, отведи каснар в их комнаты. Я скоро к вам присоединюсь.

– Но...

– Хотя бы однажды не спорь со мной, – резко сказал з'Акатто.

Люди Осперо разошлись, как только их вожак удалился вместе с з'Акатто.

Казио посмотрел им вслед, вздохнул и убрал Каспатор в ножны.

– Хотел бы я знать, что все это значит, – пробормотал он.

– Послушай, а как Осперо назвал з'Акатто? – спросила Энни. – Эмратур? Я никогда не слышала, чтобы ты так к нему обращался.

– Пойдем, – ответил Казио. – Сейчас с ним лучше не спорить.

Он зашагал к дому. Энни последовала за ним.

– Казио? – не унималась она.

– Казио только что спас нам жизнь, – напомнила ей Ост-ра. – Еще раз.

Энни не обратила на ее слова ни малейшего внимания.

– Ты выглядел удивленным.

– Это не имя, – проворчал Казио. – Это звание. Человек, который командует сотней.

– Как в армии?

– Именно.

– Значит, з'Акатто был эмратуром?

– Если и так, мне ничего об этом не известно.

– А мне казалось, что ты знаешь его всю жизнь.

Они подошли к лестнице, и Казио начал подниматься по ступенькам.

– Так и есть. Ну, в некотором роде. Он служил у моего отца. З'Акатто обучал искусству дессраты моих братьев и меня. Но иногда, пока я был юн, он исчезал на несколько месяцев. Наверное, сражался. В те дни у моего отца было много разных интересов. Возможно, з'Акатто действительно командовал сотней.

– Но з'Акатто продолжает служить твоему отцу?

– Нет. Для моего отца наступили тяжелые времена, а потом его убили на дуэли. Я унаследовал з'Акатто вместе с домом в Авелле. Больше от владений отца ничего не осталось.

– Понятно. Мне очень жаль.

Глаза Энни наполнились слезами. Она вдруг вспомнила о собственном горе. Казио остановился, удивленно взглянул на Энни и положил руку ей на плечо.

– Все это произошло довольно давно, – сказал он. – У тебя нет причин плакать.

– Я кое-что вспомнила, вот и все, – пробормотала Энни. – Тех, кого я потеряла.

– Ах, вот оно что.

Казио опустил взгляд, а потом вновь посмотрел на Энни.

– Мне совсем не хочется быть бесцеремонным, – продолжал он. – Но... я не понимаю, что происходит. Мне показалось странным, что з'Акатто решил поселиться именно здесь. Должно быть, он давно знаком с Осперо – все получилось слишком просто, он даже не стал брать с нас деньги. Теперь я уверен, что они хорошо знают друг друга. Но что все это означает, я не знаю.

– Так ты не веришь з'Акатто?

– Не думаю, что он способен меня предать, если ты об этом, – ответил Казио. – Однако иногда он принимает ошибочные решения. В конце концов, он допустил, чтобы моего отца убили.

– Разве з'Акатто виноват в его смерти? Что произошло?

– Не знаю, но з'Акатто корит себя за случившееся. Именно с тех пор он начал пить. И он не должен со мной оставаться – у меня нет денег, чтобы ему платить. Однако он не уходит – наверное, чувствует свою вину.

– Возможно, он просто тебя любит, – предположила Остра.

– Ха, – ответил Казио, без колебаний отметая такую возможность.

– А кто такой Осперо? Я думала, что он просто хозяин нашей квартиры.

– О да, он хозяин – большей части Перто Вето. И еще Осперо почти полностью контролирует доки. Не говоря уже о леди, которых я сопровождаю. Они здесь называют его «зо кассро» – хозяин. Без разрешения Осперо ни один воришка не посмеет забраться в чужой карман.

– Он преступник?

– Нет. Он принц преступников, во всяком случае в этой части города.

– И что мы будем делать? – спросила Энни.

– Будем ждать, пока не появится подходящий корабль, а мы не наберем достаточную сумму, чтобы заплатить капитану.

Ничего другого мы сделать не можем. Сейчас вас повсюду разыскивают. А здесь вы в безопасности. Если з'Акатто знает, что делает.

– Я в этом уверена, – заметила Остра.

– Будем надеяться.

Энни ничего не сказала. Она почти ничего не знала о з'Акатто – если не считать того, что большую часть времени он бывал пьян. А теперь выясняется, что и Казио не так уж много известно о старике.

Возможно, з'Акатто никогда не предаст Казио. Но из этого вовсе не следовало, что ей и Остре нечего бояться.

Часть II

Новые знакомства

2223 год эверона, конец новмена

Призмо, первый способ, есть Светильник Дня. Он призывает святого Лоя, святую Аусу, святого Аббуло и святого Фела. Он порождает яркое солнце и голубые небеса. И пробуждает радость, возбуждение, дерзость.

Этрама, второй способ, есть Светильник Ночи. Он призывает святого Соана, святую Цер, святую Артуму. Он порождает луну во всех ее фазах, звездное небо и теплые ночные ветры. И пробуждает усталость, отдых и сон.
Из «Кодекса гармонии» Элгина Видсея

Призмо, первая защита, носит такое название, поскольку ее проще всего сделать, выхватывая меч из ножен. Ответный удар намного сложнее.

Этрама, вторая защита, названа так без всякой на то причины, но она превосходно действует против фланговых атак.

Перевод из «Обсао дазо Чиадио» («Трактата о мече»), авторства местро Папо Аврадио Валлаимо

Глава 1

Поединок

– Мне кажется, этот человек хочет нас убить, Ураган, – сказал Нейл своему скакуну, похлопывая его по шее.

Потом он пожал плечами, глубоко вздохнул и посмотрел на небо.

Нейл всегда считал, что небо есть небо – конечно, оно меняется вместе с погодой, но одинаково в разных местах. Однако здесь, на юге, его голубой цвет казался ему пронзительным. Он поразительно гармонировал с беспорядочными, напоенными солнцем полями и виноградниками, белыми домиками, крытыми красной черепицей, низкими искривленными дубами и стройными кедрами, украшавшими ландшафт. Нейл с трудом верил, что такие места существуют на свете одновременно с его холодной туманной родиной – особенно в середине месяца новмен. Скерн сейчас, наверное, находится под толстым покровом снега. А здесь Нейл даже слегка вспотел под кожаной курткой и доспехами.

Нейл не устал удивляться. А потом он вспомнил, какое благоговение охватило его, когда он впервые увидел Эслен, каким огромным показался мир мальчику с крохотного острова, затерянного в море Святого Лира. Однако за последние несколько месяцев мир заметно съезжился, и теперь уже замок Эслен казался немногим больше шкатулки.

А сейчас мир вновь стал огромным, и это привело Нейла в диковинное состояние меланхолического счастья. В столь просторном мире печали и страхи Нейла МекВрена уже не имели существенного значения.

Однако и это странное настроение не позволяло Нейлу забыть о своей вине. Королеве постоянно грозила опасность, и не было причины, по которой он мог бы ее оставить. Однако она сама выбрала для него иную дорогу – королева и тени Эррен и Фастии. Они определенно лучше знали, что он должен делать.

Но, по крайней мере, ему не следовало радоваться жизни. Он услышал какие-то крики и понял, что путешественнику не стоит так долго созерцать небеса.

– Прошу меня простить, – сказал он на королевском языке, – но я вас не понимаю. Я не владею языком Вителлио.

Мужчина произнес нечто столь же непонятное, но теперь он обращался к одному из своих оруженосцев. Нейл предположил, что это оруженосцы, поскольку заговоривший с ним мужчина, вероятно, являлся рыцарем. Он сидел на мощной лошади, черной, с белым пятном на лбу. Грудь и бока лошади закрывали легкие доспехи.

Сам человек также носил доспехи, необычного вида и очень красивые – места сочленений скрывали кованые дубовые листья. Такие доспехи могли быть только у рыцаря. Шлем он держал в руке, но Нейл отметил коническую форму и плюмаж из ярких перьев, напоминающий петушиный

хвост. Плащ или накидку заменял необычный красно-желтый наряд, украшенный – как и щит – сжатым кулаком, солнечным лучом и чем-то вроде мешка. В знакомой Нейлу геральдике это не означало ничего, впрочем, он находился очень далеко от дома.

Рыцаря сопровождали четыре человека, все без доспехов, но в плащах с теми же знаками, что и на его щите. У дороги стоял большой шатер, над которым трепетал флажок с изображением одного лишь луча. Три лошади и два мула паслись неподалеку от разбитой красной дороги.

Один из оруженосцев крикнул:

– Мой господин просит вас назвать себя.

У него было длинное, худое лицо с пучком волос, надеющимся сойти за бороду, на подбородке. Он продолжил:

– Если вы не можете говорить на языке цивилизованных людей, то продолжайте лепетать на своем наречии, а я буду переводить.

– Я странник, – ответил Нейл. – Боюсь, я больше ничего не могу вам сообщить.

Рыцарь и его человек обменялись несколькими фразами; затем слуга обратился к Нейлу:

– Вы носите доспехи и оружие рыцаря. Кому вы служите?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, – отозвался Нейл.

– Подумайте хорошенько сэр, – продолжал оруженосец. –

В этой стране нельзя носить рыцарские доспехи, если у вас нет соответствующего права.

– Понятно, – спокойно ответил Нейл. – А если я рыцарь и могу это доказать, что тогда скажет ваш господин?

– Он вызовет вас на поединок чести. А после того, как убьет, получит ваши доспехи, оружие и коня.

– О. А если я лишь прикидываюсь рыцарем?

– Тогда мой господин будет вынужден оштрафовать вас и конфисковать ваше имущество.

– Мне кажется, – задумчиво проговорил Нейл, – совершенно не имеет значения, как я себя назову, не так ли? К счастью, у меня есть копье.

Глаза оруженосца округлились.

– А вы знаете, кто перед вами?

– Я мог бы спросить, но, поскольку не называю своего имени, с моей стороны это было бы неучтиво.

– Вы не узнаете герб?

– Боюсь, что нет.

Оруженосец вновь посоветовался со своим господином. В качестве ответа рыцарь надел шлем, опустил копье и поднял щит. Нейл последовал его примеру, отметив, что его собственное оружие почти на ярд короче, чем у противника.

Вителлианский рыцарь первым тронул с места своего скакуна. В лучах вечернего солнца над дорогой закрубилась красная пыль. Нейл прищпорил Урагана и опустил копье в боевое положение. Над холмистыми полями взмыла в воздух стая черных дроздов. На несколько мгновений стало очень тихо.

В последний момент Нейл сместился в седле и неожиданно слегка повернул свой щит так, что вражеское копье лишь скользнуло по нему. От удара у Нейла заскрежетали зубы, но он успел увести наконечник своего копья вправо, поскольку его противник проделывал такой же маневр. В результате удар Нейла пришелся в край щита и вся его сила передалась рыцарю. Копье переломилось, рыцаря отбросило назад, но тот сумел удержаться в седле.

Нейл свирепо ухмыльнулся и обнажил Ворона. Его противник мгновение рассматривал его, а затем передал копье одному из своих оруженосцев и вытащил меч.

Противники вновь сошлись, и щиты с грохотом ударились друг о друга. Ворон взмыл вверх и ударил по шлему вителлианского рыцаря, его же клинок полоснул по плечу Нейла так, что, если бы не доспехи, тот лишился бы руки. Они замерли на миг, однако их лошади оказались столь близко, что противникам не удалось больше нанести ни одного удара.

Ураган рванулся в сторону, Нейл тут же развернул его и сделал молниеносный выпад. Удар пришелся вителлианскому рыцарю в шею, и тот рухнул на землю. Черная лошадь осталась стоять рядом, яростно раздувая ноздри, готовая защищать своего господина.

К удивлению Нейла, рыцарь, пусть и с трудом, однако поднялся на ноги. Латный воротник и толстый слой ткани оставили лезвие, но оставалось лишь удивляться, почему его шея не сломана.

Нейл соскочил с Урагана и подошел к своему противнику. Вителлианец поднял меч для удара, но Нейл сильно толкнул его щитом, заставив сделать шаг назад. Увидев, что соперник потерял равновесие, Нейл ударил рыцаря в правое плечо. Доспехи зазвенели, и клинок выпал из ослабевшей руки противника.

Нейл ждал, что рыцарь поднимет меч, но вителлианец отбросил щит и снял шлем. Он оказался мужчиной среднего возраста, с висками, посеребренными сединой. Лицо украшали усы и аккуратная бородка. Нос потерял форму – очевидно, он не раз бывал сломан.

– Вы рыцарь, – признал мужчина.

Он говорил с акцентом, но на вполне приличном королевском языке.

– И хотя вы не пожелали назвать свое имя, я должен сдаться, поскольку вам удалось сломать мне руку. Меня зовут сэра Квинт дак'Укара, и для меня было честью сразиться с вами в поединке. Вы станете моим гостем?

Но прежде чем Нейл успел ответить, сэра Квинт потерял сознание, и оруженосцы бросились к нему на помощь.

Нейл подождал, пока люди сэра Квинта снимут доспехи со своего господина и протрут его тело надушенной тряпичей. Плечевая кость действительно была сломана, поэтому они сделали рыцарю тугую повязку. Пока они этим занимались, сэра Квинт пришел в себя, но если он и испытывал боль, заметить это можно было, лишь заглянув ему в глаза.

– Я не говорил прежде на вашем языке, – объяснил он, – поскольку не знал вас, а с незнакомцем следует изъясняться на языке моей родины. Однако вы меня победили, и теперь в моем лагере будет звучат язык Виргеньи. – Он кивнул на свои помятые доспехи. – Они принадлежат вам, – продолжал он. – Как и зо Кабадро, мой скакун. Прошу вас лишь о том, чтобы вы хорошо с ним обращались – он замечательный конь.

Нейл покачал головой.

– Вы очень щедры, сэр Квинт, но я не нуждаюсь ни в доспехах, ни в скакуне. К тому же я должен спешить, а дополнительный груз меня задержит.

Квинт улыбнулся.

– Вы великодушный человек, сэр. Не распространите ли вы это великодушие настолько далеко, чтобы назвать свое имя?

– Я не могу, сэр.

Сэр Квинт бросил на него проницательный взгляд и кивнул.

– Вы дали обет. У вас тайное поручение.

– Вы можете гадать, сколько пожелаете.

– Я уважаю ваше решение, – сказал сэр Квинт, – но я должен вас как-то называть. Вы будете сэр зо Виотор.

– Я не понимаю, что означает это имя.

– Вы сами так себя назвали – «странник». Теперь вы сможете объяснить тем, кто не знает вашего языка, кто вы такой.

– Благодарю вас, – искренне ответил Нейл.

Сэр Квинт повернулся к одному из своих людей.

– Арво, принеси нам вино и пищу.

– Прошу меня извинить, но мне нужно ехать, – сказал Нейл. – Я благодарю вас за приглашение.

– Уже слишком поздно. Колесница лорда Аббуло укатила за край мира, а даже такой замечательный воин, как вы, должен иногда спать. И если вы согласитесь принять мое гостеприимство, ваше дело не пострадает, а мне вы доставите огромное удовольствие.

Между тем, не обращая внимания на протесты Нейла, Арво уже расстелил на траве скатерть.

– Хорошо, – не стал больше возражать Нейл, – я принимаю ваше приглашение.

Вскоре скатерть была уставлена кушаньями, большинство из которых оказались Нейлу незнакомы. Конечно, здесь был хлеб, твердый сыр и груши. В необычном красном фрукте оказалось множество зернышек, похожих на жемчужины. Они понравились Нейлу, но с ними пришлось изрядно повозиться. Желтоватую массу, напоминающую масло, следовало намазывать на хлеб. Маленькие черные фрукты оказались соленоватыми. Крепкое красное вино имело вкус вишен.

Только после того, как трапеза началась, Нейлу пришло в голову, что еда может оказаться отравленной. Еще год назад он и представить себе не мог такого бесчестия. Но жизнь при дворе научила его, что представления о чести могут быть

весьма разными.

Однако сэр Квинт и его оруженосцы ели и пили то же самое, что и Нейл, и он перестал тревожиться. Несмотря на необычные доспехи и герб, сэр Квинт был рыцарем и вел себя соответственно – с тем же успехом его мог бы отравить сэр Файл де Лири, старый шевер, который вырастил Нейла после смерти отца.

В конечном счете Вителлио оказался не таким уж необычным краем.

Вителлианцы ели медленно, часто делая паузы, чтобы о чем-то поспорить на своем языке, который показался Нейлу удивительно певучим. На смену сумеркам пришла прохладная ночь. Звезды изукрасили небо, и у Нейла потеплело на душе – звезды здесь были такими же, как дома.

Вот только в Эслене он редко их видел. А здесь они были ослепительными.

Сэр Квинт с легким смущением вновь перешел на королевский язык.

– Прошу меня простить, сэр Виотор, – сказал он, – что вы не смогли принять участия в нашей беседе. К сожалению, не все мои оруженосцы владеют королевским языком, как и историк Волио.

Он указал на самого пожилого из своих спутников, лысину которого окружал венчик седых волос.

– Историк?

– Да, конечно, он записывает мои деяния – победы и по-

ражения. Мы поспорили о том, как следует рассказать о моем сегодняшнем поражении – и что оно предвещает.

– Неужели это настолько важно, чтобы записывать? – удивился Нейл.

– Этого требует честь, – в свою очередь удивился Квинт. – Быть может, вы ни разу не проигрывали дуэлей, сэр Виотор, но если бы такое случилось, разве могли бы вы делать вид, что непобедимы?

– Нет, конечно, однако к чему это записывать?

Рыцарь пожал плечами.

– Обычаи севера отличаются от наших – тут нет ни малейших сомнений. Впрочем, далеко не каждый рыцарь Вителлио отвечает перед историей, но я рыцарь Горы, и мой орден требует вести хроники.

– Вы служите горе?

Рыцарь улыбнулся.

– Гора – это святое место, которого коснулись лорды – кажется, вы называете их святыми.

– Значит, вы служите святым? У вас нет господина?

– Я служу купеческой гильдии, – ответил сэр Квинт. – Они дали обет верности Горе.

– Вы служите купцам?

Рыцарь кивнул.

– Вы здесь недавно? Всего в Вителлио четыре вида рыцарей. У каждой гильдии есть свои рыцари – у купцов, ремесленников, моряков и так далее. Каждый принц – мы называ-

ем их «меддиссо», – каждый меддиссо также имеет под своим началом рыцарей. Естественно, есть еще рыцари церкви. Наконец, судьям тоже служат рыцари, чтобы никто не мог им угрожать и они имели возможность выносить справедливые решения.

– А как же король? – спросил Нейл. – Разве у него нет рыцарей?

Сэр Квинт рассмеялся и повернулся к своим оруженосцам.

– Фатит, писпе вазо редиатур, – сказал он им. Те подхватили его смех.

Нейл постарался скрыть свое удивление.

– В Вителлио нет короля, – объяснил Квинт. – Городами управляют меддиссо. Некоторые меддиссо – сразу несколькими, но никто не стоит во главе всего Вителлио. С тех пор как тысячу лет назад распалась Гегемония, у нас нет единого правителя.

– О-о, – задумчиво протянул Нейл.

Он мог представить себе страну с регентом, однако никогда не слышал о стране совсем без правителя.

– И, – продолжал сэр Квинт, – поскольку я служу гильдии купцов, они хотят, чтобы велись хроники. Вот почему у меня есть историк.

– Но вы что-то сказали о предзнаменованиях?

– Да, разумеется, – ответил сэр Квинт, поднимая палец. – Сражение подобно броску костей или толкованию карт. В

нем есть скрытый смысл. В конце концов, святые решают, кто из нас одержит верх, верно? И раз вы меня победили, в этом должен быть некий смысл.

– И что по этому поводу думает ваш историк?

– Он считает, что вы отправились на поиски кого-то или чего-то. Очень важные поиски. И от вашего успеха зависит будущее народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.